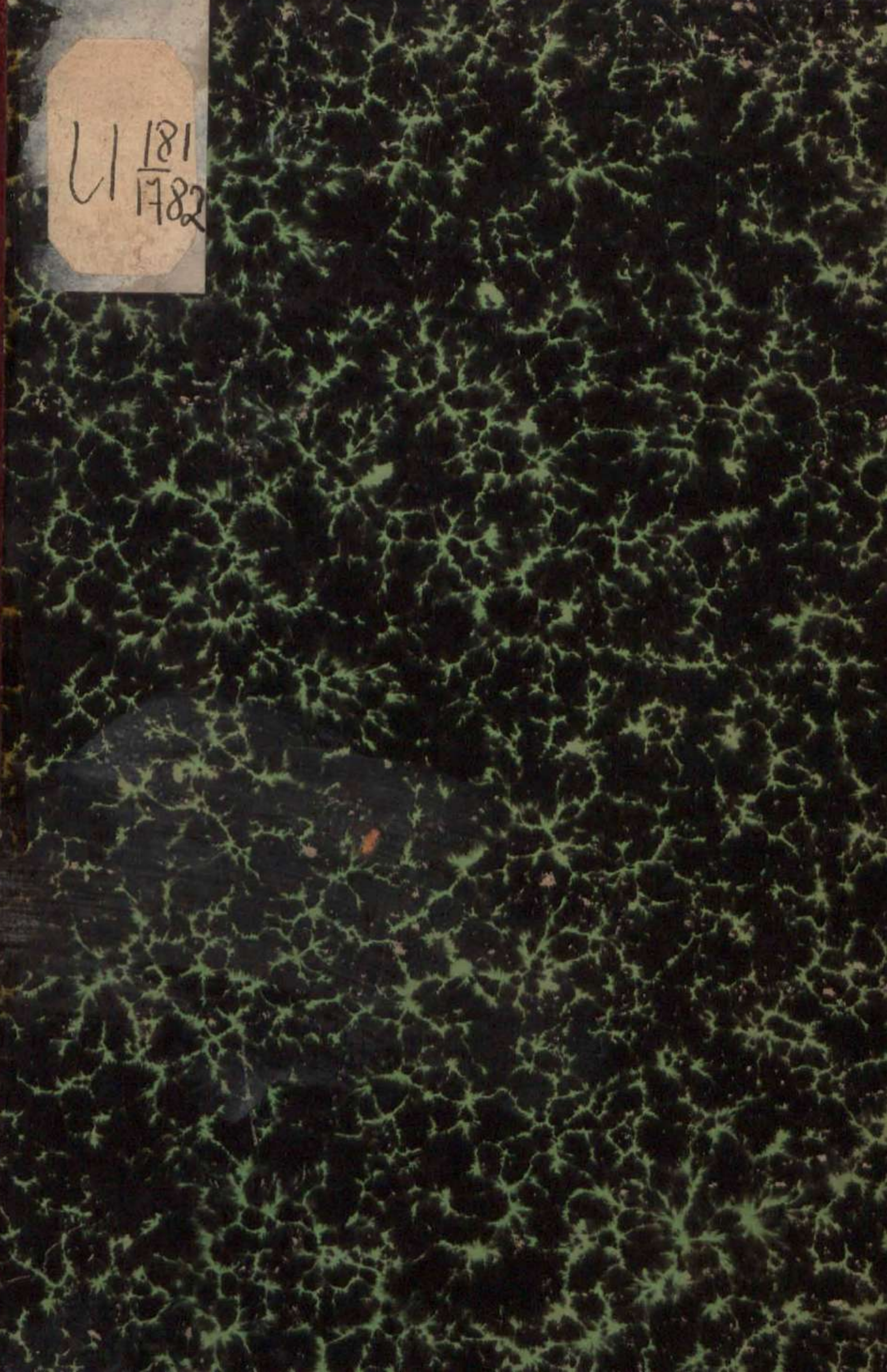
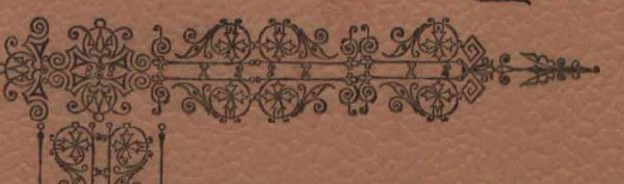


U I 181 / 1782

Dm
11862



ИЗЪ ОДЕССЫ ПѢШКОМЪ
по
КРЫМУ.

М. А. ВЕРНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., 8.
1896.

Дозв. ценз. Спб. 29 Января 1896 г. Тип. Глазунова, Казанская 8.

Отправленіе М. А. Бернова изъ Одессы.

М. А. Берновъ.

ИЗЪ ОДЕССЫ ПѢШКОМЪ

по

КРЫМУ.

ПИСЬМА РУССКАГО ПѢШЕХОДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Января 1896 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Софьѣ Богдановнѣ

ФАЛЬЦЪ-ФЕЙНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Михаилъ Александровичъ Берновъ родился 21 сентября 1864 г. близъ Тифлиса, гдѣ служилъ его отецъ, впослѣдствіи заслуженный генералъ. Литературныя способности сказались у М. А. Бернова съ ранняго дѣтства; онъ унаслѣдовалъ ихъ отъ отца, писавшаго подъ псевдонимомъ Бобренева. Большое вліяніе на умственное развитіе М. А. Бернова имѣла его мать, урожденная фонъ-Бокъ, женщина всесторонне образованная.

Въ семьѣ Берновыхъ, для дѣтей, издавался писанный журналъ, который редактировалъ десятилѣтній Михаилъ Александровичъ, помѣщавшій въ немъ свои первые стихи и разсказы.

Желая поощрить въ сынѣ его страсть къ чтенію, отецъ, занимавшій въ то время постъ предсѣдателя Военной Слѣдственной Комиссіи въ Варшавѣ, выписалъ ему изъ Петербурга полную библіотеку, въ которую вошли всѣ выдающіеся русскіе писатели и нѣкоторые иностранные.

Въ 1876 г. умираетъ отецъ, и Михаила Александровича отдаютъ въ 1-ую С.-Петербургскую Военную Гимназію, по окончаніи которой онъ пе-

реходитъ въ Москву, въ 3-е Военное Александровское Училище. Въ 1883 г. онъ производится въ офицеры съ назначеніемъ въ Нарву, въ 92-й пѣхотный Печерскій полкъ.

Въ гимназіи, какъ и въ училищѣ, онъ продолжаетъ писать, считаясь всегда однимъ изъ лучшихъ учениковъ по классамъ русской словесности и иностранныхъ языковъ, которые онъ изучилъ еще дома.

Будучи юнкеромъ, онъ сотрудничаетъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, въ „Московской Газетѣ“, въ журналахъ: „Будильникъ“, „Москва“, „Сатирическій Листокъ“ и др., подписываясь иниціалами М. Б.

Въ 1886 г. М. А. Берновъ выходитъ въ запасъ и поселяется въ Петербургѣ. Въ свою бытность въ полку, занятый службой, М. А. Берновъ мало пишетъ. За періодъ съ 1886 г. по 1889 г. онъ ставитъ на частныхъ сценахъ Петербурга нѣкоторыя изъ своихъ піесъ: „Личину“, „Бѣдовую“, „Роковую любовь“, и самъ занимается театральной антрепризой.

Въ 1889 г. онъ уѣзжаетъ за границу, посѣщаетъ Всемірную Парижскую выставку и ѣдетъ въ Италію.

По возвращеніи въ Парижъ, онъ открываетъ здѣсь „Франко-Русскій Салонъ“, имѣвшій цѣлью пропагандировать за границей русское искусство.

Салонъ этотъ въ теченіе двухъ сезоновъ (90 и 91 г.) пользуется большимъ успѣхомъ. Курьеръ этого Салона, Подлевскій, 6-го ноября 1891 г. убиваетъ генерала Селивестрова, и Салонъ закрывается.

Тогда М. А. Берновъ пробуетъ свои силы на поприщѣ лектора; успѣхъ его дебюта въ Парижской Salle des Capucines ободряетъ его, и онъ отправляется въ турнэ лекцій по Франціи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи и Англіи.

Въ 1891 г. онъ возвращается въ Россію, проводитъ около года въ Москвѣ и Петербургѣ, и 23 декабря 1891 г. отправляется пѣшкомъ изъ Петербурга въ Парижъ.

Отсюда начинается серія его пѣшеходныхъ путешествій, которыя составляютъ, въ общей сложности, свыше 12.000 верстъ, сдѣланныхъ пѣшкомъ по Европѣ и Африкѣ.

Прійдя въ Парижъ, М. А. Берновъ предпринимаетъ рядъ новыхъ путешествій, пѣшкомъ-же: изъ Парижа въ Брюссель, изъ Парижа въ Ниццу, изъ Лондона въ Эдинбургъ, дѣлаетъ пѣшкомъ всю Испанію и, перебравшись въ Африку, совершаетъ рядъ пѣшеходныхъ экскурсій по Алжиру и Сахарѣ.

Свои путевыя письма, подъ заглавіемъ, „Писемъ Русскаго Пѣшехода“, онъ печатаетъ въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ.

Во время этихъ пѣшеходныхъ экскурсій, являющихся источникомъ массы новыхъ, оригинальныхъ темъ, М. А. Берновъ продолжаетъ чтеніе лекцій. За этотъ періодъ времени имъ прочитано до 300 лекцій по-французски, нѣмецки и англійски, между прочимъ въ Парижскомъ Альпійскомъ Клубѣ, въ Географическихъ Обществахъ — Мадрида, Антвер-

пена, Женевы, въ Ассоціаціи Иностранной Прессы въ Лондонѣ, и множество другихъ.

Проводя зимы въ Парижѣ, М. А. Берновъ вновь открываетъ свой Салонъ.

Лѣто и осень 1894 г. неутомимый путешественникъ проводитъ въ Россіи, посѣщаетъ Царство Польское, Литву, Юго-Западный Край и, прибывъ въ Одессу, отправляется пѣшкомъ по Новороссіи, Крыму и Бессарабіи.

I.

Стоялъ дивный лѣтній денекъ. Гостепріимная Одесса провожала меня яснымъ, безоблачнымъ небомъ, спокойной ширью моря, яркой зеленью бульваровъ—гармоніей свѣтла, тепла и мира.

Въ редакціи—шампанское, сердечныя напутствія, дружескія рукопожатія.

Два милыхъ одессита эскортируютъ меня далеко за черту города.

На душѣ свѣтло, отрадно...

Смѣлѣе въ путь!

Мнѣ путь тотъ не страшенъ. Много исходилъ я свѣта и никогда не былъ такъ счастливъ, какъ, живя съ природой, моимъ лучшимъ другомъ.

Другъ, дай мнѣ руку и будемъ опять неразлучны!

Окраины Одессы весьма неприглядны, какъ скучна пока и вся дальнѣйшая дорога. Правда, море... — единственное, что ласкаетъ глазъ. Остальное: выжженная степь, кой-гдѣ посѣвы, пыль—поэзіи мало.

Но вотъ поэтичный уголокъ. Рукой домовитаго хозяина и любителя природы, симпатичнаго командира Киселовскаго пограничнаго поста, на пескѣ и сожженной солнцемъ степи, разбитъ искусственный оазисъ, хорошенькая вилла, во вкусѣ виллъ французской Ривьеры. Кокетливый садикъ, съ кустами розъ, съ куртинками резеды, левкоя и душистаго горошка, съ огородомъ и фруктовымъ садомъ, гдѣ все есть, гдѣ спѣютъ фрукты и наливаются ягоды и гдѣ на грядахъ много всякаго добра.

На террасѣ сидятъ дамы: хозяйка дома, молодая дѣвушка, мѣстная помѣщица. Завязывается разговоръ. Рѣчь идетъ о вороватости славянской натуры.

„Заграницей“, жалуется помѣщица, „фрукты, виноградъ— все это растетъ у самой дороги, и никто пальцемъ не тронетъ, у насъ-же, стога, напримѣръ... Сыну приходится по ночамъ отправляться въ объѣздъ, стеречь ихъ, а то отъ стоговъ останутся грибы какіе-то: до верху не достать, и потому верхъ цѣлъ, какъ шапка, и вродѣ грибнаго корешка—низъ, остальное выщипано, растаскано крестьянами“...

Накормили, напоили...

Гостепріимный человѣкъ нашъ братъ русскій! Посмотрѣли-бы вы, какъ живутъ люди заграницей—только для себя. А у насъ, отъ вельможи до послѣдняго мужика, всякъ свято блюдетъ наказы народныхъ поговорокъ:

Что въ печи, то и на столъ мечи.

Не красна изба углами, а красна пирогами.

Освѣдомляюсь объ организаціи пограничной стражи на морѣ. Сухопутная мнѣ досконально извѣстна—прошагалъ почти всю западную границу, жилъ и съ начальствомъ, и съ солдатиками.

Славные парни пограничные солдаты! Все больше малороссы. Смышленный народъ и вѣрный, можно на него положиться. На морѣ пограничная служба менѣе сложна, нежели на сухопутьи. Всего одна цѣпь часовыхъ да патрули. На сухопутныхъ границахъ бываетъ ихъ до трехъ.

— За пять лѣтъ, что я здѣсь, не было ни одной поимки контрабанды. Но, конечно, сними кордонъ, сейчасъ пойдетъ.

„Какъ у васъ тутъ хорошо!“ восторгаюсь я, скользя влюбленнымъ глазомъ по разстилающейся панорамѣ“.

А онъ:

— Эхъ, батюшка, лѣтомъ вездѣ хорошо, а вотъ заѣхали-бы вы сюда осенью, или зимой...

Да, зимой здѣсь не должно быть весело! А чтобъ отлучиться съ поста—цѣлая процедура.

Однако долго засиживаться на одномъ мѣстѣ не приходится... много еще пути впереди.

Смеркается. Дорога все пылитъ, потому ѣзда постоянная. Все больше рыбу везутъ въ Одессу.

А вотъ на бережку и тянутъ ее. Громадный неводъ.

— Какой длины?—спрашиваю.

— Двѣсти саженъ. Это еще маленькій; бываетъ и въ триста, и въ четыреста.

— А сколько стоитъ такой неводъ?

— Рублей пятьсотъ, дешевле не купишь.

Вытащили. Мало рыбы: скумбрія, рожки, камбала, крабы, креветки.

— Нагнало сладкой воды изъ лимановъ, такъ она въ глебу поховалась.

Рыбаки разныхъ губерній: полтавскіе, калужскіе, минскіе. По сентябрь здѣсь живутъ, въ сложенныхъ изъ камыша шалашахъ, что зовутся у нихъ заводами, а на зиму во свояси.

— Другое лѣто, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, рублей до полутораста чистой прибыли остается. Больше всего торгуемъ скумбріей.

Дофиновка. Пора-бы и на боковую. Иду на спасательную станцію, къ лоцману, но у него семейство большое, а квартира маленькая. Ночевать негдѣ.

— Что-жъ, часто вамъ приходится спасать суда?

— А какъ-же, конечно, приходится. Недавно двухъ спасли. Днемъ флагами намъ сигналы подаютъ, спустятъ флагъ на половину мачты, ночью фонарями—краснымъ и бѣлымъ.

Пытаюсь переночевать на пограничномъ посту, но людей съ поста не дозовешься, между тѣмъ, на меня кидается цѣлая свора собакъ.

Вижу, придется мнѣ, въ одинъ прекрасный день, попасть на зубокъ этимъ милымъ животнымъ. Чувствуютъ, бестіи, что я ихъ боюсь и пуще скалятъ зубы. Это ужасно!.. Какъ деревня—такъ бой съ собаками.

Волей-неволей приходится идти дальше.

Дорога все еще людна, потому—рыбные торговцы больше ночью ѣдутъ въ Одессу, чтобы поспѣть къ базару. Кой-гдѣ,

близъ дороги, стоитъ отпряженная телѣга, слышенъ храпъ. Лошадь, какъ вкопанная, тоже спитъ. Въ Одессѣ огни. Нижетъ ночную тьму электрическій маякъ.

Какое-то зданіе—кабакъ. Но хозяинъ отказывается отпереть: легъ и безпокоиться не желаетъ.

Близъ кабака, брюхомъ внизъ, лежатъ на землѣ какіе-то люди.

— Здорово, братцы!“

— Здорово!

„Тоже въ пути?“

— Да, купили въ Одессѣ бугая, ведемъ за Очаковъ. Заночевали. Только плохой здѣсь сонъ, самый заячій.

Прилегъ было возлѣ нихъ, поворочался съ боку на бокъ, всталъ и дальше пошелъ.

Ни селенья, ни жилья. Мелькаютъ кой-гдѣ, на фонѣ небесъ, силуэты пасущихся стадъ.

Немножко жутко, да и усталъ.

Спускъ къ морю. Вдали рядъ шалашей.

„Дальше не пойду, буду здѣсь ночевать“.

И, завернувшись въ дорожный плащъ, ранецъ подъ голову, засыпаю на пескѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моря.

Ночь теплая. Спится хорошо. Просыпаюсь на разсвѣтѣ. Надо мной слегка нахмурившійся небесный сводъ. Эта хмурость придаетъ ему болѣе разнообразія. Воображеніе облекаетъ силуэты облаковъ въ очертанія людей, животныхъ, предметовъ.

Алой полосой занимается на горизонтѣ день. Четвертый часъ. Разсвѣло. Рыбаки поѣхали съ неводомъ.

Беру утреннюю ванну и въ путь.

Все та-же монотонная картина степи. Но чѣмъ монотоннѣй пейзажъ, тѣмъ думы разнообразнѣй, картиннѣй. Когда нѣтъ впечатлѣній извнѣ, дѣятельнѣй идетъ работа воображенія, фантазіи.

Поэту ихъ не занимать.

Вспоминаются испанскія побережья, скалистые берега Бретани, Алжира.

Но зато то чужое, здѣсь же я у себя. И ужъ одна эта мысль поэтизируетъ монотонность видовъ.

Сычавка. Большая деревня. Случайно попадаю къ сельскому писарю и, выдувъ (простите за выраженіе!) цѣлый самоваръ, ложусь отдохнуть.

Не спится. Лежу я въ какомъ-то сараѣ. На меня что есть мочи лаетъ сука: у нея здѣсь припрятаны щенки, и ея материнское сердце безпокоится, какъ-бы я ихъ не унесъ. Въ потолкѣ ласточки свили гнѣзда. Въ углу курица сидитъ на яйцахъ. Меня она ужасно занимаетъ. Занимаетъ потому, что здѣсь своего рода бытовая картинка. Сидитъ черная хохлушка, сидитъ терпѣливо, не шелохнется. Вотъ прибѣжала бѣлая курица. Ей тоже охота цыплятъ высидѣть. Она насѣдку и клювомъ-то, и крыльями, пока не согнала ее съ яицъ, сама сѣвъ на ея мѣсто.

— Потѣха съ этими курами, смѣется жена писаря, у насъ ихъ штукъ тридцать, а яицъ едва десятокъ въ день наберешь. Богъ ихъ вѣдаетъ, гдѣ онѣ ихъ несутъ. Другой разъ, нѣтъ куры и нѣтъ, вдругъ ко—ко—ко... что такое?—а она цыплятъ ведетъ... попрятала куда-то яйца, высидѣла ихъ и нежданно-негаданно цыплята.

Бесѣдуемъ съ той-же писарихой о воспитаніи дѣтей. Она оказывается большой сторонницей ученія ребятъ. И подобный спросъ на ученіе встрѣчаешь вездѣ. Народъ сознаетъ, что коснѣть всю жизнь въ невѣжествѣ не приходится. Школы строятъ, выписываютъ изъ городовъ учителей.

Въ деревнѣ Аджіаскѣ общество ассигновало 700 р. на постройку школы. Да земство 300 дать обѣщало.

„Хотимъ, чтобы хорошая у насъ была школа. На 60 дѣтей. Былъ у насъ по сію пору частный учитель, бралъ по 75 коп. за ребенка, хорошій учитель, саминаристъ, только пилъ шибко“.

Охъ, ужъ это пьянство! Когда ему будетъ конецъ? Буднiй день, а съ ранняго утра ужъ въ кабакахъ людно.

До Очакова недалеко. Приходится переѣхать на яликѣ чечезъ заливъ, и въ семи верстахъ Очаковъ.

Переправа на посту. Во дворѣ стоитъ сдѣланный изъ соломы манекенъ, одѣтый въ форму пограничнаго солдата. Хоть часовой и увѣряетъ меня, что „это—такъ, ни къ чему“, но назначенiе подобныхъ манекеновъ мнѣ извѣстно: ихъ ставятъ, чтобы пугать контрабандистовъ.

На западной границѣ мнѣ разсказывали, что мѣра эта потеряла свою цѣлесообразность: контрабандисты перестали бояться этихъ куколъ и зачастую крадутъ ихъ.

Часовой думаетъ, можетъ я самъ занимаюсь контрабандой и, конечно, считаетъ лишнимъ познакомить меня съ назначенiемъ манекена.

Вдали видѣнъ Очаковъ. Мѣстность стала интереснѣй. Иду крутымъ берегомъ. Внизу вода. Вдали мачты судовъ.

Лекарственно душатся травы. Шмыгаютъ суслики. Вьются чайки, ястреба. Словомъ, я не одинъ—кругомъ жизнь кипитъ. Присматриваюсь къ каждому звѣрьку, къ каждому цвѣточку. Все это чрезвычайно интересно и наводитъ на интересныя мысли.

Я, по крайней мѣрѣ, глядя на все, что живетъ, движется, ползаетъ, летаетъ, или прикрѣплено къ мѣсту, смиряюсь гордыней и говорю себѣ:

„Ты—форма среди массы другихъ формъ. Ты часть чего-то цѣлаго, чего тебѣ, какъ части, не вмѣстить, не постичь“.

И я постичь непостижимаго не стараюсь.

И мнѣ хорошо… я счастливъ.

II.

Вотъ какъ начинаетъ свою историческую записку объ Очаковѣ протоіерей Судковскій, глубоко уважаемый очаковскій пастырь и отецъ знаменитаго мариниста Руфима Гавріиловича Судковскаго, скончавшагося въ 1885 году:

„Очаковъ, у турокъ называвшійся Озукъ-Кале, т. е. длинная крѣпость, нынѣ заштатный городъ Херсонской губерніи, расположенъ на высокомъ мысѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ водой: съ юго-востока Днѣпровскимъ лиманомъ, съ юго-запада моремъ, а съ сѣверо-запада Березанскимъ заливомъ. Среди городовъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи Новороссійскаго края, этотъ городъ занимаетъ весьма значительное мѣсто и по древности своей, и по связи своей съ военными дѣйствіями, ознаменованными блистательными подвигами русскихъ воиновъ, какъ во время турецкихъ войнъ въ періодъ времени отъ 1735 до 1788 года, такъ и въ позднѣйшее время, въ царствованіе Императора Николая Павловича. Громкое и славное имя Очакова и до сихъ поръ связывается у жителей Новороссійскаго края съ воспоминаніями о геройской славѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина и величайшаго изъ русскихъ полководцевъ—Суворова“.

Далѣе авторъ записки относитъ основаніе Очакова, по Карамзину, къ 1439 году, придерживаясь, однако, съ покойнымъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ того мнѣнія, „что на мѣстѣ Очакова, еще до Рождества Христова, существовала колонія эллиновъ Ольвійскихъ“.

Очаковъ, какъ извѣстно, былъ взятъ у турокъ приступомъ 6-го декабря 1788 года свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ. Въ штурмѣ этомъ участвовалъ и Кутузовъ. Суворовъ-же, также принимавшій участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ

Очаковымъ, будучи тяжело раненъ, былъ въ то время въ отпуску. Суворовымъ была взята годомъ раньше, а именно 1-го октября 1787 года, находившаяся на Кинбурнской косѣ, противъ Очакова, турецкая крѣпость Кинбурнъ (Птичiй носъ), отъ которой теперь не осталось никакого слѣда.

Спустя 11 лѣтъ по взятiи Очакова, именно въ 1799 году, городъ этотъ посѣтилъ извѣстный путешественникъ Павелъ Сумароковъ и вотъ въ какомъ видѣ, по разсказу его, нашелъ онъ Очаковъ.

„Приближаясь къ Очакову верстъ за пять, открылось великое пространство степи, изрытое ямами и буграми; тамъ войска россiйскiя имѣли свои землянки, тамъ были баттареи, ретраншементы и чѣмъ далѣе подвигались, тѣмъ болѣе оныхъ находили. Наконецъ, когда представился глазамъ моимъ сей разрушенный и въ бѣдную деревеньку претворенный градъ, сей славный и надѣлавшiй толико шуму въ Европѣ Очаковъ, то сердце мое затрепетало, и все свирѣпство бывшей тутъ войны представилось воображенiю. Гдѣ-же, я мысленно себя вопрошалъ, его горделивость, гдѣ украшавшiя его зданiя“?

Прошло съ тѣхъ поръ около вѣка и впечатлѣнiе, производимое Очаковымъ, остается тоже, что и во времена Сумарокова. Очаковъ—маленькiй, съ виду ничѣмъ не интересный городишка, надъ которымъ витаетъ слава минувшихъ дней.

Отъ старины ничего не осталось, если не считать стѣнъ перестроенной изъ турецкой мечети Николаевской церкви.

Воздвигнуты новыя береговыя укрѣпленiя для обстрѣливанiя фарватера Бугско-Днѣпровскаго лимана, сооруженъ, на искусственномъ островѣ, родъ морской крѣпости, Николаевская морская баттарея, снабженная Крупповскими орудiями. Крѣпость эта составляетъ государственную тайну, проникать въ которую я не пытался.

Внѣ этихъ спецiальныхъ сооруженiй Очаковъ представляетъ изъ себя какой-то хаосъ—и деревней назвать его нельзя, и до города ему далеко, такъ, какая-то группа случайно выросшихъ зданiй на пыли и солнопекѣ.

Но умѣй смотрѣть, умѣй искать — вездѣ найдешь пищу для наблюденій и тему для бесѣды съ читателями.

Въ Очаковѣ такой темой является семья Судковскихъ.

Глава семейства, протоіерей Судковскій, котораго я только что имѣлъ удовольствіе цитировать, далеко не заурядная личность. Много онъ попутешествовалъ на своемъ вѣку, былъ три раза въ Іерусалимѣ, въ Каирѣ, еще много гдѣ, и, несмотря на свои 79 лѣтъ, глядитъ бодро и бесѣдуетъ чрезвычайно занимательно. Я обѣдалъ у него и провелъ съ нимъ и съ членами его семьи добрыхъ полъ сутокъ.

„Страсть къ живописи у насъ въ семьѣ. Я самъ былъ большой охотникъ рисовать“, разсказываетъ мнѣ батюшка. „Воспитывался я въ кишиневской духовной семинаріи, гдѣ насъ буквально допекали латынью. Въ мое время практиковался у насъ еще, такъ называемый сигнумъ (signum), деревянная дощечка, которая вручалась семинаристу, провинившемуся въ томъ, что, вмѣсто латинскаго языка, онъ говорилъ по русски. Прійдетъ бывало учитель...

— У кого сигнумъ?...

Того сейчасъ пороть. Пороли, государь мой; вотъ какъ за эту латынь у насъ было строго. На рисованье-же не обращалось никакого вниманія. Я-же ужасно любилъ рисовать. Бывало, увижу на рынкѣ лубочныя картинки Суздальской живописи— съ ума схожу. Всѣ тетради себѣ, бы вало, разрисую. Позднѣе, тому-же Руфиму все разныхъ звѣрей рисовалъ. Онъ въ меня пошелъ“.

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о художникѣ Судковскомъ:

Рувимъ Гавріиловичъ Судковскій родился 7-го апрѣля 1850 г., умеръ 4-го февраля 1885 г. Учился онъ сначала въ Одесскомъ Духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Херсонской Духовной Семинаріи. Живя въ Одессѣ, посѣщалъ рисовальную школу Одесскаго Общества Изящныхъ Искусствъ. Въ 1868 г. поступилъ въ Академію Художествъ. Въ 1870 г. удостоился малой и большой серебряной медали за пейзажные этюды. Въ

1874 г. ѣздилъ заграницу. За картины, выставленныя на Академической выставкѣ 1877 г. получилъ званіе классного художника 2-ой степени. Устроенныя имъ въ 1880 и 1881 гг. выставки въ Одессѣ дали ему извѣстность. Въ 1879 г. онъ получилъ званіе художника 1-ой степени, а въ 1882 г. — академика. Въ 1882 г. на своей выставкѣ въ Петербургѣ, устроенной Судковскимъ совмѣстно съ пейзажистомъ Клеверомъ, онъ показалъ себя настоящимъ мастеромъ своего дѣла. Послѣдующія выставки въ 1883 и 1884 г.г. упрочили за нимъ репутацію первокласснаго русскаго мариниста.

А вотъ небольшая выдержка изъ рѣчи профессора одесской рисовальной школы, Н. П. Кондакова, дающая понятіе о характерѣ таланта Р. Г. Судковскаго:

„И такъ, основной принципъ, руководившій его живописью, былъ реализмъ, живопись правды морскихъ видовъ и соединеннаго съ нею высокаго впечатлѣнія".

Будь Судковскій французъ, нѣмецъ или англичанинъ, его сограждане соорудили-бы ему, въ его родномъ городѣ, памятникъ, музей, окрестили-бы его именемъ школу, по крайней мѣрѣ, улицу; въ Очаковѣ-же, кромѣ семьи, оплакивающей его преждевременную кончину и поставившей ему въ церковной оградѣ надгробный памятникъ,—ничего.

Не умѣетъ Россія цѣнить своихъ талантовъ, точно у нея ихъ такое обиліе, что и цѣнить-то ихъ не стоитъ.

Стоитъ надъ могилой Судковскаго его бюстъ на гранитномъ пьедесталѣ, на которомъ вырѣзаны слѣдующіе трогательные стихи:

«Близъ могилы твоей съ шумомъ въ брызги волна
О холодный песокъ разбивается.
Брызги слезы ея—это плачетъ она,
О тебѣ, дорогомъ, сокрушается.
Ты такъ море любилъ, ты его прославлялъ
Своимъ геніемъ, кистью могучею...
Вѣчно будетъ катить море валъ свой на брегъ,
Поминать тебя шумною тризною:
Такъ и ты, дорогой, будешь памятенъ вѣкъ,
Прославляемъ твоею отчизною.

Мнѣ лично, помимо его художественной славы, чрезвычайно симпатична память Судковскаго. Достаточно поговорить съ его престарѣлымъ отцомъ, которому даже евреи города Очакова, по случаю исполнившагося въ 1892 году его пятидесятилѣтняго юбилея, поднесли оправленную въ серебро библію съ надписью:

„Благочестивому протоіерею Гавріилу Судковскому въ день 50-ти-лѣтняго юбилея отъ уважающихъ его евреевъ города Очакова“...

Достаточно познакомиться съ прочими членами семьи, симпатичной, патріархальной, вѣющей правдой и сердечностью, чтобы судить о Руфимѣ Гавріиловичѣ, какъ о человѣкѣ.

Не лишнее, для полнаго знакомства съ личностью маститаго художника, назвать его лучшія картины. Таковыми считаются: „Буря на морѣ“, „Дубокъ“, „Очаковская пристань“, „Полдень“ и др. Всего, по каталогамъ, Судковскимъ было написано 63 картины.

Масса недоконченныхъ картинъ и этюдовъ украшаютъ стѣны скромнаго домика, гдѣ живетъ его отецъ и братъ Алексѣй Гавріиловичъ, а въ Николаевской церкви хранятся два большихъ полотна работы академика, когда онъ еще былъ ученикомъ: „Благословеніе дѣтей“ и „Воскрешеніе Лазаря“.

———

III.

Судя о русской провинціи со словъ пишущей братіи, представляешь ее себѣ гораздо болѣе отсталой, нежели она есть на самомъ дѣлѣ.

Когда въ Сахарѣ, въ Бискрѣ, напримѣръ, среди голой пустыни, отели и виллы выростаютъ какъ грибы, въ роскошномъ, мавританскаго стиля, казино играютъ въ „petits chevaux“ и въ „trente et quarente“ и парижскія кокотки здѣсь столь-же обыденное явленіе, какъ скорпіоны и виперы,—какъ-же Россіи, Европѣ все-таки, быть ужъ такой отсталой!..

Возьмемъ Очаковъ. Какъ городъ, ничего не стоитъ, а, между тѣмъ, въ еле видныхъ отъ земли мазончикахъ—заграничныя фортепьяно, французская рѣчь, интеллигентные люди.

Званъ на чай къ адъютанту очаковскаго коменданта: жена француженка, чай a la française, парижскія газеты, журналы.

— „Вы читали, какъ досталось отъ парижанъ бѣдному князю de-Sagan?“.

— Какъ-же, читалъ....

„А деревья въ Булонскомъ лѣсу вырубили таки“...

Хорошъ захолустный разговоръ!

Въ управѣ, съ городскимъ головой,—тамъ иная рѣчь.

„Вамъ-бы хоть улицу въ честь Судковскаго его фамиліей назвать, тѣмъ болѣе, что ваши улицы часто носятъ ничѣмъ не мотивированныя названія. Напр., читаю: Телеграфная... ищу, конечно, телеграфа, а онъ оказывается за версту отъ Телеграфной“...

Голова смѣется.

— Знаете, какъ у насъ даютъ названія улицамъ? Планъ, положимъ... улица... Вы, Иванъ Ивановичъ, какъ полагаете?

Иванъ Ивановичъ полагаетъ назвать такъ-то, такъ и вписывается въ планъ... Другая... Павелъ Петровичъ, вы?... и т. д.

— „А вотъ-бы Павлу Петровичу и вспомнить своего согражданина“...

— Э, достаточно этому согражданину и такъ славы...

— „У насъ на Руси“, думается мнѣ, „все боятся, какъ-бы человѣка слишкомъ не прославить... А если и увлекутся, давай сейчасъ дѣлать все возможное, чтобы умалить репутацію“...

— Мы съ профессорами держимся того мнѣнія, что Судковскій чужими руками жаръ загребалъ, больше заимствовалъ у другихъ, нежели проявлялъ самостоятельный талантъ...

— „Господа, господа“, невольно вырывается у меня, „критиковать легко, а много-ли у васъ въ Очаковѣ найдется такихъ, кто-бы могъ помѣряться съ Судковскимъ? Картины Судковскаго покупались и Государемъ Императоромъ, и первыми русскими знатоками живописи, вродѣ Третьякова, Шереметьева. Наша академія присудила ему званіе академика. Вездѣ на Западѣ его знали и восхищались его морскими видами.

И о чемъ вы торгуетесь?! Развѣ ему теперь нужны эти названныя въ честь его улицы, эта слава?... Я думаю, косточки отъ него не осталось. Нужно это вамъ, вашимъ согражданамъ, какъ примѣръ, какъ поощреніе, нужно это городу, который посѣщается все-таки кой-кѣмъ, кто васъ-же судить будетъ“...

Голова согласился со мной. Посмотримъ, поведетъ-ли это къ чему нибудь.

Вообще, при дѣятельномъ и интеллигентномъ городскомъ управленіи, изъ Очакова можно было-бы многое сдѣлать.

Во времена турецкаго владычества тутъ были сады, виноградники, фонтаны... Между тѣмъ какъ Одесскій и Николаевскій порты замерзаютъ зимой, омывающій Очаковское побережье Березанскій лиманъ никогда не замерзаетъ.

Не люблю я касаться дрязгъ, но очаковскія дрязги слишкомъ занимательны, чтобы ихъ пройти молчаніемъ. Къ тому-

же онѣ мнѣ сообщены лицомъ, которое заслуживаетъ полнаго довѣрія.

„Наше городское управленіе думаетъ лишь объ одномъ, какъ-бы ему набить себѣ карманъ. Выберутъ новаго гласнаго—онъ сейчасъ кабакъ открываетъ. Новый гласный — новый кабакъ. Вотируютъ фонари — ихъ такъ распланируютъ, что только у кабаковъ и свѣтло"...

Этого даже и въ Сахарѣ нѣтъ!...

Выбираюсь таки наконецъ изъ Очакова.

Плетусь по жарѣ и пыли 22 версты до деревни Анчикракъ.

Никакихъ впечатлѣній! Суслики, ястреба, орлы, разная мелкая птица и пыль, пыль классическая.

Но вотъ загремѣло, засверкало, пошелъ ливень, и я заночевалъ въ Анчикракѣ.

„Чайный трактиръ и постоялый дворъ Харьковъ" пріютилъ не столько усталаго, какъ наглотавшагося пыли путника.

Анчикракъ — большая деревня, могла-бы именоваться мѣстечкомъ. Лавки есть, каменная церковь, еврейскій молитвенный домъ и даже одѣтыя по модному еврейки.

Сижу въ трактирѣ, пью чай и слушаю, какъ трещитъ кругомъ народъ.

Баба бабѣ разсказываетъ:

— „А Гришка-то нашъ жанился... Взялъ въ Миколаевѣ вдову, богатую — при часахъ и браслетахъ. У ейной матки домъ, 300 рублей деньгами, еле дыхаетъ... помретъ, все ей съ Гришкой останется"...

Спрашиваю ту, что пословоохотливѣй:

— Какъ завтра веселиться будете?

— „Какое у насъ можетъ быть веселье! Другое дѣло въ городѣ воскресенье — музыка, гульба, а на деревнѣ: мужикъ напьется, придетъ домой, еле на ногахъ стоитъ и ну жену ругать. Она ему: чего, старый грѣховодникъ, одинъ гуляешь, а я дома сиди, работай, ажъ курится съ мене, а ты по

кабакамъ... А онъ: тебѣ гулять, тебѣ со мной рядомъ сѣдать... И почнетъ лупить, чѣмъ попало"...

Пауза. Я жду продолженія.

„А какъ горячая пора настанетъ, тутъ некогда биться. Мужикъ станетъ ласковый, боится, какъ-бы баба работать не заупрямилась"...

Пришла бабка лѣчить хозяйку, старая-престарая. Носъ—клювомъ, кожа виситъ, одни глаза добрые.

— Знакомый мнѣ мужчина,—жалуется ей хозяйка,—говоритъ это мнѣ вчерась: вы такая, Матрена Васильевна, справная, какъ барышня. Только онъ ушелъ, какъ почнетъ меня трусти... Трусло это меня, трусло, чтобъ его мухи любили...

Бабка повела ее шептать.

Тѣмъ временемъ дождь прошелъ, воздухъ очистило, пыль прибило.

Пошелъ пройтись по деревнѣ.

Возвращался съ поля скотъ. Свиньи барахтались въ лужахъ. Отошла всенощная.

Міранъ тянуло въ кабакъ.

Меня ко сну.

Спокойной ночи, дорогой читатель!

IV.

Заснуть мнѣ какъ слѣдуетъ не привелось: всю ночь осаждали „Чайный трактиръ“ потребители водки.

Я обрадовался разсвѣту, розовой зорькой заглянувшему въ окно. Встрепенулся, потянулся и пошелъ.

Утро стояло дивное. Идти было хорошо, а дышать и того лучше.

Жаль мнѣ васъ, городскіе лѣнтяи, валяющіеся въ постели, когда на дворѣ такая благодать.

Я васъ жалѣю, а вы—меня...

Lequel de nous deux est le plus à plaindre?

По моему, вы...

Хотя скучными мѣстами приходится идти: рожь, рожь, пшеница, овесъ, опять рожь... вотъ и весь пейзажъ. Деревня отъ деревни въ 4—5 часахъ ходьбы, и между деревнями ни жилья. Сколько у насъ на руси земли даромъ пропадаетъ, а, между тѣмъ, люди жалуются, что земли мало. Заграницей каждый клочекъ въ прокъ идетъ, а у насъ цѣлыя десятины гуляютъ. И не то, чтобы осмысленно гуляли—здѣсь о трехъпольной системѣ и понятія не имѣютъ, гуляютъ, потому что мужикъ гуляетъ, баба гуляетъ... и земля гуляетъ...

Что за лѣнивый народъ! Ни на западѣ, ни на сѣверѣ я къ такой лѣни не привыкъ.

Понимаю я еще лѣнь испанца, или араба...

„Зачѣмъ мы утомлять себя станемъ,“ философски разсуждаютъ тѣ, „намъ такъ мало нужно... А ну его съ благосостояніемъ“!..

Кусочекъ хлѣбца, нѣсколько апельсиновъ, или оливъ—и онъ доволенъ.

Онъ предпочитаетъ сидѣть, глядѣть на небо, особенно арабъ, способный просидѣть въ такой созерцательной позѣ цѣлый день... а то будетъ полоскаться, нѣсколько часовъ подрядъ, въ первой попавшейся грязной лужѣ. Не желаетъ работать и довольствуется малымъ... А вѣдь нашъ мужикъ работать не хочетъ, а самъ жалуется:

„Только и жизнь, что помѣщику... Онъ — одинъ, а насъ сколько! И за его одного мы страдать должны".

Реветъ дѣвка.

— Чего ревешь?

„Въ Одессъ хочетъ, тамъ работа легче," ругается мать. „Тутъ жито косить, а ее въ Одессъ отпусти".....

Не тотъ здѣсь народъ, что въ центральной Руси! Все больше въ карманъ смотритъ. Хитеръ, или, покрайней мѣрѣ, таковымъ себя воображаетъ. Новороссійскій край мнѣ напоминаетъ колоніи. Тамъ—всякій сбродъ, и здѣсь сброду не мало. Давно-ли сюда ссылали? Присмотритесь хорошенько къ лицамъ—какое разнообразіе типовъ! Такое скрещеніе расъ обыкновенно даетъ интелигентныя, энергичныя поколѣнія. Въ Австріи, напримѣръ, рядомъ съ интелигентностью, оно дало красивую расу, у насъ я этого не замѣчалъ, но что народъ здѣсь смышленнѣй, культивированнѣй—это фактъ. Я живалъ и въ Тверской, и въ Московской, и въ Рязанской губерніяхъ—тамъ серпъ да коса, здѣсь жатки, косилки, тамъ сѣютъ руками, молотятъ цѣпами, здѣсь сѣялки, молотилки. Зато тамъ трава по поясъ, по нѣскольку сѣнокосовъ, здѣсь-же просто жаль глядѣть на скотъ — совсѣмъ пастбищъ нѣтъ; бурьянъ, молочай, которыхъ скотъ не ѣстъ. Сожженная солнцемъ пустыня.

Не дождусь, когда доберусь до Николаева, до того эта степь надоѣла. Еще гдѣ версты—разстояніе скрадывается, коротаешь время отъ версты до версты, но гдѣ ихъ нѣтъ—дорога кажется безконечной.

Увязался со мной старичекъ. Помнитъ панщину.

— „Какъ не тяжко, а все теперь лучше. Прежде, бывало, какъ что—въ контору и пороть... Работали: три дня на пана, три дня на себя...“

Корениха. Вдали видны Варваровка и Николаевъ. Варваровка лежитъ по одну сторону лимана, Николаевъ—по другую. Сообщеніе—плавучимъ мостомъ, около версты длиной.

Мостъ какъ разъ разведенъ: пропускаютъ суда. У хлѣбной пристани два громадныхъ англійскихъ парохода грузятъ пшеницу. Оба изъ Ливерпуля. Вотъ гдѣ портъ, такъ портъ! Осматривалъ, помню, ливерпульскіе доки—по докамъ на 6 англійскихъ миль ходятъ электрическіе поѣзда. Подъ Мерсеемъ—желѣзная дорога, соединяетъ Ливерпуль съ лежащимъ на противоположномъ берегу Беркенхедомъ.

Послѣ англійскихъ портовъ, наши русскіе кажутся игрушками.

Николаевъ утопаетъ въ зелени. Первое впечатлѣніе чистенькаго города, но провинціальнаго. Такая мнѣ попадается на Католической, почти противъ самой почты, вывѣска:

„Атистованый стребитѣль крисъ мишей тараканъ прусоковъ и клѣйка посуды Баровскій“.

Остановился въ „Центральной гостинницѣ“—чисто, удобно, но дорого.

Когда вы ѣдете изъ Россіи во Францію, скажемъ черезъ Австрію, Баварію и Швейцарію,—что въ Россіи стоитъ рубль, за то въ Австріи вы заплатите гульденъ, въ Баваріи—марку, въ Швейцаріи и Франціи — франкъ, т. е. приблизительно въ Австріи жизнь въ полъ раза дешевле, нежели въ Россіи, въ Германіи—въ треть, во Франціи со Швейцаріей—въ четыре раза.

И при такой дешевизнѣ, куда больше удобства. Такъ, въ Швейцаріи, въ Лозаннѣ, Цюрихѣ, даже въ Люцернѣ, наиболѣе посѣщаемомъ туристами, за 5 фр. вы имѣете, въ хорошемъ pension de famille,—прекрасную комнату, утромъ кофе, или шеколадъ со сдобнымъ хлѣбомъ, масломъ, сыромъ и медомъ, который принято намазывать на тартинки поверхъ масла, обѣдъ и ужинъ, съ прислугой, освѣщеніемъ, словомъ

„tout compris“, между тѣмъ, какъ у насъ , 5 фр. стоитъ одна комната, да и та не изъ лучшихъ.

Потому то такъ много русскихъ и ѣдетъ заграницу. Сколько я знаю русскихъ семей, что живутъ въ Швейцаріи исключительно ради экономіи.

Во Франціи столъ роскошнѣй швейцарскаго: по 6—7 блюдъ съ виномъ, къ завтраку и обѣду, и цѣны нѣсколько выше. Но и тамъ, въ лучшихъ провинціальныхъ отеляхъ, съ васъ возьмутъ, за полный пансіонъ, не дороже 7—8 фр. въ сутки. Въ Германіи жизнь чрезвычайно дешева.

Что ужасно у насъ—такъ это „чаи“. Шли-бы они еще въ прокъ, а то только поощряетъ въ народѣ пьянство. Выѣзжаешь изъ гостинницы.... какъ выстроится передъ тобой цѣлая шеренга посягателей на твой карманъ... Заграницей этого нѣтъ. Въ лучшихъ парижскихъ кафе дается гарсону на чай 10 сантимовъ, много 20...

Осматриваю Николаевъ. Широкія улицы, усаженныя акаціями, вродѣ Одесскихъ, но нѣтъ одесскаго оживленія. Прекрасный бульваръ, откуда видъ на сліяніе Буга съ Ингуломъ, на адмиралтейство, своеобразно красивъ.

Николаевъ не лишенъ живописныхъ окрестностей. Спасское урочище, напримѣръ, гдѣ сохранился мавританскаго стиля дворецъ Екатерины Великой, дача Барбе... При всей своей запущенности дача эта (цѣлый хуторъ) носитъ слѣды былаго величія и, если-бы не неудобство сообщенія и не пыль, она была-бы весьма пріятнымъ убѣжищемъ отъ зноя, потому роща есть, небольшой соленый прудъ, гдѣ, между прочимъ, водятся черепахи и куда гастрономы ходятъ ловить лягушекъ. На дачѣ устраиваются гулянья.

Просто задыхаюсь отъ этой южной пыли! Я нигдѣ ничего подобнаго не видывалъ. Пыль и собаки—вотъ двѣ вещи, которыя иногда портятъ мнѣ настроеніе.

Зато милые, радушные люди, которыхъ я встрѣчаю на каждомъ шагу, моментально возвращаютъ мнѣ мое беззаботное, веселое отношеніе къ жизни.

*

„Югъ Россіи это рай!“—говоритъ мнѣ одинъ южанинъ.

— Положимъ, отвѣчаю я, рая то я еще не вижу, но ангеловъ—да...

За этотъ комплиментъ мнѣ завтра покажутъ адмиралтейство, портъ и многое другое.

V.

Въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи“, Шмидта читаю:

„Избранное оберъ-кригсъ коммисаромъ, полковникомъ Фалѣевымъ мѣсто нынѣшняго Николаева, для учрежденія адмиралтейства, обратило на себя вниманіе Потемкина; оно понравилось ему еще болѣе тѣмъ, что тутъ же находился обильный родникъ превосходной воды и самая мѣстность пользовалась здоровымъ климатомъ. Къ тому же избранное мѣсто находилось не далеко отъ Очакова, возлѣ котораго онъ стоялъ съ арміею.

21 Іюня 1788 года данъ былъ первый ордеръ объ устройствѣ верфи на Ингулѣ. Желая ознаменовать день взятія Очакова, Потемкинъ назвалъ вновь возводимую верфь Николаевымъ“.

Въ настоящее время Николаевъ, кромѣ военнаго портоваго города, является и одной изъ первоклассныхъ хлѣбныхъ пристаней.

За послѣднія десять лѣтъ экспортъ зерна изъ николаевскаго коммерческаго порта колеблется между 15 и 50 милліонами пудовъ, смотря по урожаямъ.

Гигантскихъ размѣровъ элеваторъ съ удивительной быстротой производитъ нагрузку и разгрузку судовъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ украшеній города является художественный памятникъ адмирала А. С. Грейга, которому Николаевъ обязанъ очень многимъ. Благодаря Грейгу, городъ принялъ тотъ благообразный европейскій видъ, который ставитъ его, послѣ Одессы, во главѣ прочихъ южныхъ городовъ.

Я посѣтилъ въ Николаевѣ училище для дочерей нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, гдѣ около сорока дѣвицъ занимаются уходомъ за шелковичными червями, размоткой коконовъ и даже тканьемъ шелковыхъ матерій.

Благодаря любезности директрисы Н. Я. Баль, взявшейся показать мнѣ и объяснить вкратцѣ весь процессъ шелковичнаго дѣла, я имѣю возможность, въ свою очередь, дать о немъ нѣкоторое понятіе моимъ читателямъ.

Шелковичный червякъ выводится изъ грены, имѣющей видъ маковыхъ сѣмянъ.

Въ небольшіе мѣшечки паруются бабочки т. е. кладутся самецъ и самка, которые, въ теченіи трехъ дней, несутъ отъ 400 до 500 яичекъ. Бабочекъ толкутъ, подвергаютъ анализу, и если анализъ этотъ не обнаружитъ присутствія бацыллъ, грена является годной, въ противномъ случаѣ ее выбрасываютъ.

Поздней осенью грену эту отмачиваютъ и складываютъ въ особо-приспособленные дырявые ящики.

Въ апрѣлѣ выходятся червячки; ихъ кормятъ шелковицей, которую мѣняютъ отъ 4 до 8 разъ въ день.

Червячекъ проходитъ черезъ пять возрастовъ и четыре сна.

Въ первый сонъ онъ впадаетъ на пятый или шестой день; съ каждымъ возрастомъ онъ ростетъ и мѣняетъ шкурку.

На 34—35 день онъ сползаетъ на коконики (родъ березовыхъ вѣниковъ), которые иногда замѣняются стружками. Тамъ, выпуская изъ особыхъ железокъ нить, онъ заматывается въ коконъ, превращается въ куколку и недѣли черезъ двѣ вылетаетъ бабочкой.

Длина нити — отъ 400 до 500 аршинъ, смотря по силѣ червяка.

Необходимо провѣтривать помѣщеніе и поддерживать равномѣрную температуру—17°.

Какъ видите, требуется большой уходъ.

Кстати о шелководствѣ и шелковомъ производствѣ... Не говоря о Востокѣ, который съ давнихъ временъ является главнымъ поставщикомъ сырца, въ Европѣ, — въ Италіи, напримѣръ, весьма успѣшно занимаются шелководствомъ. Я самъ посѣщалъ близъ Милана шелковичныя плантаціи нашихъ русскихъ фирмъ.

Ліонъ является центромъ обработки сырца и, по изяществу рисунковъ, стоитъ внѣ всякой конкурренціи.

Меня водили по спеціальному музею образцовъ, помѣщающихся въ Ліонской Ратушѣ. Просто глаза разбѣгаются. Въ смыслѣ вкуса и изобрѣтательности (création) за французами трудно угоняться.

За послѣднее время Швейцарія дѣлаетъ большіе шаги въ шелковомъ производствѣ, и именно кантонъ Цюрихъ. Цюрихское производство не такъ изящно, за то прочнѣй ліонскаго и охотно берется, напримѣръ, на зонтики, словомъ гдѣ требуется не столько изящный, какъ прочный шелкъ.

У насъ это производство распространено на Кавказѣ и въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, но та дешевизна, до которой дошли заграницей въ выдѣлкѣ шелковыхъ тканей, является опасной конкурренткой нашему производству.

Всякое благое начинаніе слѣдуетъ поощрять, но именно въ силу этой конкурренціи я сильно сомнѣваюсь, чтобы шелковое дѣло въ Николаевѣ могло бы стать серьезной мѣстной индустріей.

Былъ въ адмиралтействѣ. Осматривалъ модельную. Собраны модели нашихъ судовъ, начиная отъ „дѣдушки русскаго флота", Петровскаго ботика и кончая послѣдними броненосными гигантами.

Здѣсь можно наглядно изучить исторію развитія нашего русскаго флота.

„Вотъ „Двѣнадцать Апостоловъ", деревянное судно, затопленное при осадѣ Севастополя, вотъ броненосецъ того-же названія. Это модели поповокъ: „Вице-адмиралъ Поповъ" и „Новгородъ".

Смотришь, слушаешь...

Профанъ я въ этомъ дѣлѣ...

Заглянулъ подъ вечеръ на бульваръ.

Свѣтила луна. Воды были спокойны... При лунномъ свѣтѣ вода и зелень дивно хороши...

Что за чудный бульваръ! Не уступитъ одесскому...

Но, что за патріархальность на улицахъ! Точно это не улица, а какой-то общій рекреаціонный залъ. Мужья, жены, дѣти, няньки, кошки, собаки—все это чувствуетъ себя здѣсь какъ дома, все это прохлаждается и даетъ весьма симпатичную картину добродѣтельной семейной жизни.

Что-же, честь и мѣсто вамъ, Николаевцы!

Плодитесь и размножайтесь и поддерживайте славу вашего „Черноморскаго царства", какъ говорятъ, назвалъ вашъ край покойный Государь Александръ III.

VI.

Отъ Николаева до Херсона 60 верстъ. Скучная, утомительная дорога! Но послѣ такой дороги Херсонъ Парижемъ покажется.

Надо умѣть во всякомъ положенiи найдти хорошую сторону.

Такъ я, по крайней мѣрѣ, дѣлаю.

Идетъ партiя рабочихъ. Орловскiе.

— Искали въ Николаевѣ работы, да, искамши, одежду и сапоги проѣли. Вчарась и нашли, да въ босикахъ не принимають. Можетъ, въ Херсонѣ посчастливится.

Ну, ужъ и Новороссiя!

Я себѣ представлялъ этотъ край чѣмъ-то живописнымъ, почти фееричнымъ, а, оказывается, это какiя-то пустопорожнiя мѣста.

— Житница, говорятъ.

Развѣ только за хлѣбомъ сюда и ѣздить. Туристу отсюда бѣгомъ бѣжать, а пѣшеходу на вѣкъ проклясть пѣшее хожденiе.

Единственною тѣнью на десятки, сотни верстъ является тѣнь телеграфныхъ столбовъ, или еще кой-гдѣ сохранившихся екатериненскихъ верстъ, поставленныхъ, по приказанiю свѣтлѣйшаго князя Потемкина, по тому пути, по которому проѣзжала Екатерина въ своемъ торжественномъ путешествiи во вновь присоединенные края. Присѣсть захочется — садись въ пыль, или грязь. Клочка травки не найдешь...

Какъ можно сравнить наши сѣверные пейзажи, нашу тѣнь дубравъ, наши луга и долы!...

Идя здѣшними деревнями, я невольно вспоминаю швейцарскiя деревни. Вотъ гдѣ благодать, вотъ гдѣ изобилiе благъ земныхъ! Посѣвы, огороды, цвѣтники, виноградники, фрукты всѣхъ сортовъ, пчеловодство, сѣнокосъ, скотъ... Какъ зайдешь въ такую деревню, все равно, какъ въ кладовую домо-

витой хозяйки попалъ. А, что за чистота! Какъ удобно путешествовать въ этихъ странахъ! Въ самой маленькой деревушкѣ нѣсколько отелей, гдѣ комнаты чистенькія, постели безукоризненной бѣлизны, гдѣ и молока то чуднаго вамъ дадутъ, и сыру, и обѣдъ хорошій состряпаютъ. Поиграть любите—къ вашимъ услугамъ фортепьяно.

Многія деревни освѣщены электричествомъ.

Словомъ—прогрессъ, а тутъ...

Ночевалъ я въ Копаняхъ, въ еврейской корчмѣ. Грязь классическая. Насѣкомыя. Бррр...

А между тѣмъ, корчмарь выписалъ учителя—учить дѣтей. За лѣто 70 руб. платитъ, значитъ не изъ бѣдныхъ.

Въ деревнѣ одна изъ мѣстныхъ евреечекъ обручалась. Приглашена была на обрученіе, конечно, и семья корчмаря. Боже, какая поднялась суматоха! Еврейки мылись, чесались, одѣвались, торжественно пронося мимо меня различныя принадлежности туалета. Еврейки—ужасныя охотницы рядиться, вкусу только у нихъ мало, да и неряхи онѣ большія.

Одѣлись и пошли павами по деревнѣ.

Но... о ужасъ! Павъ этихъ парни закидали комками грязи: узнавъ, что евреи будутъ справлять заручины и что корчмарка съ дочерьми тоже званы, недовольные корчмаремъ парубки поховались за углами и ну лупить въ дамъ чѣмъ кому подъ руку подвернулось.

Вдали виднѣется Херсонъ. Не доходя нѣсколько подгородних хуторовъ. Встрѣчаются кой-какіе чахлые, пыльные кусточки. Жара—тропическая! Первое впечатлѣніе...

Зачѣмъ я стану придумывать это впечатлѣніе, когда его совсѣмъ нѣтъ. Городъ. Имѣются улицы (очень плохо мощенныя), магазины, подъ вечеръ людно...

Меня посѣтилъ редакторъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей". Вотъ какъ охарактеризовалъ онъ свой городъ:

— Далеко Херсону и до Одессы, и до Николаева. Херсонъ живетъ тѣми 30 тысячами, которыя выдаются каждое двадцатое число изъ казначейства жалованья. Прибавьте сюда

горсть купечества — вотъ вамъ и всѣ херсонскіе рессурсы. Промышленности никакой. Собираются строить желѣзную дорогу, но едва-ли это будетъ выгодно.

— Что слѣдуетъ осмотрѣть въ Херсонѣ въ смыслѣ его достопримѣчательностей?—освѣдомляюсь я.

— Екатерининскій соборъ, крѣпость, памятникъ Потемкину и Говарду...

Какъ спадетъ жаръ, пойдемъ, посмотримъ.

И выходитъ, что первое впечатлѣніе не обмануло меня.

Судя о посѣщаемыхъ мной городахъ, я, обыкновенно, ставлю имъ извѣстные вопросы.

Такой-то городъ, можетъ онъ похвастаться своей чистотой, красотой улицъ, зданій, магазиновъ, своимъ европейскимъ видомъ à la Одесса, Варшава? Нѣтъ. Живописенъ-ли онъ, славится-ли своими окрестностями вродѣ Кіева, Вильны? Тоже нѣтъ. Можетъ, это историческій городъ, гдѣ сохранились интересные остатки старины? И подъ эту категорію Херсонъ подвести нельзя.

Значитъ, нечего его особенно и описывать, а потому займусь-ка я лучше людьми. Есть интересные типы въ Херсонѣ. Вчера въ клубѣ предо мной продефилировала часть мѣстнаго общества. Какъ вездѣ въ провинціи, сильно развитъ картежъ. Приходится признать за картами даже извѣстную пользу.

„Карты—это наше спасенье; по крайней мѣрѣ, за картами мы перестаемъ чесать другъ про друга языки. Это разъ. Второе, проработавъ цѣлый день, какъ собака, изъ за куска хлѣба, который мы, такъ сказать, вырываемъ другъ у друга изо рта, мы за картами отдыхаемъ умственно“... увѣряютъ меня.

Положимъ, этотъ умственный отдыхъ обходится иногда слишкомъ дорого, и влечетъ за собой скандалы, но развѣ славянская натура способна что либо дѣлать въ мѣру?

Если ѣсть, такъ ужъ ѣсть, до обжорства, если пить, такъ до безобразія, въ карты играть...

Много у насъ жизненной силы, тратить ее некуда...

VII.

„10-го Іюля 1774 года былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, положившій конецъ продолжительной войнѣ между Турціей и Россіей; послѣдняя окончательно присоединяла къ своей территоріи страну между Бугомъ и Днѣпромъ, съ окрестностями Кимбурна. Сознавая важность этого новаго пріобрѣтенія, Екатерина II обратила особое вниманіе на организацію этого края. По ея указу, въ 1775 году, онъ вошелъ въ составъ новороссійской губерніи, которая заключала въ себѣ все пространство замли между Бугомъ и Днѣпромъ съ окрестностями Кинбурна и часть Полтавской губерніи, и была раздѣлена на одиннадцать уѣздовъ, въ числѣ коихъ встрѣчаемъ и Херсонскій; но, не смотря на учрежденіе уѣзда, самого города Херсона тогда еще не существовало.

На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ земли, скудно населенномъ и сосѣднемъ съ турецкими владѣніями и кочующими ордами, существовало только одно значительное укрѣпленіе—крѣпость Св. Елисаветы. Но съ того времени, какъ владѣнія Россіи коснулись береговъ Чернаго моря, Елисаветинская крѣпость утратила уже то значеніе, которое она имѣла прежде, а между тѣмъ, для того, чтобы окончательно упрочить за Россіею новое пріобрѣтеніе и оградить его отъ случайностей войны, необходимо было имѣть военный портъ, гдѣ, подъ защитой сильныхъ укрѣпленій, могъ бы удобно помѣщаться рождавшійся тогда Черноморскій флотъ, столь необходимый для того, чтобы Россія могла твердою ногою стать на берегахъ Чернаго моря, и оспаривать на немъ владычество у Оттоманской порты.

Въ указѣ Екатерины II, данномъ 11 Іюня 1778 года на имя Потемкина, было сказано:

— Обращая мысли Наши единственно на сооруженіе верфи въ образѣ прочномъ и сходственномъ знаменитости дѣла и пользѣ, отъ него ожидаемой, желаемъ чтобы вы съ графомъ Чернышевымъ постановили о мѣстѣ къ сему удобномъ...

Мѣсто сіе повелѣваемъ именовать Херсономъ...

Воля Императрицы, выраженная въ приведенномъ нами указѣ, въ скоромъ времени осуществилась на дѣлѣ...

Вотъ краткій историческій очеркъ основанія Херсона, почерпнутый мной изъ „Памятной Книжки для Херсонской Губерніи на 1864 г.“.

Херсонскіе мизантропы утверждаютъ, будто-бы сопровождавшій Екатерину II въ Херсонъ (22 мая 1787 г.), австрійскій императоръ Іосифъ II, путешествовавшій подъ именемъ графа Фалькенштейна, выразился объ этомъ городѣ въ такомъ смыслѣ, что изъ него ничего путнаго не выйдетъ. Дѣйствительно, императоръ Іосифъ, какъ повѣствуетъ намъ о томъ исторія, отнесся скептически къ Днѣпровскимъ гирламъ и его предсказаніе сбылось: гирла эти до такой степени обмелѣли, что приводятъ почти къ нулю судоходство по Днѣпру.

Осмотрѣвъ болѣе детально Херсонъ, находишь въ немъ извѣстное стремленіе принять болѣе благообразный видъ. Напримѣръ, памятникъ Потемкину и раскинутый близъ этого памятника молодой садокъ, рядомъ дѣтскій садикъ; эта часть города съ губернаторскимъ домомъ, театромъ, старообрядческою церковью и спускомъ къ Днѣпру производитъ недурное впечатлѣніе. Прилична Суворовская улица, херсонскій Невскій проспектъ; остальныя — какія-то пустопорожнія мѣста для свалки мусора. Будь наши города скученнѣй, компактнѣй, ихъ-бы легче было держать въ порядкѣ, а то разбросаетъ ихъ на версты... какой тутъ можетъ быть порядокъ!

Посѣтилъ Екатерининскій соборъ, гдѣ покоится прахъ Потемкина; тамъ же могилы другихъ очаковскихъ героевъ, похороненныхъ въ церковной оградѣ. Потемкинская могильная плита, какъ и стоящій въ городѣ памятникъ, сооруженъ на средства его родственниковъ Энгельгардтовъ и Самойловыхъ.

На сѣраго мрамора плитѣ, въ серебряныхъ вѣнкахъ расположенныхъ по краю плиты, вырѣзаны слѣдующія мѣстности: Очаковъ (1780 г.), Крымъ и Кубань, Херсонъ (1778 г.), Аккерманъ (1789 г.), Екатеринославъ (1787 г.), Бендеры (1789 г.) и Николаевъ (1788 г), увѣковѣчившія боевую славу Потемкина. Подъ фамильнымъ гербомъ вырѣзано: „Фельдмаршалъ Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій родился 30 сентября 1739 года, умеръ 5 октября 1791 года; здѣсь погребенъ 23 ноября 1791 г.“.

Близъ церкви—могилы прочихъ очаковскихъ героевъ: принца Александра Виртембергскаго, Молдаванскаго князя Россетте, генералъ-маіора Синельникова, полковника Карсакова (строителя Херсона), полковника Мартынова и др.

Интересную эпитафію я нахожу на плитѣ полковника Мартынова, убитаго подъ Очаковымъ на 21 году жизни, и, не смотря на свои молодые годы, уже имѣвшаго чинъ полковника.

Привожу ее цѣликомъ, какъ образчикъ кладбищенской литературы конца минувшаго столѣтія:

Гласъ здѣсь лежащаго мертвеца.

Прохожій путникъ остановитесь здѣсь,
Повѣждите мертвецу, куда спѣшите.
Иль хощете войтить въ храмъ славы и честей,
Иль въ жизни ищете спокойныхъ райскихъ дней.
Ищя сихъ драгостей, блюдитеся пучинъ,
Которы кроются среди яснѣйшихъ годинъ.
Раскрашенный сей міръ лежитъ повапленъ въ маски,
Обмана полны лсти его всѣ нѣжны ласки.
Все тлѣетъ, рушится, бѣгутъ прочь всѣ забавы,
Блѣднѣетъ цвѣтъ честей, блескъ тускнѣетъ громкой славы
Ливански кедры ужъ восходящи до небесъ
Бываютъ наконецъ презрѣнна съ грязью смѣсь.
Я видѣлъ въ жизни все, былъ генеральскій сынъ
Еще въ младыхъ лѣтахъ цвѣлъ славою какъ кринъ,
Донскимъ полковникомъ отечеству служилъ,
Близъ стѣнъ очаковскихъ враговъ каралъ, губилъ.
Но злой Агарянинъ въ Очаковѣ въ бою

Коварно изо рва похитилъ жизнь мою
А съ жизнію все сокрушилось съ глазъ моихъ,
Сокрились слава, честь и блескъ мірскихъ утѣхъ,
Лишь къ отечеству любовь осталася со мной
И вѣрна истина мнѣ дала здѣсь покой.
О жизнь! О строга смерть! Я на Дону рожденъ,
Но вотъ въ чужой странѣ безъ сродникъ погребенъ.
Остались сродники по мнѣ отецъ и мать
Которы будутъ ввѣкъ слезъ токи проливать,
Чадолюбива мать какъ горлица степная
Ланиты нѣжныя слезами орашая
Повсюду будетъ мя съ тоскою злой искать
И памятью моей печали умножать.
О братія моя мене не забывайте,
Вамъ должно умереть, сіе воображайте.
Всѣ скоро будете и вы что нынѣ я
Разрушитъ вашъ составъ внезапной смерти тля.

Екатерининскій соборъ стоитъ среди валовъ бывшей херсонской крѣпости, отъ которой только и остались, что валы, рвы, да нѣкоторыя зданія, занятыя подъ казармы. На валахъ растетъ картофель, а рвами пользуются для всевозможныхъ уединеній.

Спускаюсь изъ крѣпости къ Днѣпру и иду херсонской пристанью.

Пришли пароходы. Пристань кишитъ чернымъ людомъ. Изъ открытыхъ оконъ трактировъ несется гамъ. Ряды баржъ стоятъ у берега, гдѣ торгуютъ канатами, досками.

Когда-то процвѣтавшая въ Херсонѣ торговля лѣсомъ идетъ къ упадку, ибо до Херсона—то, по Днѣпру, сплавить его не дорого, но дальше отправлять сопряжено съ большими расходами, по случаю обмелѣнія гирлъ. По ту сторону Днѣпра зелено. Тамъ лежитъ мой путь въ Крымъ.

Чтобы покончить съ Херсономъ, слѣдуетъ упомянуть о памятникѣ извѣстному филантропу, англичанину Джону Говарду, воздвигнутомъ ему, въ формѣ обелиска, его друзьями и почитателями. Говардъ умеръ въ Херсонѣ, и память о немъ неразрывно связана съ многочисленными благодѣяніями, ока-

занными имъ человѣчеству; между прочимъ, ему мы обязаны первыми попытками улучшенія тюремнаго быта.

Если-бы вымостить лучше херсонскія улицы, привести въ приличный видъ его площади, углы и закоулки, почистить Днѣпровскія гирла...

Да, но „если-бы, да кабы"...

А пока—будемъ жить надеждами и повторять апокрифическія слова императора Іосифа.

VIII.

Мнѣ придется коснуться вопроса объ евреяхъ...

Воспитанный въ юдофобскихъ идеяхъ, я колебался воспользоваться гостепріимствомъ, предложеннымъ мнѣ одной херсонской еврейской семьей. Теперь я душевно радъ, что не отклонилъ приглашенія.

Мое мнѣніе объ евреяхъ значительно измѣнилось къ лучшему. Хозяинъ дома, одинъ изъ популярнѣйшихъ въ Херсонѣ врачей, неутомимый труженникъ, человѣкъ, проникнутый глубокимъ чувствомъ гуманности, далъ мнѣ образчикъ еврея, которому смѣло можетъ позавидовать иной христіанинъ.

„Я былъ гимназистомъ въ царствованьи Александра II. Меня ласкали, мнѣ говорили, что я такой же мальчикъ, какъ Ваня, Петя и другіе, и эти ласки были для меня первыми проповѣдниками христіанскихъ идей“.

Рядомъ съ докторомъ живетъ раввинъ, человѣкъ недюжиннаго образованія.

— Я большой поклонникъ англичанъ: ихъ философія — единственная философія положительнаго, здраваго смысла, ихъ изобрѣтенья создали нашу эпоху. Нѣмцы слишкомъ сантиментальны. Между французами и евреями съ давнихъ поръ замѣчается особое тяготѣніе другъ къ другу. Эти два народа имѣютъ очень много общихъ чертъ характера.

„Если-бы это услышалъ Дрюмонъ и его послѣдователи“, думается мнѣ.

Я зналъ Дрюмона въ Парижѣ. Даже вопросъ франко-русскаго соглашенія извѣстный французскій юдофобъ сводитъ на еврейскій вопросъ.

— Антисемиизмъ, столь распространенный въ Россіи и во Франціи, является главнымъ звеномъ симпатій этихъ двухъ націй, сказалъ мнѣ Дрюмонъ, знакомясь со мной.

Съ другой стороны, вотъ что говорили мнѣ поселившіеся во Франціи русскіе евреи:

„Если вы во Франціи умѣете себѣ заработать кусокъ хлѣба,—вы вездѣ его заработаете“.

Раввинъ какъ будто-бы и правъ—нашла коса на камень.

Пыльно, душно въ городѣ, пойду-ка я за городъ. Выхожу Забалкой къ Казенному саду, гдѣ помѣщается земское сельско-хозяйственное училище. Любо мнѣ констатировать факты стремленія нашихъ учрежденій къ образованію массы!

Россія, будучи страной, главнымъ образомъ, земледѣльческой, особенно нуждается въ хорошихъ агрономахъ.

Честь и слава херсонскому земству!

Честь и слава тому милому отношенію, которое я обрѣлъ въ этомъ муравейникѣ полезныхъ прикладныхъ знаній.

Директоръ, инспекторъ, учителя, воспитанники, — одинъ передъ другимъ старались дать мнѣ возможно подробныя свѣдѣнія обо всемъ, интересовавшимъ меня, и тѣмъ значительно облегчили передъ читателемъ мою роль диллетанта по части агрономіи.

Меня больше всего заняли пчелы. Пчеловодство является, для моего ума, не только выгодной отраслью сельскаго хозяйства, но и полемъ интересныхъ наблюденій.

Пчелы и муравьи — насѣкомыя, которыми, издревле особенно интересуются ученые и философы.

Дежурный по пасѣкѣ показываетъ мнѣ разныхъ сортовъ ульи, и на образцовомъ ульѣ, служащемъ для практическихъ занятій, читаетъ мнѣ цѣлый курсъ пчеловодства, отъ кладки личинокъ до выпрыскиванія изъ сотовъ меда особой весьма остроумно-придуманной машинкой (центрофугой) — примѣненіе центробѣжной силы.

Остановлюсь на томъ, что показалось мнѣ наиболѣе интереснымъ:

„Старыя пчелы работаютъ только внѣ улья: онѣ собираютъ мёдъ и пергу (цвѣтень); молодыя — занимаются домашней работой: лепятъ соты, и только на 21 день по выводѣ

начинаютъ дѣлать облёты, знакомиться съ мѣстностью, словомъ готовятся приступить къ работѣ.

Трутни ничего не дѣлаютъ, и ихъ обыкновенно убиваютъ, оставляя лишь необходимое количество для оплодотворенія матки.

Если матка старая и плохо кладетъ яички, а новыхъ матокъ еще не вывелось,—чтобы размноженіе не прекращалось, роль матки беретъ на себя одна изъ простыхъ пчелъ. Такъ какъ ее органы не достаточно развиты, яички она кладетъ исключительно трутнёвыя, получается трутовка, и приходится сажать въ улей новую матку.

Передъ выводомъ новыхъ матокъ, старая или улетаетъ съ частью роя, или старается убить новыхъ матокъ, являющихся ея соперницами.

Во время сильной жары пчелы не работаютъ. Онѣ сидятъ близъ летка (отверстіе, черезъ которое пчелы проникаютъ въ улей) и, движеніемъ крылышекъ производятъ въ ульѣ искусственную вентиляцію. Приложивъ руку къ летку, чувствуешь струю воздуха, гонимую пчелами извнѣ.

Когда мало взятка (меда), летокъ слѣдуетъ уменьшить, а то сами пчелы уменьшатъ его, чтобы чужія пчелы не воровали мёда. Улей выставляетъ къ летку часовыхъ, которые зорко караулятъ воровокъ. Часовые знаютъ своихъ пчелъ; но если и чужая пчела несетъ медъ или цвѣтень—её пропустятъ, но пчелу-дармоѣдку—ни за что".

Развѣ все это не интересно?

А въ питомникахъ...

Къ „дичку" прививается „очекъ" благороднаго дерева. Когда „привой" отростетъ, срѣзаютъ часть дичка, находящуюся выше мѣста прививки, и растеньице само становится благороднымъ. Между тѣмъ изъ сѣмянъ того же благороднаго дерева получается не благородное дерево, а дичекъ.

Странное дѣйствіе законовъ наслѣдственности!

Мнѣ показываютъ разные виды культуръ.

*

— Наиболѣе выгодной признается шпалерная культура, состоящая въ томъ, что растенію придается извѣстная форма. Хотя такая культура даетъ меньше плодовъ, за то эти плоды выше качествомъ, ибо свѣтъ, влага дѣйствуютъ при одинаковыхъ условіяхъ во всѣхъ частяхъ растенія.

Обхожу сѣмянной питомникъ, огороды, питомникъ хвойныхъ и декоративныхъ растеній, цвѣтники, оранжереи.

Нельзя не заглянуть на скотный и птичій дворъ.

Куры, утки, гуси, индѣйки, павлины....

На скотномъ дворѣ—рабочія и заводскія лошади, сѣрый украинскій скотъ и молочныя колонистки (коровы нѣмецкой породы), испанскіе мериносы, англійскія свиньи.

А разныя молотилки, косилки, сѣялки, вѣялки...

Словомъ, всего изобиліе. Сами ученики и жнутъ, и сѣютъ, и огороды копаютъ.

Пора намъ глядѣть глазами херсонскаго земства на земледѣліе, какъ на главную статью нашего благосостоянія, а не какъ на черную работу.

Грамоты не знаешь, дуракъ — дуракомъ — иди сѣй жито. Взглядъ этотъ, слава Богу, начинаетъ отживать.

Хорошо здѣсь! Ахъ, какъ хорошо!

А какъ упала ночь, какъ повѣяло прохладой, какъ взошла луна, какъ вынесли въ садъ самоваръ, да меду, да парнаго молока, да свѣжихъ яичекъ — чертъ возьми, какъ на душѣ стало вольготно!

— „Кушайте, пожалуйста! Кабачки въ сметанѣ... Свѣжепросольные огурчики"....

Я взглянулъ на хозяйку. Сейчасъ видно, что отъ души подчуетъ. Заграницей тамъ больше угощаютъ такъ:

„Вы, вѣрно обѣдали", или „вамъ, можетъ, не угодно"... А у насъ добромъ не съѣшь—силой заставятъ.

Хлѣбосолы!

Но вѣчному жиду нигдѣ нѣтъ мѣста. Впередъ!

Впереди—извилистые берега Беревщины. Камышъ. Бѣлые кувшинки. Ива. Полусжатыя поля. Люди работаютъ.

Стрекозы, кузнечики, цѣлый музей букашекъ, однѣ пожирающія другихъ.

Мы ѣдимъ, насъ ѣдятъ—этакъ никому не обидно.

Если-бы я былъ художникомъ, я-бы многое занесъ въ альбомъ.

А если-бы я не былъ путешественникомъ, я-бы имъ непремѣнно сдѣлался. Можетъ-ли быть выше наслажденіе!

Деревня Арнаутка. Не доходя кабака, лежитъ, у одной изъ хатъ, мужикъ. Онъ храпитъ. Шапку, можетъ, потерялъ, а, можетъ, и пропилъ. А солнце жаритъ во всю. Зову людей. Человѣкъ, оказывается, не здѣшній, чужой.

— Вы бы его хоть въ холодокъ снесли, а то лежитъ на солнопекѣ, да еще безъ шапки — его кондрашка хватить можетъ.

Люди поглядѣли, попробовали растолкать мужика и пошли.

— Смотрите, коли умретъ у вашей хаты — вамъ будутъ непріятности.

Обернулся... гляжу, они его подняли и поволокли на сосѣдскую землю.

Мнѣ вспомнилась, по этому поводу, французская пѣсенка „Le pendu", нѣкогда сводившая съума парижанъ.

Человѣкъ повѣсился; его можно спасти, но прежде надо сдѣлать донесеніе по начальству, и, пока это донесеніе обходило инстанціи, висѣльникъ испустилъ духъ.

Такъ и этого пьяницу будутъ, вѣроятно, волочить съ солнопека на солнопекъ, пока его не хватитъ кондрашка.

IX.

„Что это, хоронить кого будутъ?“ спрашиваю я бабу, что несетъ кадило, ладанъ и свѣчи.

— Ребенка печатать монастырскаго батюшку ждемъ...

Печатаютъ покойника въ томъ случаѣ, когда почему-либо пришлось похоронить его безъ священника. Напримѣръ, при заразной болѣзни. Тогда священникъ совершаетъ обрядъ погребенія ужъ надъ зарытой могилой и это называется въ простонародіи „печатаньемъ“.

Вдали монастырь. Правѣй идетъ дорога въ Скадовку, усадьбу Г. Л. Скадовскаго, о которомъ въ Херсонѣ говорятъ такъ:

„Быть въ Херсонѣ и не побывать у Скадовскаго — все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы“.

Обитатель херсонскаго Ватикана владѣетъ кругленькой цыфрой въ четырнадцать тысячъ десятинъ.

Моимъ посѣщеніемъ сельско-хозяйственнаго училища, до извѣстной степени, исчерпанъ интересъ питомниковъ, пасѣки и прочихъ угодій Скадовскаго. Хотя Скадовскіе сады, огороды и особенно школы (питомники) заслуживаютъ особаго вниманія. На 23-хъ десятинахъ сада вы найдете все, что только климатъ позволяетъ завести: яблоки, груши, вишни, чудные персики, культивированные по американскому способу кустами и пр. и пр. Въ Скадовскомъ сразу видѣнъ помѣщикъ дѣлецъ, хозяинъ, который любитъ сельское хозяйство, понимаетъ его. Признаться, понаслышавшись о его богатствѣ, о его коллекціяхъ, питомникахъ и проч., я, до знакомства съ нимъ, представлялъ себѣ его русскимъ бариномъ, спускающимъ доходы съ имѣнія если не заграницей, то хоть въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ.

Между тѣмъ, Скадовскій безвыѣздно живетъ въ своемъ имѣніи и, получивъ отъ отца 14 тыс. дес., навѣрное оставитъ сыновьямъ скорѣе больше, нежели меньше.

Побольше-бы такихъ помѣщиковъ и не пришлось-бы намъ жаловаться на переходъ имѣній въ руки кулаковъ.

— До сихъ поръ, говоритъ Скадовскій, наши помѣщики садили сады только для лакомства: что ни дерево, то иной сортъ. Такая садка не даетъ товара. Нуженъ одинъ сортъ, причемъ важно знать, какой именно сортъ выгоднѣе разводить въ нашей мѣстности.

— Вотъ, еще 10 лѣтъ тому назадъ, я и посадилъ 23 сорта грушъ. За деревьями слѣдятъ, записываютъ быстроту роста, начало плодоношенія. Такъ, въ концѣ-концовъ, я буду знать, какую грушу садить, какой сортъ рекомендовать покупателю.

Заходитъ разговоръ о рыбномъ промыслѣ.

— У меня въ рѣкѣ рыбы много, но я пока махнулъ рукой на это дѣло. Я займусь имъ, когда будутъ выработаны законы, возбраняющіе хищническіе пріемы, которыми переводится рыба въ нашихъ рѣкахъ. Я ее буду разводить, беречь, а мой сосѣдъ будетъ ее вылавливать. Вѣдь рыба на мѣстѣ не сидитъ, и тутъ одному ничего не подѣлать.

Засимъ Скадовскій объясняетъ мнѣ причину распространенности въ Новороссійскомъ краѣ земледѣльческихъ орудій.

— Съ одной стороны, конечно, вліяніе иностранцевъ (колонистовъ), но, главнымъ образомъ, намъ приходится прибѣгать къ орудіямъ въ виду дороговизны рабочихъ рукъ. Такъ, въ разгарѣ рабочей поры, мы платимъ рабочему до 3 руб. въ сутки, когда въ центральной Россіи средняя плата—30 коп.

Покончивъ съ сельскимъ хозяйствомъ, любезный хозяинъ, принявшій меня съ чисто малороссійскимъ радушіемъ, ведетъ меня на верхъ, гдѣ, въ двухъ небольшихъ шкапчикахъ, хранятся весьма цѣнныя коллекціи.

— Я занимался въ моихъ раскопкахъ главнымъ образомъ погребальнымъ культомъ. Здѣсь вы найдете предметы, отно-

сящіяся къ скифскимъ, готскимъ погребеніямъ, погребеніямъ каменнаго вѣка.

Черепа, амфоры, браслеты, ожерелья, кольца, разнаго рода амулеты тщательно разложены по полочкамъ и каждая группа снабжена фотографіей.

Скадовскій—прекрасный фотографъ, и его альбомъ видовъ и типовъ чрезвычайно интересенъ. Его братъ былъ весьма талантливымъ художникомъ но, къ сожалѣнію, рано умеръ. У Скадовскаго имѣется нѣсколько его картинъ.

Я мало бывалъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Эта патріархальная жизнь мнѣ ужасно нравится. Все свое, начиная съ копченокъ, окорока и соленій и кончая дессертомъ. Все это свѣжее и потому особенно вкусно.

Вышли послѣ обѣда на террасу. Кругомъ садъ: акація, тамарисы. На крышѣ флигеля флегматично стоитъ аистъ, между тѣмъ какъ тутъ же, въ гнѣздѣ, сидитъ самка съ двумя птенцами. За садомъ заливъ, въ видѣ озера. Купальня. По ту сторону рѣки видѣнъ монастырь, выстроенный отцомъ Скадовскаго. Близъ этого монастыря нѣкогда стоялъ дворецъ, гдѣ Безбородко принималъ Екатерину Великую.

Вообще здѣсь что ни шагъ, то какое-нибудь воспоминаніе объ путешествіи Императрицы въ Новороссію.

Пріѣхалъ шарабанъ. Всей семьей поѣхали въ поле.

Своего рода царекъ.

Но, какъ я и сказалъ Скадовскому, подарите вы мнѣ это маленькое царство подъ условіемъ жить тамъ зиму, вообще сидѣть въ немъ безвыѣздно—я бы отъ подарка отказался.

Привычка...

Въ Скадовкѣ имѣется другая интересная личность — это священникъ Потапенко, отецъ извѣстнаго романиста, съ которымъ еще этой зимой мнѣ приходилось встрѣчаться въ Парижѣ.

Къ сожалѣнію, батюшка уѣхалъ на Аѳонъ, но вотъ краткія выдержки изъ его брошюры, подаренной мнѣ его сыномъ, братомъ романиста, дающія понятіе о личности отца Николая.

„Если читатель пожелаетъ знать, зачѣмъ ему предлагается этотъ разсказъ о частной жизни безвѣстнаго лица, то довольно будетъ сказать, что я рожденъ въ простой еврейской семьѣ, а нынѣ состою священнослужителемъ православной христіанской церкви“—такъ начинаетъ онъ свою автобіографію.

Далѣе онъ разсказываетъ, какъ, чтобы его не взяли въ военную службу, мать рѣшилась сдѣлать его калѣкой.

„Четыре брата крѣпко держали меня, а пятый бритвой рѣзалъ мнѣ указательный палецъ правой руки, имѣя намереніе отрѣзать его“.

Но Потапенко, все-таки, попалъ въ рекруты, былъ замѣченъ Николаемъ Павловичемъ, произведенъ въ юнкера и крещенъ въ православную вѣру.

О романистѣ Игнатіи Николаевичѣ Потапенко, братъ его даетъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: „Склонностью къ писанію Игнатій отличался еще когда былъ въ одесской духовной семинаріи. Имѣя голосъ, поступилъ въ петербургскую консерваторію, которую окончилъ успѣшно. Скоро голосъ у него пропалъ и онъ всецѣло отдался литературѣ.“

Вторая на моемъ короткомъ пути священническая семья, изъ которой выходятъ столь талантливые люди.

X.

Еще нѣсколько визитовъ въ Херсонѣ, изъ коихъ нѣкоторые интересны. Такъ, я посѣтилъ директора Херсонскаго крестьянскаго банка, г. Браунера, посвящающаго свои досуги изученію мѣстной фауны. Вся его квартира—это сплошной зоологическій кабинетъ. Львиная доля удѣлена птицамъ и стрекозамъ.

„Въ Херсонской губерніи насчитывается до 300 видовъ птицъ (съ пролетными), говоритъ мнѣ г. Браунеръ, открывая коробку за коробкой съ грудами чучелъ. Вотъ наиболѣе интересные экземпляры: напримѣръ, это дрофа, или дрохва, какъ ее зовутъ въ народѣ, этотъ красавецъ—стрепетъ, житель ковыльной степи, вотъ скопа, родъ рыбнаго орла, вотъ пеликанъ, или баба-птица, встрѣчающаяся на лиманахъ и въ плавняхъ Днѣстра, вотъ гнѣздышко ремиза, вотъ наши черепахи“.

Я, при видѣ столь богатой коллекціи, выражаю сожалѣніе лишь объ одномъ, что вмѣсто того, чтобы лежать въ ящикахъ, коллекція эта не служитъ на пользу херсонцевъ, которымъ, вѣроятно, было-бы небезъинтересно познакомиться съ фауной своей губерніи. Слѣдовало-бы городу эту коллекцію у г. Браунера пріобрѣсти и ею положить начало городскому музею. Заграницей вездѣ такіе музеи существуютъ, и доказывать цѣлесообразность этихъ музеевъ лишнее.

„Я бы пожертвовалъ мою коллекцію городу, но знаю, что никакого толку изъ этого не будетъ — поѣстъ моль и выбросятъ... Я лучше впослѣдствіи принесу ее въ даръ нашей Академіи Наукъ“.

И г. Браунеръ сто тысячъ разъ правъ. Кому у насъ нужны музеи? Коли кому и нужны, то во всякомъ случаѣ не городскимъ управленіямъ, состоящимъ большею частью изъ лю-

дей со средствами, но съ самымъ ограниченнымъ образованіемъ. Заграницей мэры (наши городскіе головы), большею частью педагоги, адвокаты, доктора—у насъ купечество.

Приходится, по семейнымъ дѣламъ, съѣздить на денекъ въ Одессу. То, что я сдѣлалъ сушей теперь сдѣлаю водой.

Я вообще не люблю воды. Человѣкъ на водѣ мнѣ представляется тѣмъ-же, чѣмъ представляется мнѣ рыба на сушѣ. Каждому своя стихія. Не смотря на такое нерасположеніе къ водѣ, приходится, тѣмъ не менѣе, иногда пускаться въ водный путь.

Между Херсономъ и Одессой всего 8 часовъ ѣзды. Погода тихая. Вѣтра нѣтъ. Нѣтъ ни качки, ни морской болѣзни.

Я зналъ французовъ, которые, переѣзжая бурный Ла-Маншъ, ругались и не потому, чтобы имъ приходилось „покормить рыбу", а потому что морская болѣзнь и они—не имѣли никогда ничего общаго.

„Мы нарочно ѣдемъ въ море, чтобы намъ хорошенько очистило желудки, и какъ на зло—ничего."

Говорятъ, морская болѣзнь прекрасное леченіе для больныхъ желудкомъ.

Я предпочитаю лѣчиться касторкой.

Видъ съ парохода на Херсонъ прелестный. Херсонъ кажется съ рѣки большущимъ городомъ, больше и живописнѣй Одессы. Гигантъ „Суворовъ" плавно плыветъ по теченію.

Публика высыпала на палубу и весело болтаетъ. Хорошій денекъ, качки не предвидится—и на душѣ весело. Одни тараторятъ о заграницѣ, куда ѣдутъ цѣлой бандой, другіе ведутъ невинный флиртъ, но больше рѣчь идетъ о деньгахъ и о водкѣ.

— Такой-то то-то продалъ, столько то нажилъ; тамъ-то (въ какой-то маленькой деревушкѣ) на 7500 руб. въ годъ крестьяне водки выпиваютъ.

Пароходу до этихъ разговоровъ дѣла нѣтъ—онъ себѣ знай плыветъ да плыветъ, оставляя за собой волнистыя песочныя насыпи (кучугуры), поросшія тростникомъ плавни, наносные

островки, туфы болотистой зелени, пасущихся коровъ, загорѣлыхъ купальщиковъ и т. д. и т. д.

Вотъ Голая Пристань, гдѣ ведется торговля лѣсомъ и куда въ сезонъ пріѣзжаютъ купаться. Солидное село... За бугромъ виднѣется церковь. Кой-кто всталъ, кой-кто сѣлъ—и дальше.

Ѣдемъ гирломъ. Мелко, того и гляди—сядемъ на мель. Вьется разная болотная птица.

Пассажиры заговорили объ обѣдѣ.

Позвонили, и всѣ полѣзли въ каюту. Обѣда хулить не стану. За то разноситъ этотъ обѣдъ на всѣ корки какой-то толстопузый мѣстный богачъ, изъ простыхъ.

— Обѣду вся цѣна 30 к., а они рубль двадцать дерутъ.

„У него 200 тысячъ капиталу", шепчетъ мнѣ мой сосѣдъ.

Только этакъ и наживаются состоянія!

Но что за типы! Я нарочно обвелъ глазами весь столъ и ни одного сколько-нибудь другъ на друга похожаго. Прямо расы разныя... Но почему все это такъ уродливо?

Подъѣзжаемъ къ Очакову. Съ одного борта—самъ городъ, глядитъ столь-же мизерно съ лимана, какъ и съ суши, съ другого—Николаевская батарея и Кинбурнская коса.

Кончился лиманъ. Началось море. До Одессы три часа ѣзды.

Я не понимаю морскихъ видовъ—безконечное монотонное пространство... Что тутъ смотрѣть?

Пріѣхали....

Ахъ, господа одесситы, какъ вы часто бываете несправедливы къ вашему городу!

Я былъ почти вездѣ въ Европѣ и, тѣмъ не менѣе, право, мнѣ ужасно нравится Одесса. Русскій, и именно русскій немножко западникъ, находитъ здѣсь оба близкіе его сердцу элемента: русскихъ людей, русскіе нравы, русскую рѣчь съ примѣсью иностранныхъ порядковъ, иностраннаго умѣнья жить.

Мнѣ жаль покидать Одессу, но „le devoir avant tout". Я связанъ словомъ съ моими читателями.

Въ обратный путь!

Тѣ-же мѣстности, другой только пароходъ и другая публика.

Опять легкій флиртъ, разговоры объ обѣдѣ, о водкѣ и о деньгахъ.

Мнѣ попадается русскій матросъ, служившій на англійскомъ суднѣ. Не можетъ нахвалиться англичанами. Я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе: джентельмэны, вѣрные люди. Въ Англіи единственно что никуда не годится, это политика: уженье рыбы въ мутной водѣ. Остальное превосходно.

Возвращаюсь въ Херсонъ и, набравшись, за нѣсколько дней отдыха, новыхъ силъ, отправляюсь въ путь, на Перекопъ.

XI.

Дѣлаю крюкъ на Бериславъ, вверхъ по Днѣпру. Здѣсь онъ представляется во всей своей красѣ, такимъ, какимъ воспѣлъ его Гоголь.

Помните: „Ни одна птица не долетитъ до середины Днѣпра“.

Пароходъ хоть и грузовой, но бѣжитъ шибко. На палубѣ— цѣлая партія рабочихъ, все больше кіевскіе и полтавскіе, ѣдутъ на заработки.

Одни дуются въ карты, другіе флегматично грызутъ подсолнухи, третьи растянулись и спятъ. Народъ смышленый, но лѣнивый.

Берега не скучны: масса деревень, камышевые плавни, ивы. Вотъ стоитъ монастырь. Вообще, есть чѣмъ скуку убить.

Вотъ и Бериславъ (въ старину турецкая крѣпость Кизи Керменъ). По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, крѣпость эта была основана въ XV столѣтіи Магометомъ Завоевателемъ. Бериславскіе старожилы производятъ названіе города отъ выраженія Екатерины Великой: „Берегъ славный“. Какъ городу, я не предъявляю Бериславу никакихъ требованій. Это даже не уѣздный, а заштатный городъ. „Большое село“, какъ зовутъ его сами бериславцы. Четыре, однако, церкви, главная улица, Екатерининская, усажена акаціями, и въ дни, когда мѣстное начальство и гг. пожарные въ милостивомъ настроеніи духа, она даже поливается. Но такъ какъ эти дни рѣдки, то и улица больше пылитъ, хоть она и мощеная. Вообще, чего другаго, а пыли въ Новороссіи изобиліе. Еще спасаетъ немного акація, единственное дерево, растущеее здѣсь, а то была-бы совсѣмъ Сахара.

Визитирую по Бериславу.

Къ головѣ, въ полицію, къ бывшему головѣ г. Шило. Послѣдній визитъ наиболѣе интересный. Г. Шило запорожскаго происхожденія; сынъ его женатъ на Скоропатской, предокъ коей былъ послѣднимъ запорожскимъ гетманомъ. M-me Шило просто уморила меня своей бесѣдой:

— И чего это къ намъ, въ Бериславъ, женихи не ѣдутъ! У насъ множество богатыхъ невѣстъ: по пятидесяти, по сто тысячъ... Бываетъ иногда, что пріѣзжаютъ, но кто-же за такихъ жениховъ пойдетъ? Вотъ и сейчасъ двое шляются... Заходятъ въ купеческіе дома и представляются: женихъ, молъ, тамъ-то служу, столько-то жалованья получаю.

„Неужели, такъ сами и представляются?“

— Да, сами.

Г. Шило, тотъ человѣкъ серьезный, и разговоръ его серьезный, назидательный.

— Прежде Бериславъ куда былъ живѣй. Здѣсь шла чумацкая дорога, склады соли были. Бывало, цѣлый день ѣзда. Подумайте, черезъ Перекопъ, помню до 3.500 подводъ въ день проходило, изъ нихъ половина ѣхала на Бериславъ. Эхъ, въ старину куда вольготнѣй жилось,—вздохнулъ старикъ (ему 70 лѣтъ); къ примѣру сказать, цѣны на землю прежде и теперь. Прежде по 12 к. десятину арендовали, я самъ платилъ по 25 к., а нынче 4 рубля. Какая разница! Когда мой дѣдъ прибылъ въ эти края—здѣсь все кустарникомъ было поросши, звѣри разные водились, птицы, а сейчасъ кромѣ зайцевъ, лисицъ да кой-какой дичи ничего нѣтъ.

Славный старикъ! А какъ исторію знаетъ — то-то было тогда-то, то-то тогда-то. Ходячая лѣтопись.

Господи, сколько въ Бериславъ нагнано рабочаго люда! И людъ этотъ больше валяется на базарной площади, нежели работаетъ.

Выбравъ себѣ парня посимпатичнѣй, я договорилъ его ходить со мной и носить мою сумку. Черниговецъ. Сначала все говорилъ:

— Чего-то боязно съ вами идтить.

Но потомъ согласился.

— Пойду. Богъ не оставитъ.

Знаете, какъ въ воду бросаются: перекрестятся, а тамъ будетъ что будетъ.

Послѣ первой „пары“ чая, распитой въ каховскомъ трактирѣ, мой Епифанъ повеселѣлъ и признался, что ему хорошо. И мнѣ тоже. Кроткое, покорное существо, когда товарищъ, когда слуга, когда молчаливая тѣнь...

Сейчасъ, я корреспонденцію пишу, а онъ мухъ отмахиваетъ.

Въ Каховку идемъ плавучимъ мостомъ черезъ Днѣпръ.

Вотъ гдѣ красивыя мѣста!—потому заливаетъ ихъ водой. Вода сошла и лѣсокъ точно весной, травы—пышныя, ярко-зеленыя. Кой-гдѣ осталась вода. Точно англійскій паркъ!

— Гляньте, баринъ, чумаки подъ вербой спятъ, показываетъ мнѣ Епифанъ.

Стоятъ чумацкія повозки. Лаютъ псы. Чумаковъ въ травѣ не видно.

Дальше цыгане. Цыганята, черные какъ чертенята, полощутся въ рѣчкѣ.

Каховка—большое мѣстечко съ заводомъ, мукомолками и лѣсопилками.

У насъ, на сѣверѣ, уѣздные города меньше.

XII.

Бериславъ и Каховка любовно переглядываются черезъ Днѣпръ. Бериславъ—Херсонской губерніи, Каховка—уже Таврической. Прохожу Каховкой. Хочется поскорѣй добраться до Крыма.

Увы! мой Епифанъ, послѣ перваго-же десятка верстъ, оказывается неспособнымъ пѣшеходствовать со мной. И сумка моя для него слишкомъ тяжела, и хожу я больно скоро. Ну и Богъ съ нимъ, только лишній баластъ. Я опять одинъ...

Упала ночь. Дорога обезлюдѣла. Несжатыя поля, особенно тѣ, что созрѣли, кажутся во тьмѣ громадными водными пространствами. Много уже сжатыхъ. Кой-гдѣ, въ потьмахъ, дожинаютъ. Слышенъ хлестъ косилокъ. Здоровенные снопы стоятъ сомкнутыми рядами, какъ взводы на ротномъ ученьи. Сколько люду накормятъ эти соломенные солдатики!..

Желаннымъ маякомъ свѣтится вдали корчма. Хозяинъ изъ мастеровыхъ; потерялъ зрѣніе и сталъ корчмаремъ. Начинаемъ съ того, что другъ друга морочимъ: онъ старается выпытать, кто я такой, заводитъ стороной рѣчь о томъ, что ему никто не страшенъ, что у него всегда при себѣ оружіе и денегъ „нэма", потому дѣла плохи, я — прикидываюсь пѣшеходствующимъ изъ нужды, потому кто его знаетъ? — коль пронюхаетъ, что я „баринъ", что у меня „карбованцы" при себѣ есть—можетъ обобрать, какъ уже не разъ это со мной бывало.

Спать нѣтъ возможности. Корчма оказывается какимъ-то инсектаріумомъ. Клопы, блохи, мухи, тараканы, мокрицы, маленькіе жучки, всевозможныя козявки накидываются на меня,

словно я варенье какое-нибудь. Дѣло въ томъ, что хозяинъ, изъ опаски, не согласенъ свѣта тушить; этой всей дряни при огнѣ не спится и она ну-ползать по мнѣ, ну-меня кусать. Только показались первые вѣстники разсвѣта, я уже былъ на ногахъ и плелся по пыльной дорогѣ въ Чаплынку.

Паслись стада. Иныя до двухъ тысячъ головъ.

Каждое стадо провожаетъ меня блеяньемъ, причемъ, полнымъ своимъ составомъ, уставится на меня и долго смотритъ мнѣ вслѣдъ. Чабаны спятъ. Спятъ и собаки.

Миную пару хатенокъ, имянуемыхъ Черной Долиной.

Все время степь, пыль... Но вотъ и Чаплынка. Большое село: хорошая церковь, больница, нѣсколько лавокъ... По случаю воскресенья народъ гуляетъ. Картина этой гульбы меня чрезвычайно веселитъ. Не народился у насъ еще жанристъ à la Тенье, который далъ-бы намъ рядъ иллюстрацій этой гульбы!

А сколько темъ!

Зашелъ къ „хозяину". На столѣ солидная яичница съ кускомъ сала. Передъ каждымъ ѣдокомъ лежитъ по ложкѣ и по ломтю хлѣба. Стоитъ бутылка водки. Люди ломаются, никто не рѣшается начинать.

— „Полуднуйте, уважайтесь", подчуетъ хозяйка, видно—славная работница.

Ложки заработали, челюсти заходили. Яичницы скоро и помину не стало. Водка, та пьется съ церемоніей: кому подносятъ, отхлебнетъ полъ рюмки, ее подольютъ и другому, который тоже только половинку выпьетъ, причемъ морщится и говоритъ „поганая!"

Вышелъ на улицу. Что ни группа—то сценка.

Вотъ пришелъ на побывку солдатъ. Онъ разсказываетъ своимъ односельчанамъ, чего онъ въ городѣ насмотрѣлся. Слушатели, особенно слушательницы, рты разинули, ни словечка не проронятъ. У колодца какой-то полупьяный паренекъ обливаетъ дивчатъ водой. Тѣ визжатъ, имъ весело. Паренекъ, какъ конфетка, особенно—въ розовой, отороченной

чернымъ бархатомъ, рубашкѣ, нѣмецкаго сукна брюкахъ и новенькихъ щиблетахъ. А дивчата какія красотки!

Вонъ стоитъ преждевременно подкошенная тяжкой работой женщина. У нея сынъ—парень на возрастѣ. Старикъ съ сосѣдняго хутора нанимаетъ его въ работники.

— Я самъ спать гарно люблю. Обижать не буду, говоритъ старикъ.

— „Це не балованный. Це шести годовъ телятъ пасъ“, подхваливаетъ сына мать.

Сторговались за 18 руб., до Покрова. Пошли за водкой, „за Василя магарычъ пить“...

У кабака полъ деревни. Кто совсѣмъ упился—жена пришла ругаться и домой вести, кто еще туда-сюда. Одинъ здоровенный хохолъ пилъ, пилъ и все ему нипочемъ... Вдругъ махнулъ рукой и пошелъ.

— Скилько не пій, усіей не выпьешь...

Надо было видѣть эту хохлацкую физіономію, это безучастіе, съ которымъ только одни хохлы способны изрекать самыя смѣшныя вещи. Смѣшить другихъ и самому не смѣяться—вотъ истинный комизмъ.

Добираюсь до одного изъ сосѣднихъ хуторовъ, гдѣ остаюсь на почлегъ. Въ хатѣ душно, да и воспоминанье о предыдущей мучительной ночи... Иду спать на дворъ. Ночь теплая, дали охабку сѣна—мягко, пахнетъ хорошо... Вдали слышны пѣсни. Отъ времени до времени залаетъ собака. По сосѣдству со мной привязали лошадей—они жуютъ всю ночь. А то тихо, тихо.

Долго гляжу на небо. Вотъ млечный путь. Вотъ Большая Медвѣдица. Мірріады міровъ мнѣ служатъ пологомъ.

Сосѣдъ Данило ворчитъ во снѣ. Ворчитъ и косматая овчарка. Тутъ-же легла и черноокая Ганна.

„Ганна, Ганна“...

— И чего вамъ, отчипитесъ!...

---

*

XIII.

Асканія Нова (Чапли), какъ по своей усадьбѣ, такъ и по количеству прилегающихъ къ ней земель (70 тысячъ десятинъ), является наиболѣе обширной и наиболѣе интересной изъ многочисленныхъ экономій Таврическихъ Крезовъ—Фальцъ-Фейновъ. Это, безспорно,—не только самые крупные землевладѣльцы и овцеводы южной полосы, но и одни изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ во всей вообще Россіи. Состояніе ихъ исчисляется милліонами; такъ, одной земельной собственности у Фальцъ-Фейновъ имѣется милліоновъ на 20, не считая построекъ, овецъ, скота, табуновъ и проч. и проч. Говорятъ, одинъ годовой доходъ Фальцъ-Фейновъ равняется, приблизительно, тремъ милліонамъ.

Это колоссальное состояніе представляетъ собой результатъ терпѣнія, труда, умѣнія, знанія, и, разумѣется, счастья трехъ поколѣній. Начало состоянію положено дѣломъ теперешнихъ наслѣдниковъ, изъ коихъ старшій, Федоръ Эдуардовичъ, руководитъ всѣмъ хозяйствомъ.

На меня сосредоточеніе столь колоссальныхъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ производитъ, обыкновенно, какое-то странное впечатлѣніе. Если разобраться въ этомъ впечатлѣніи, вѣроятно, пришлось бы докопаться до мало симпатичныхъ сторонъ человѣческой натуры, а потому лучше въ немъ не разбираться. Мнѣ думается, что большинство людей, ратующихъ за равномѣрное распредѣленіе собственности, дѣйствуютъ, прежде всего, въ силу чисто личныхъ побужденій.

Пріемъ мнѣ былъ оказанъ Фальцъ-Фейнами самый радушный, и когда, за обѣдомъ, посаженный любезной хозяйкой

дома на почетное мѣсто, между ею и ея старушкой матерью, я сталъ обводить глазами громадный столъ, за которымъ насъ сидѣло душъ до сорока, освѣдомляясь, кто тутъ изъ родни Фальцъ-Фейновъ и кто гости, вотъ какая мысль мелькнула у меня:

„Пріятно видѣть, что это состояніе досталось столь милымъ, симпатичнымъ, образованнымъ и гостепріимнымъ людямъ“.

Простота, простота интеллигентная, комильфотная, отсутствіе малѣйшей позы, малѣйшаго желанія импонировать—вотъ что сразу расположило меня къ семьѣ Фальцъ-Фейновъ.

„Для меня, Софья Богдановна“, сказалъ я, смѣясь, хозяйкѣ дома, „какъ для странника, всякій обласкавшій и пріютившій меня хозяинъ одинаково дорогъ и милъ. Вчера гостепріимство это мнѣ было оказано Самойловскимъ хуторяниномъ, который подчевалъ меня борщемъ и кофіемъ, отъ котораго у меня по сей часъ жжетъ подъ ложечкой, сегодня—роскошно сервированный столъ, лакеи во фракахъ, тонкія вина, французская кухня. Одна изъ прелестнѣйшихъ сторонъ моей скитальческой жизни...“

Интересный coup d'oeuil представляетъ столовая. Цѣлый казацкій отрядъ, офицеровъ двадцать, проходившій, на маневры въ Крымъ, имѣніями Фальцъ-Фейновъ, взятъ въ плѣнъ гостепріимными хозяевами и гоститъ въ Чапляхъ. Нѣсколько пріѣзжихъ, безъ которыхъ не обойдешься въ деревнѣ. Эти гости, порой весьма желанные, иногда, думается мнѣ, должны быть въ тягость помѣщикамъ. Я, по крайней мѣрѣ, знаю такихъ помѣщиковъ, которые, имѣя чудныя имѣнія, гдѣ именно лѣтомъ только и жить, уѣзжаютъ изъ своихъ усадьбъ, чтобы избавиться отъ набѣговъ гостей, знакомыхъ и незнакомыхъ, пріятныхъ и непріятныхъ.

Гдѣ средства, гдѣ столъ хорошъ—туда всѣ льнутъ, особенно когда и люди милы, добры и гостепріимны.

Намъ служитъ негръ, изъ Сенегала. За дессертомъ проводятъ „Линду“, ручного леопарда; этотъ кровожадный хищникъ прирученъ здѣсь до того, что вы можете гладить его, играть

съ нимъ, и онъ лишь граціозно гнетъ свою красивую пятнистую спинку, изъявляя тѣмъ свое удовлетвореніе.

Послѣ обѣда пошли пройтись по саду. Садъ въ степи — это самая большая роскошь, которую только можно себѣ позволить. Развести этотъ садъ, поддерживать его—стоитъ массы затратъ, труда и умѣнья. Приходится накачивать, паровыми и вѣтряными насосами, воду изъ артезіанскихъ колодцевъ и, путемъ искусственнаго орошенія, давать растеніямъ необходимую влагу.

Гуляя со мной по саду, хозяйка дома говоритъ мнѣ:

„Пріятно, когда потрудишся, пожинать плоды этихъ трудовъ. Надо помнить, чего стоитъ выхолить въ степи каждый кустикъ, каждый цвѣточекъ, чтобы цѣнить эту тѣнь, эту ласкающую глазъ зелень. Я не жалѣю денегъ на это родовое гнѣздышко и вотъ почему: при нашихъ средствахъ, не будь Чапли пріятной, удобной резиденціей, куда бы манило насъ, мы бы всѣ разбрелись, а такъ: на Рождество, на Пасху, на лѣто, мы всѣ съѣзжаемся сюда и проводимъ время вмѣстѣ“.

Полагаю лишнимъ подчеркивать всю симпатичность такихъ семейныхъ началъ, въ которыхъ, между прочимъ, кроется вся сила и благосостоянія, и средствъ семьи Фальцъ-Фейновъ. Подѣли они свои имѣнія, не веди хозяйство съ той любовью, съ тѣмъ умѣніемъ, какъ это дѣлаетъ Федоръ Эдуардовичъ, зимующій зачастую въ Чапляхъ, эта колоссальная машина остановилась-бы и, въ концѣ концовъ, рухнула.

Развѣ мало богатѣйшихъ имѣній было разорено и кануло въ вѣчность?

Вечеромъ: концертъ, танцы, катанье на тройкахъ по степи... Только на Руси, и именно только въ степи, можно летѣть стрѣлой по прямой линіи, какъ мы летѣли... Ровная, гладкая степь, къ тому-же своя—дѣлай, что хочешь.

Молодежь пѣсни поетъ, русскія, заунывныя пѣсни, въ которыхъ выливается вся глубина славянской души.

„Ахъ, если-бы вы знали, что за прелесть наши степные пикники!“ восторженно говоритъ мнѣ Софья Богдановна, кото-

рую никакія средства, никакія заграницы не способны заставить забыть дорогую ей степную Россію.

„Вы будете смѣяться, но я все таки разскажу. Разъ намъ всѣмъ ужасно захотѣлось извѣдать жизни цыганской—ночевки подъ открытымъ небомъ со всѣми аксессуарами цыганскаго табора. И мы осуществили наше желанье — поѣхали въ степь, распрягли лошадей и, выбравъ каждый по копнѣ, провели ночь подъ открытымъ небомъ“...

Вотъ вамъ рядъ картинокъ степной жизни. А мнѣ многіе говорятъ: „Какая вамъ охота расхаживать по нашимъ степямъ? Что вы тамъ найдете?“

Никогда не знаешь, гдѣ что найдешъ...

Фальцъ-Фейновскій зоологическій садъ весьма популяренъ,— слава о немъ гремитъ по всему югу, но мало кто знаетъ, что садъ этотъ не одна барская забава, а это, такъ сказать, тотъ-же парижскій Jardin d'Acclimatation (конечно въ меньшихъ размѣрахъ), гдѣ Федоръ Эдуардовичъ пытается акклиматизировать различныхъ представителей царства животнаго и пернатаго. И эта попытка увѣнчивается полнѣйшимъ успѣхомъ. Такъ, на громадныхъ пространствахъ, спеціально отведенныхъ подъ этотъ садъ, пасутся (почти въ состояніи полной свободы) стада антилопъ, бѣгаютъ ручные страусы, зебры, шмыгаютъ патагонскіе зайцы, кенгуру. Два ручныхъ попугая вьютъ гнѣздо близъ искусственнаго пруда, гдѣ всякой дичи тьма тьмущая; тутъ всего есть—и мѣстныя породы, и породы экзотическія.

Г. Фальцъ-Фейнъ производилъ надъ перелетными птицами интереснѣйшіе опыты: онъ вѣшалъ имъ на шею ярлычки съ надписями на четырехъ языкахъ, прося лицъ, которымъ придется убить такую мѣченную птицу, извѣстить его, гдѣ она была убита. Были получены отвѣты, напримѣръ, изъ центральной Африки, доказывающіе, что наши перелетныя птицы залетаютъ за 6,000 слишкомъ верстъ.

Въ заключеніе не могу не занести въ мою копилку типовъ околачивающагося въ Чапляхъ австріяка, бывшаго учителя

молодыхъ Фальцъ-Фейновъ, нынѣ посвятившаго себя всецѣло уходу за соловьями.

Вотъ, что сообщаетъ мнѣ объ этомъ, въ своемъ родѣ оригинальномъ, типѣ m-lle Фальцъ-Фейнъ, очаровательная степная барышня, культивированная въ заграничныхъ питомникахъ и давшая прелестную амальгаму русской души съ европейскимъ воспитаніемъ.

„У насъ, въ Чапляхъ, вы можете наблюдать самые разнообразные типы и народности. Бываетъ такъ, что за столомъ сидитъ: нѣмецъ, французъ, англичанинъ, турокъ, словомъ всѣ націи. М. Х. — австріякъ. Его хлѣбомъ не корми, только давай ему соловьевъ. Онъ способенъ цѣлыми днями сидѣть и царапать по столу, чтобы заставлять ихъ пѣть. Онъ пишетъ цѣлыя поэмы о своихъ соловьяхъ. Онъ ихъ даже въ Парижъ возилъ... И эти соловьи довели его до самаго критическаго положенія“...

XIV.

Вотъ, для любителей цифръ, нѣсколько цифровыхъ данныхъ, полученныхъ мной въ Чаплынской конторѣ:

Имѣнія Фальцъ-Фейновъ находятся въ Таврической и Херсонской губерніяхъ; при нихъ числится 135,035 десятинъ земли собственной и 41,275—арендной. Земли эти распредѣлены такъ: подъ садами и усадьбами—около 800 десятинъ, подъ хлѣбопашествомъ экономическими средствами—6,210 десятинъ, отдается разнымъ лицамъ подъ посѣвы за скопщину около 15,000 десятинъ, остальное находится подъ сѣнокосомъ и выпасомъ для скота, лошадей и овецъ. Овецъ у Фальцъ-Фейновъ имѣется до 250,000 головъ, все это количество дѣлится на 140—150 стадъ (шматковъ), въ каждомъ отъ 1,500 до 2,000 штукъ; при каждомъ стадѣ находится по 4 чабана (пастуха) и по 3 — 4 собаки. Лошадей—1,035 штукъ, рогатаго скота—6,533 штуки, двугорбыхъ верблюдовъ, употребляемыхъ для полевыхъ работъ,—439. Служащихъ и рабочихъ, во всѣхъ имѣніяхъ, насчитывается до 4,200 человѣкъ, но кромѣ этого производится много издѣльныхъ работъ, для выполненія которыхъ, въ лѣтнее время, нанимается около 5,000 душъ рабочихъ постороннихъ, не считая экономическихъ.

Цифры эти краснорѣчивѣе всего, что-бы я могъ сказать.

Затѣмъ нѣсколько новыхъ впечатлѣній, недостатка въ коихъ нѣтъ. Что ни день, то что нибудь новенькое, и, если бы все записывать, пришлось бы посвятить моему посѣщенію Фальцъ-Фейновъ цѣлую книгу.

Изъ чисто парижскаго салона, пройдя роскошнымъ садомъ въ степь,—вы натыкаетесь на уголокъ Сахары. Безконечное

пустынное пространство, и вдали, на фонѣ темнѣющаго неба,— стадо верблюдовъ.

У верблюдовъ отъ жары горбы повисли... Ихъ пасутъ два черниговца, окрещивая этихъ животныхъ нашими русскими именами, вродѣ Васьки, одно изъ наиболѣе излюбленныхъ имянъ въ Чапляхъ. Такъ, Васькой зовутъ здѣсь и страуса, и верблюда...

Эти экзотическія животныя, которыхъ можно встрѣтить въ Европѣ только въ одной Испаніи и то лишь въ провинціи Хуельбѣ, гдѣ они остались въ одичаломъ состояніи, вѣроятно, отъ нашествія мавровъ, среди русскихъ степей и при русской обстановкѣ—зрѣлище, котораго не увидишь каждый день.

Не увидишь каждый день и вообще этой аккюмилаціи богатства и роскоши, которыя тѣмъ болѣе говорятъ воображенію, что кругомъ все голо и что Фальцъ-Фейновскіе Чапли и Преображенка перещеголяли всѣ сахарійскіе оазисы. Единственно, чѣмъ умаляется прелесть этихъ степовыхъ оазисовъ, это тѣмъ, что тутъ все есть, кромѣ природы. Деревья, кусты, цвѣты — все это въ полу-чахломъ состояніи томящихся невольниковъ. Я, вообще, не поклонникъ извѣстной климатической зоны. По мѣрѣ того, какъ солнце печетъ все болѣе и болѣе, растительность, изъ свѣже-изумрудной, гигантской, развѣсистой, становится какой-то кустообразной, приземистой... Таковъ весь югъ Франціи, Испанія и вообще весь югъ. Только подъ тропиками солнце опять даетъ гигантовъ и облекаетъ зелень и цвѣты въ фантастическія формы и краски.

А тутъ еще эта ужасная пыль, ложащаяся на легкія, на растенія и отравляющая прелесть степныхъ оазисовъ.

Трудно повѣрить, чтобы экспулатація этой пыльной степи могла бы дать тѣ колоссальныя цифры дохода, которыя она даетъ. Я, лично, будь у меня свободныя средства, никогда бы не купилъ себѣ здѣсь имѣнія.

На это старшій Фальцъ-Фейнъ говоритъ мнѣ: „а я не могу ужиться въ другомъ мѣстѣ — мнѣ нужна ширь, чтобы былъ просторъ глазу... горы давятъ меня, въ лѣсу мнѣ тѣсно...“

Въ этомъ смыслѣ мы никогда не поймемъ другъ друга.

Вообще, трудно столковаться людямъ, живущимъ въ различныхъ условіяхъ. Не смотря на все радушіе хозяевъ, на весь комфортъ, который предоставленъ гостямъ, на все разнообразіе удовольствій, — я чувствую, что мое настроеніе духа портится. Въ душѣ моей подымается цѣлая буря. Быть можетъ, будь хозяева менѣе любезны, не отличай они меня среди своихъ гостей, будь мое посѣщеніе Чаплей и Преображенки мимолетнымъ проѣздомъ, какъ осматриваешь музей, картинную галлерею, бури этой не было бы. Но это сближеніе, эта возможность возврата, вмѣсто того, чтобы льстить мнѣ, пугаетъ меня.

Словомъ, я чего то инстиктивно боюсь.

Да проститъ мнѣ читатель эту субъективность, но, мнѣ думается, любопытно не только дать рядъ картинъ, но и подѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія оставляютъ на васъ эти картины.

Да я и не умѣю быть объективнымъ.

Я догадываюсь, чего я боюсь. Я боюсь, во первыхъ, средствъ, особенно средствъ столь колоссальныхъ. Я боюсь тѣхъ страстей, которыя разыгрываются, отъ соприкосновенія съ ними, въ душѣ чуткой, воспріимчивой, а, пуще всего, я боюсь золотой цѣпи.

Вотъ почему во мнѣ идетъ борьба: влеченіе къ тому, что мило, весело, удобно и боязнь этихъ чаръ, этого обаянія.

И потому-то я долго и не загащиваюсь у Фальцъ-Фейновъ.

Куда-бы васъ еще сводить?

Вотъ мавританскаго стиля купальня, гдѣ, въ уложенномъ камнемъ бассейнѣ, ежедневно мѣняется вода. Вотъ искусственный гротъ, располагающій къ мечтанію. Больница, лютеранская церковь, гдѣ покоятся усопшіе члены семьи Фальцъ-Фейновъ. Дивно ассортированная конюшня и экипажный сарай. Цѣлая вереница казармъ, гдѣ живутъ служащіе и рабочіе. Почтовая контора. Два громадныхъ флигеля, родъ гостинницы, гдѣ есть мѣсто цѣлому сонму гостей и гдѣ предупредительность хозяевъ,

обиліе прислуги и не стѣсненіе въ средствахъ дѣлаютъ ваше пребываніе очаровательнымъ.

И рядомъ копошится мысль:

„Я попалъ на содержаніе. Что отъ меня за это спросятъ?“

И, представьте, ничего не спрашиваютъ. Хозяйка дома, которой, вотъ ужъ кажется, никто не нуженъ, держитъ себя съ вами такъ, какъ будто вы ей же еще честь дѣлаете тѣмъ, что вы ее навѣстили, барышня, о которой я не смѣю говорить иначе, какъ съ благоговѣніемъ,—такъ она скромна, привѣтлива и комильфотна, слѣдитъ за каждымъ движеніетъ гостей. Сыновья...

Словомъ, это одни изъ милѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ!

Что-то около десяти экипажей и двухъ дюжинъ лошадей мчатъ насъ въ Преображенку, которую тоже нельзя не осмотрѣть.

Между Чаплями и Преображенкой цѣлое пекло. Пыль, какъ тѣ облака, что служатъ въ феерiяхъ для перемѣны „a vue“ декорацій.

И вотъ изъ этой пыли встаетъ дворецъ въ стилѣ Миромаръ. Окна открыты. Свѣтло. Этотъ гостепріимный свѣтъ способенъ освѣтить самые темные уголки души.

Внутри грандіозно, роскошно, хотя нѣтъ выдержки стиля. За то нѣсколько „Айвазовскихъ“, „Судковскихъ“, дивные рояли, что-то около 60 комнатъ. Преображенка—собственность m-me Фальцъ-Фейнъ.

Зовутъ пѣсельниковъ. Хозяева и гости выходятъ на крыльцо. И бравые казаки затягиваютъ:

Поѣхалъ казакъ въ чужбину далеку,
На добромъ конѣ онъ своемъ ворономъ,
Свою онъ краину на вѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ отеческій домъ.

Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ поджидаетъ, съ далекаго края
Когда ея милый казакъ прилетитъ.

Тамъ за горами, гдѣ вьются мятели,
Морозы трескучи трещатъ,
Гдѣ вздвигнулись грозно и сосны, и ели,
Казачьи кости подъ снѣгомъ лежатъ.
Казакъ и просилъ, и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ,
И пусть на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ, лазоревыхъ цвѣтахъ,
Пущай на калинѣ залетная пташка
Порой прощебечетъ про жизнь казака.
Мнѣ, бѣдному, жизнь тяжела во могилѣ,
А бѣдной казачкѣ въ родной сторонѣ.

Запѣвало поетъ съ чувствомъ, закатывая глаза и отчеканивая каждое слово, и слезы невольно навертываются у меня на глазахъ.

Но вотъ подхватили веселую. Ударили въ бубенъ, пищитъ свирѣль, подъигрываетъ гармоника... И пошли въ плясъ казаки.

Молодцы-ребята!

Симпатична мнѣ эта среда, симпатична главнымъ образомъ потому, что у казаковъ нѣтъ этого винигрета другихъ полковъ: вельможа, обнищалый дворянинъ, купеческій сынокъ, сынъ священника. Здѣсь всѣ равны, всѣ казаки, живущіе душа въ душу. Симпатична мнѣ также память ихъ боевой славы. Русскій казакъ и по сейчасъ является пугаломъ для нашихъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

„Sale cosaque“, шутя, называютъ насъ теперь французы, но, еще не такъ давно, слово „cosaque“ было у нихъ ругательнымъ словомъ, каковымъ теперь является „prussien“.

„Grattez un russe et vous trouverez un cosaque“, говорятъ они и по сейчасъ; имъ памятны наши казаки.

— Насъ совсѣмъ не знаютъ наши-же русскіе. Мнѣ часто приходилось слышать, какъ насъ смѣшиваютъ съ малороссами. Казаки, говорятъ, это тѣ-же малороссы. Между тѣмъ, мы смѣсь: у насъ всего есть—и турецкой крови, и крови разныхъ выходцевъ.

Сначала меня сторонятся:

— „Стрикулистъ. Еще опишетъ"...

Но мы скоро сходимся, и мнѣ предлагаютъ шествовать съ полкомъ до Симферополя, чему я безконечно радъ: однообразныя степи сѣвернаго Крыма я скоротаю въ военной семьѣ, при звукахъ казацкихъ пѣсенъ.

Это напомнитъ мнѣ многое: мое дѣтство (я родился, такъ сказать, при звукѣ барабана), мои годы офицерства.

И новыя чувства закопошатся въ моей душѣ.

Чѣмъ эти чувства разнообразнѣй, тѣмъ и мнѣ веселѣй жить, и вамъ интереснѣй меня читать.

Такъ, или нѣтъ, читатель?

XV.

Я абсолютный профанъ въ лошадяхъ. Что-же до скачекъ, то даже парижскій Grand-Prix и англійскій Езопъ не могли разжечь во мнѣ скаковой страсти. Я на скачкахъ скучаю и вспоминаю разговоръ двухъ лицъ, изъ коихъ одно спрашиваетъ другое!

„Кто по вашему умнѣй—лошади, или люди?“

— По моему — лошади, потому, когда мы бѣгаемъ (дѣло было во время увлеченія людскими бѣгами), лошади не идутъ смотрѣть на насъ, когда-же они бѣгаютъ, мы идемъ.

Поэтому, когда передъ нами стали выводить скаковую конюшню Фальцъ-Фейновъ, я только записывалъ имена лошадей и прислушивался къ тому, что говорили люди болѣе компетентные.

„Магарбалъ—лучшая лошадь конюшни, чистокровный англійскій жеребецъ, взялъ въ Одессѣ и Симферополѣ тысячъ на пять призовъ“...

Славный конь!

„Марцеллъ, Ганнибалъ, Хлодвигъ, Сципіонъ, Эврика, Иматра, Монитоба, Софонизба, Лукреція, Асканія, Гекуба, Веспасіанъ,“ и проч. и проч.

Все это чистокровные англичане. Цѣлое состояніе въ лошадяхъ....

„Лошадь съ двухъ лѣтъ готова къ скачкѣ. Ее тренируютъ; тренировка это, такъ сказать, гимнастика, которую дѣлаетъ лошадь, чтобы развились у нея мускулы и получился-бы требуемый вѣсъ“.

Заходитъ рѣчь о конокрадахъ.

— Наши табунщики всѣ сами конокрады, говоритъ мнѣ одинъ изъ Фальцъ-Фейновъ, иначе у насъ всѣхъ-бы лошадей разокрали. А то, коль у насъ украдутъ, наши тоже спуску не дадутъ. Да и всѣ уловки они своей братьи знаютъ. Напримѣръ, здѣсь краденую лошадь въ посѣвы прячутъ—свяжутъ и положатъ въ посѣвъ. Самъ чортъ ее тамъ не найдетъ.

Хоть любезные хозяева и не пускаютъ меня, я отправляюсь таки ночевать въ Перекопъ; хочется осмотрѣть городокъ, иначе завтра, рано утромъ, выступаю походомъ съ казаками, и Перекопомъ мы только пройдемъ.

Опять на дорогѣ. Воспоминаній цѣлый рой... Хорошія воспоминанія!—грѣшно было-бы помянуть зломъ милыхъ, радушныхъ хозяевъ.

Точно во снѣ мерещится мнѣ эта роскошь, эти три дня пиршествъ, танцевъ, катаній, эта жизнь во всю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я радъ, что въ этомъ круговоротѣ ничего не утрачено, ничего не забыто.

Перекопъ—дрянной городишка, ни чѣмъ не замѣчательный и ничѣмъ не интересный.

Чтобы совсѣмъ ужъ не обижать его молчаніемъ, скажу, по наслышкѣ отъ перекопцевъ, что подъ Перекопомъ имѣется каналъ, соединяющій Черное море съ Сивашомъ (соляное озеро), что между Армянскимъ Базаромъ, находящимся отъ Перекопа въ 4 верстахъ и считающимся перекопскимъ предмѣстьемъ, и самимъ Перекопомъ идетъ постоянная борьба за гегемонію. Дѣло въ томъ, что управа, смотря по выборамъ, является достояніемъ то Перекопа, то Армянскаго Базара. Съ управой перекочевываютъ изъ города въ городъ и сиротскій судъ, и другія городскія учрежденія, и когда управа достается Перекопу, — Армянскій Базаръ бываетъ обиженъ: и освѣщаютъ то его хуже, и не заботятся объ улучшеніи города, и наоборотъ, когда она въ Армянскомъ Базарѣ—онъ, въ свою очередь, мститъ Перекопу.

Перекопъ—уѣздный городъ; это, такъ сказать, ворота въ Крымъ. Населеніе состоитъ изъ русскихъ, евреевъ, армянъ,

татаръ, цыганъ. Разнообразіе типовъ и пестрота костюмовъ придаютъ ему извѣстный интересъ въ глазахъ туриста.

Вставъ съ позаранку, чтобы не пропустить моихъ казаковъ, я вышелъ ждать ихъ на дорогу. Многіе перекопцы тоже повставали и тоже шли встрѣчать гостей. Для Перекопа проходъ военныхъ—цѣлое событіе.

Вдали показалось облако пыли. Оно все росло и росло, и скоро въ этой пыли стали видны силуэты всадниковъ.

Казака надо видѣть на лошади. Любо взглянуть! Слегка нагнувшись впередъ, упершись въ стремена, онъ и конь—это нѣчто неразрывное. Гарцуетъ, какъ на картинкѣ, а хватитъ карьеромъ—летитъ, какъ птица.

„Востру саблю да добраго коня“ — больше казаку ничего не надо.

Я вижу въ немъ олицетвореніе русской силы, русской удали, русскаго молодечества и люблю его ужасно.

Окруженныя всадниками, ѣхали коляски. Въ колясках дамы.

Боже, что здѣсь творилось!

Вѣрные девизу, что „крѣпости берутся на ура“ — казаки показали себя истыми вояками.

И я держу пари, что не одно дамское сердечко забилось учащеннымъ боемъ.

Судите сами:

Солдатики, которымъ поднесли не одно ведро водки и для угощенія коихъ были зарѣзаны два быка и нѣсколько барановъ, рады были повеличать столь радушныхъ хозяевъ.

Чарочка моя серебрянная,
По краяшкамъ расписанная,
Кому чарку пить—
Тому здраву быть;
Пить чарку (имя),
Здравой быть (отчество).
А мы ей добраго здравья желаемъ,
Пьемъ, гуляемъ,
За ея дѣла

Прокричимъ ей
Ура! Ура! Ура!

И несется по степи трехъ-кратное „ура“, подхватываемое и нами всѣми.

Подвозятъ шампанское. Слѣдуютъ тосты. Провозглашается, между прочимъ, тостъ за прессу.

Воодушевленіе все растетъ и растетъ. Выпрягаютъ лошадей и дамъ мчатъ карьеромъ на собственныхъ плечахъ. Засимъ начинается „качанье“, безъ котораго обыкновенно не обходится ни одно военное торжество. Когда я былъ кадетомъ, бывало, качаемъ нелюбимое начальство—и вмѣсто того, чтобы принимать качаемаго на ладони, подставляемъ ему кулаки.

Сами оремъ „ура“, и сами кулаки подставляемъ.

Здѣсь, разумѣется, о кулакахъ и рѣчи быть не могло.

— Господа, пора въ путь! распорядилось начальство и стали пить „стремянную“.

Подлетѣлъ красавецъ сотникъ, бокалъ въ рукахъ, выпилъ его залпомъ, хватилъ бокалъ о стремя и полетѣлъ карьеромъ.

Дескать, что долго прощаться!—дальнія проводы, лишнія слезы; выпилъ, взглянулъ послѣдній разъ и жарь, что есть духу,—эдакъ легче...

«Провожать тебя я выйду,
Ты махнешь рукой»...

Полкъ выстроился по сотенно и двинулся въ путь.

„Поѣзжайте въ лазаретной линейкѣ“, настаиваютъ офицеры, которые, вѣроятно, принимаютъ мои двѣнадцать тысячъ верстъ пѣшкомъ за хвастовство. „Вамъ за нами не поспѣть“.

Но я упрямъ, какъ хохолъ, хочу испробовать свои силы, не соглашаюсь ѣхать. Сдаю въ линейку лишь мои вещи и маршъ.

Много я ходилъ, но при такой обстановкѣ хожу первый разъ.

Поютъ пѣсельники. Слышны команды. Поминутно обгоняютъ меня всадники, обдавая клубами пыли. Я то въ хвостѣ колонны, то шагаю рядомъ съ командиромъ.

Мы бесѣдуемъ, и дорога становится незамѣтной. Приходится идти скороходью, потому, хоть полкъ и идетъ шагомъ, но людской и лошадиный шагъ не одинаковъ.

Богъ его знаетъ, можетъ, я и скороходъ? Дѣлать изъ скороходства профессію для человѣка интеллигентнаго я считаю срамомъ, но быть скороходомъ-любителемъ совсѣмъ не стыдно.

Для разнообразія, нѣтъ—нѣтъ, да и отстанешь отъ начальства, чтобъ поговорить съ солдатиками. Ихъ мое пѣшее хожденіе ужасно удивляетъ.

„Нѣшто у васъ коня нэма?"

Кое-какъ столковываемся и принимаемся дружески бесѣдовать.

— Пѣшки мало замѣшки, шутятъ казаки, намъ коня сѣдлай, амуницію надѣвай, а вы самъ себѣ и сѣдокъ и конь.

Освѣдомляются, какъ объ нихъ заграницей понимаютъ. Говорю: боятся, называютъ „mangeurs de chandelles".

— Значитъ за звѣрей насъ считаютъ, коли думаютъ, что мы свѣчи ѣдимъ. И дѣйствительно, коли насъ разсвирѣпить — мы хуже звѣря становимся. Намъ жизнь тогда ни почемъ...

Мнѣ съ трудомъ вѣрится, чтобы въ этихъ добродушныхъ людяхъ—было-бы такъ много звѣрства. Конечно патріоты, да и подначальные, хорошо дисциплинированные люди.

Мѣстность еще пустыннѣй Новороссійскихъ степей. Даже поля рѣдки—все больше ковыль, откуда нѣтъ, нѣтъ да и вылетитъ испуганная сова.

На дорогѣ сидятъ татары. Сѣли въ тѣнь телѣги и закусываютъ. У молодого татарченка ногти намазаны хэнной, красильнымъ растеніемъ, которое сушатъ, трутъ въ порошокъ, дѣлаютъ изъ него родъ припарокъ и прикладываютъ ихъ на ногти, ладони — арабы, напримѣръ, красятъ хэнной ладони, арабскія женщины употребляютъ хэнну для окраски волосъ.

*

У сопутствовавшаго меня по Африкѣ негра постоянно желтѣли кончики ногтей, такъ что я сначала, было, думалъ, что онъ ихъ краситъ. Оказывается, что эта желтизна была у него природная. Отсюда какой-же является выводъ: сама-же природа учитъ насъ мазаться. Тоже самое, напримѣръ, съ подводомъ глазъ: у нѣкоторыхъ южанокъ отъ природы глаза словно подведены, а тѣ, кому это нравится и кому этого отъ природы не дано, подмазываютъ ихъ, на востокѣ. „коелемъ", у насъ—кому нужно, лучше меня знаетъ чѣмъ...

У экономіи Будановки водопой. Полкъ останавливается. Это даетъ мнѣ возможность взять нѣсколько очковъ впередъ.

Словомъ, я вхожу въ деревню Чигирь вмѣстѣ съ полкомъ, нимало не уставшій и блестяще опровергнувшій пословицу: „Пѣшій конному не товарищъ".

Невѣрящихъ мнѣ на слово прошу обратиться въ 7-й Донской казачій полкъ (стоитъ въ Николаевѣ).

Помѣщеніе мнѣ даютъ въ офицерскомъ собраніи, подъ которое отведена одна изъ хатъ.

Надъ собраньемъ вьется флагъ. Въ собраньи простой, но вкусный обѣдъ, который кажется мнѣ еще вкуснѣе послѣ 25 верстъ усиленнаго марша, да въ столь пріятной компаніи.

И я мысленно переношусь къ тѣмъ годамъ, когда я былъ самъ офицеромъ.

Много симпатичнаго въ этой средѣ!—товарищество, традиціи... Моей выносливостью, извѣстной аккуратностью и многимъ другимъ я обязанъ военной школѣ.

Чигирь населенъ на половину нѣмцами, принявшими русское подданство, на половину татарами. Есть и молокане, религіозная секта, отличающаяся отъ лютеранства, по словамъ моего хозяина, главнымъ образомъ, тѣмъ, что молокане не ѣдятъ свинины и причащаются „nur Geistlich", т. е. только духовно, а не оплаткой и виномъ, какъ это дѣлаютъ лютеране.

Земля въ Чигирѣ взята поселянами на скопщину—они отдаютъ пятую часть сборовъ владѣльцу этой земли. Потому-то они такъ и бѣдны.

„Съ татарами живемъ хорошо, только въ долгъ имъ давать нельзя—не отдаютъ“.

Французы говорятъ: „Qui paye ses dettes s'enrichit“. Часто бываетъ наоборотъ.

Иду въ казацкій бивуакъ. Въ два ряда протянуты веревки—коновязь. Конямъ на ноги надѣты „треноги“, — если конь сорвется съ коновязи, чтобы не убѣжалъ.

Люди спятъ на землѣ.

Стоятъ въ „козлахъ“ пики, ружья.

У солдатиковъ, поверхъ рубахъ, висятъ мѣшечки. То родительское благословеніе—зашитый въ ладонку образокъ. У кого въ ладонкѣ—земля, земля родной стороны.

Какъ все это трогательно! Сколько хорошаго въ этой сыновней любви, въ этой преданности своему Дону!

Казаки вездѣ держатся особнякомъ. Зато между собой — нѣтъ примѣрнѣй дружбы.

У каждой хатки по самоварчику и по группѣ офицеровъ.

„Михаилъ Александровичъ, чайку!“,—приглашаетъ одинъ.

— Михаилъ Александровичъ, милости просимъ къ намъ,— зоветъ другой.

Да-съ, господа, вотъ вамъ и степи!

XVI.

Былъ первый часъ ночи. Я вышелъ на улицу. Люди спали. Со всѣхъ концовъ деревни несся лошадиный храпъ, которому вторили собаки, лаявшія на разные голоса.

Чтобы не проспать, я легъ одѣтымъ. Солнце громаднымъ розовымъ фонаремъ подымалось съ горизонта. Точно молокомъ была залита нескошенная ковыльная степь.

Казаки вставали...

Я пошелъ авангардомъ. Пошелъ на прямикъ: высохшимъ соленымъ озеромъ. Легкій слой соли лежалъ поверхъ влажной трясины. Ноги вязли, но я выбрался благополучно. Кругомъ хутора, экономіи, селенья. Одно малороссійское—переселенцы Кіевской губ. Слѣдующее—нѣмцы. Прелюбопытно. Точно какая-то этнографическая выставка гигантскихъ размѣровъ. Вездѣ людъ сохранилъ свой языкъ, свои обычаи.

Такъ, малорусскіе хутора утопаютъ въ зелени. У нѣмцевъ, особенно у тѣхъ, что побогаче, чисто, кокетливо.

Бесѣдую, дорогой, съ казаками, эскортирующими обозъ.

— Ты женатъ?

„Женатъ".

— Дѣти есть?

„Какъ уходилъ—было трое, а теперь кто его знаетъ"...

— Можетъ, четверо, подшучиваю я.

„Нѣтъ", индифферентно отвѣчаетъ казакъ, „молодые приходили, говорили—и троихъ-то Богъ прибралъ".

— Что-же, развѣ тебѣ ихъ не жаль?

„Нѣтъ, не жаль. Вотъ батька померъ, того жаль, потому дѣти еще будутъ, а батьку другого не сдѣлаешь. На косу напоролся. Пожалковалъ, пожалковалъ, да не вернешь... Эхъ-ма!"

И, чтобы одолѣть кручину, казакъ стегнулъ лошадь и помчался карьеромъ по степи.

Вдали, слышу, онъ запѣлъ:

Платочекъ,
Цвѣточекъ,
Что такъ рано опалъ!..

—Грустно жить въ чужой сторонѣ, поддакнулъ его товарищъ, все думается, какъ дома, какъ хозяйство... Другой разъ такъ грустно, ажъ пятки деретъ...

Степь становится интереснѣй, разнообразнѣй. Селенія чаще.

Джанъ-Сакалъ-Мангутъ. Молоканская деревня. Какое-то необыкновенное оживленіе, праздничный видъ. Дѣвки при полномъ парадѣ. Все идетъ къ крайней избѣ, гдѣ столы накрыты, на столахъ водка, хлѣбъ, огурцы. Тьма народу. Я сначала, было, думалъ, свадьба. Оказывается, казаковъ ждутъ.

Военнымъ всюду честь, а за ихъ спиной и я почетнымъ гостемъ схожу.

Пили, братались. Пѣсни пѣли. Молоканскія пѣсни все на священные сюжеты.

Напримѣръ:

Свѣтъ Михайло, свѣтъ Архангелъ,
Свѣтъ Небесный всѣ его.
Боже мой, Боже мой,
Свѣтъ Небесный всѣ его.
Взялъ орла и крыла
И премудрыя дѣла.
Боже мой, Боже мой,
Свѣтъ небесный всѣ его.
Премудрости совершилъ,
Къ своимъ вѣрнымъ поспѣшилъ.
Боже мой и т. д.
А вѣрные оглянулись
И сердцами встрепенулись.
Боже мой и т. д.
Катитъ къ вѣрнымъ во соборъ:
Спаряжать свой золотой престолъ.
Аминь.

Или:

Хорошъ Сіонъ городокъ:
Онъ на мѣстѣ полевой,
Онъ изъ камня дорогой,
Изъ бисера золотой.
Да какъ намъ въ него войдтить—
Надо себя очистить.
А какъ мы въ него войдемъ,
Вѣрнѣе себя не найдемъ... и т. д.

Пѣснями этими величали молоканскія дѣвушки казаковъ. Напѣвъ пѣсенъ полуплясовой, во всякомъ случаѣ въ мотивѣ нѣтъ ничего духовнаго, торжественнаго.

Странная секта! Русскіе люди—и по разговору, и по костюму, и по облику, и по хлѣбосольству, и вдругъ исповѣдуютъ религію весьма сходную съ сектантами, которыхъ встрѣчаешь въ протестантскихъ государствахъ, главнымъ образомъ, въ Англіи.

— Мы духовные христіане. У насъ нѣтъ иконъ, наши священнослужители выбираются изъ людей примѣрной жизни, они за требы денегъ не берутъ, какъ Христосъ, объясняетъ мнѣ почтенный старичекъ, подчуя меня водкой.

Въ сосѣдней деревнѣ, тамъ опять другая секта: менониты—тѣ не курятъ, не танцуютъ, имъ стрѣлять запрещено. По другимъ деревнямъ той-же волости живутъ баптисты, что крестятся по образу Христа, на 33-мъ году жизни.

Словомъ, Крымъ положительно этнографическая выставка и убѣжище всевозможныхъ сектантовъ.

Новое поле наблюденій. Тѣмъ интереснѣй путешествовать...

Проходимъ нѣмецкой деревней Таборъ.

Вдали видны мельницы. То Джурчи, селеніе, гдѣ мы сдѣлаемъ дневку.

„Сомкнись на лѣво! Маршъ! Пѣсельники впередъ!“.

И мы съ пѣснями въѣзжаемъ въ Джурчи.

Въ офицерскомъ собраніи, гдѣ насъ уже ждетъ обѣдъ, ко мнѣ невозможно льнетъ поѣхавшій провожать гг. офицеровъ

главный распорядитель встрѣчи въ Джанъ-Сакалъ-Мангутъ, пресимпатичный молоканецъ.

Ему, оказывается, сказали, что я литераторъ.

Онъ меня и цѣлуетъ-то, и руки мнѣ жметъ.

— Ты, пожалуйста, прикрась, не опаскудь ты нашу деревню...

Обѣщалъ не опаскудить.

XVII.

Джурчи — эстонская деревня. Люди живутъ чисто, зажиточно.

Мы цѣлый день винтимъ. Вечеромъ, за бутылкой вина, идетъ товарищеская бесѣда. Поются пѣсни. Молодежь немного загуляла. Весело!

Тѣмъ временемъ на дворѣ укладывалась походная кухня, заколачивались ящики съ бутылками, посудой. Офицерская столовая, отправляющаяся, обыкновенно, впередъ, готовилась къ отъѣзду.

Я остался полнымъ хозяиномъ въ опустѣвшемъ помѣщенiи и, свернувшись клубкомъ, прикурнулъ на диванѣ.

Рано утромъ въ походъ. Полкъ сѣдлалъ лошадей и собирался выступать. Еще нѣсколько минутъ, и у меня за спиной поднялось облако пыли и неслась лихая казацкая пѣснь.

Мѣстность становится волнистѣй. Вдали смутно очерчены горы. Голь рѣже, потянулись поля. Гдѣ сжато, гдѣ дожинаютъ, а гдѣ завтра будутъ жать.

Переходъ въ 24 версты дѣлаю въ три часа съ четвертью, т. е. дохожу до виртуозности почти 8-ми верстъ въ часъ.

Почтовая станцiя. Близъ станцiи четыре кабака. Громадный колодецъ, надъ которымъ, на четырехъ, сложенныхъ изъ камня, столбахъ, виситъ клѣткообразная вертушка. Вертушку эту вертитъ привязанная на веревкѣ кляча, доставая, такимъ образомъ, воду изъ колодца.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги стоитъ „экономiя“. Живетъ помѣщикъ.

„Непремѣнно познакомьтесь съ нимъ“, совѣтуютъ мнѣ, „второй Плюшкинъ“. Помѣщикъ оказывается человѣкомъ развитымъ, начитаннымъ, бывавшимъ заграницей, но скупымъ и подозрительнымъ до болѣзненности.

Я кажусь ему подозрительной личностью. Въ моемъ пѣшемъ хожденіи онъ видитъ желаніе сблизиться съ народомъ... Я „ушелъ въ народъ“, и это его пугаетъ.

Чтобы не пугать черезчуръ мнительнаго старика, я встаю чуть свѣтъ и драла изъ Плюшкинской усадьбы.

Не одному Плюшкину я кажусь подозрительнымъ; солдатики тоже „сумлѣваются“...

„Вамъ, вѣрно, нигдѣ жить нельзя? Вы, вѣрно, по волчьему виду ходите?“ допрашиваютъ они меня.

Зато гг. офицеры и командующій полкомъ до того балуютъ меня, что съ ними я, какъ у Христа за пазухой.

Вотъ кой-какія свѣдѣнія о Донскихъ казакахъ:

Вопросъ о происхожденіи Донского казачества остается до сихъ поръ необъясненнымъ. Эверсъ и Болтинъ производятъ ихъ отъ черкесовъ. Карамзинъ — отъ смѣси европейцевъ съ азіатцами. Соловьевъ называетъ ихъ выходцами изъ предѣловъ московскаго государства. Погодинъ—отъ турокъ, татаръ и славянъ. Броненскій не сомнѣвается въ ихъ русскомъ происхожденіи. Сухоруковъ говоритъ, что казаки — пришельцы разныхъ земель.

Свѣдѣнія эти я почерпаю изъ труда А. Пивоварова, собравшаго пѣсни Донскихъ казаковъ и издавшаго ихъ тремя томами.

Въ предисловіи къ первому тому говорится:

„Въ XVI вѣкѣ волею, неволею на тихомъ Дону появились люди отважные, смѣлые, рѣшительные „либо въ стремя ногой, либо въ пень головой!“ Они вышли на „всю свою волю“. Свободное проявленіе этой воли каждаго изъ нихъ выразилось въ устройствѣ ихъ „круга“, гдѣ казакъ открыто подавалъ свой голосъ, заявлялъ свое мнѣніе. Принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ своихъ, каждый казакъ естественно былъ хорошо зна-

комъ со всѣми событіями своей родины. Вотъ почему пѣсни Донскихъ казаковъ, особенно военныя и историческія, носятъ на себѣ отпечатокъ точности и обстоятельности."

А вотъ интересная казачья пѣснь: о происхожденіи Донского казачества.

Молодая удова (вдова)
Да два сына родила
Иванушку и Василья,
Въ Китаичку повила
Да на тихій Донъ снесла.
«Ой, батюшка, ты, тихій Донъ!
Принимай моихъ сыновъ!»
Девять лѣтъ я по воду не шла,
На десятомъ лишь пошла;
Стала вдова воду брать—
Сталъ корабликъ подплывать.
Какъ и въ томъ-то кораблѣ
Да два братца сидятъ,
Два родные,—два Донскіе казака.
Большій сидитъ на носу,
А меньшій сидитъ на кормѣ
И они промежъ собою говорятъ:
«Удовушка, удова!
«Да два сына родила
«Иванушку, Василья.
«И сумѣла народить—
«Не сумѣла воскормить.
«Богъ насъ воскормилъ,
«Возлелѣяла чужая сторона».

XVIII.

Я все ругаю степь, а мнѣ все говорятъ:

„Кто привыкъ къ степи, тотъ безъ нея жить не можетъ. Вы попали въ нашу степь въ плохую пору, вамъ-бы весной на нее взглянуть—это сплошной коверъ цвѣтовъ... Ботаники насчитываютъ здѣсь до 900 видовъ растеній“.

Близъ Айбаръ правительство рыло артезіанскій колодецъ. Водный вопросъ въ степи является вопросомъ первой важности. Какъ жить безъ воды! На рытье колодца было убито около десяти лѣтъ времени и до 200 тысячъ денегъ, вырыли его свыше полъ-версты глубиной, а до артезіанской воды все таки не докопались. Это сильно охладило къ рытью подобныхъ колодцевъ жителей степей, и потому здѣсь часто ощущается недостатокъ въ водѣ.

Монотонность переходовъ вознаграждается этнографическимъ разнообразіемъ почевокъ.

Джума-Абламъ—нѣмецкая деревня. Деревня зажиточная.

Мой хозяинъ—простой колонистъ, а живетъ куда чище и комфортабельнѣй степнаго Плюшкина. Просторныя комнаты. Въ той, куда меня помѣстили,—большая кроват подъ ситцевымъ пологомъ, диванъ, коммодъ, покрытый клеенкой столъ, швейная машинка. По стѣнамъ—фотографіи, полочки съ посудой и разными бездѣлушками. Виситъ скрипка. Масса изреченій, вышитыхъ по канвѣ и вставленныхъ въ рамки. Изреченія эти вы найдете въ Германіи, Австріи и Швейцаріи во всѣхъ домахъ и даже на домахъ, въ видѣ вывѣсокъ.

Напримѣръ:

Häuslische Tugenden.
Des Hauses Zier ist Reinlichkeit,
Des Hauses Ehr Gastfreundlichkeit,
Des Hauses Segen Frömmigkeit,
Des Hauses Glück Zufriedenheit.

Переводъ:

Домашнія добродѣтели.
Домашнее украшеніе—чистота,
Домашняя честь—гостепріимство,
Домашнее благословеніе—благочестіе,
Домашнее счастье—довольство.

Или:

„Alle Eure Sorge werfet auf den Herrn; Er sorget für Euch“.

Переводъ: „Уповайте на Господа, Онъ печется о васъ“.

Я не особенно симпатизирую нѣмцамъ, но не могу не констатировать, что, въ смыслѣ образованія массы, послѣ Швейцаріи, являющейся въ этомъ отношеніи страной исключительной, Германія стоитъ выше всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ.

Иду холодкомъ и запаздываю на дорогѣ. Тишина нѣмая. Степь безлюдна и безмолвна. На дорогѣ ни души. Иду часъ, иду два, иду три—и все ни жилья, ни станціи. Ночь безъ луны. Звѣзды горятъ тускло. Ужъ я перебралъ мысленно всѣ главнѣйшіе эпизоды моей жизни,—и все та-же дорога, и ничего вдали. Физически я не усталъ, не смотря на сдѣланныя 40 слишкомъ верстъ, но мысленно я томлюсь. Томлюсь одиночествомъ, томлюсь отсутствіемъ воспоминаній, впечатлѣній и занимаю механически безпокойную мысль. Такъ не разъ приходилось мнѣ занимать ее: при зубной боли, чтобы отвлечь вниманіе отъ больнаго зуба, въ морскихъ путешествіяхъ, чтобы не думать о морской болѣзни. Способъ простой. Начинаю считать: разъ, два, три... Насчиталъ десятокъ—загибаю па-

лецъ правой руки. Какъ досчиталъ до сотни—отмѣчаю ее лѣвой рукой. И такъ, насчитывая тысячу за тысячей, я коротаю время и не позволяю скукѣ портить мнѣ настроенія и парализировать мою волю.

Но и считать надоѣстъ. Усталъ, спать хочется. Зарываюсь въ копну и скоро засыпаю.

Холодъ ночи заставляетъ меня вскочить. Опять иду, вѣрнѣй, плетусь. Вдали залаяли собаки—значитъ жилье близко.

Почтовая станція. Горитъ свѣтъ. Собаки лаютъ что есть мочи. Выходитъ человѣкъ, подозрительно оглядываетъ меня, но, въ концѣ концовъ, соглашается пустить переночевать. И, примостясь на диванѣ, надъ которымъ виситъ поясной портретъ Александра III, я засыпаю.

Les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas.

Слѣдующая деревня—русская. Дальше—русско-болгаро-татарская. Точно я въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты попалъ.

Душа тѣшится при видѣ зелени! Софіевка вся въ садахъ. Иду тѣнью пирамидальныхъ тополей. Въ Сарабузѣ тоже тѣни много. Надъ приземистыми мазонками торчитъ характерный минаретъ татарской мечети. Цѣлыя плантаціи подсолнечниковъ. Баштаны, огороды, сады.

Горы все ближе и ближе, чудной молочной тѣни.

Въ мѣстной корчмѣ пробую татарскій напитокъ, максму (по русски—буза); приготовляется онъ изъ проса и, по вкусу, нѣсколько походитъ на нашъ квасъ.

До Симферополя всего двѣнадцать верстъ.

XIX.

Въ Сарабузѣ разстаюсь съ казаками: имъ маршрутомъ здѣсь предписана дневка, я же спѣшу въ Симферополь. Прощальный обѣдъ происходитъ на открытомъ воздухѣ, въ тѣнистомъ саду Сарабузскаго училища; здѣсь когда-то помѣщалось „медресе", татарская духовная семинарія. Прелестный уголокъ! Вотъ гдѣ жить на дачѣ! Вообще, подъ Симферополемъ масса садовъ. Конецъ этой монотонной, голой степи.

Командующій полкомъ и гг. офицеры вносятъ въ мою путевую тетрадь слѣдующія строки: „Съ 7 по 12 іюля (съ Перекопа до Сарабуза) Михаилъ Александровичъ Берновъ шелъ съ 7 Донскимъ казачьимъ полкомъ и на всѣ просьбы, сѣсть въ лазаретную линейку, отказался. Въ чемъ удостовѣряемъ подписью". Подписи и слѣдующій P. S.: „Просимъ милѣйшаго Михаила Александровича не поминать насъ лихомъ".

Прощанье самое сердечное, взаимныя пожеланья... и въ путь.

Симферополь виденъ вдали. Лѣвѣй Чатырдагъ и цѣпь крымскихъ горъ, столь рельефно обрисованныхъ, точно онѣ вотъ тутъ, сейчасъ, между тѣмъ до Чатырдага верстъ 50. Рукой подать до полотна желѣзной дороги, идущей изъ Лозовой въ Севастополь. Кругомъ холмы, утопающія въ садахъ строенія. Солнце печетъ во всю.

Моя котомка, послѣ шестидневнаго путешествія въ лазаретной линейкѣ, словно потяжелѣла,—ужасно рѣжетъ плечи; придется въ Симферополѣ выкинуть часть балласта.

Вотъ и Симферополь. Минуя вокзалъ, прохожу мимо тюрьмы, и я въ центрѣ города, у собора, противъ котораго, въ формѣ

обелиска, стоитъ памятникъ князю Долгорукову-Крымскому, завладѣвшему въ 1771 г. Крымскимъ полуостровомъ.

Останавливаюсь въ Петербургской гостинницѣ, одной изъ лучшихъ, очень удобной и недорогой.

Вся прислуга, какъ и самый содержатель, татаре.

Но крымскіе татаре мало похожи на татаръ, напримѣръ, казанскихъ, или самарскихъ. Ни монгольскаго разрѣза глазъ, ни выдающихся скулъ — иныя лица просто поражаютъ васъ своей красотой, и рѣдкое лицо не дышетъ добродушіемъ. Симпатичны мнѣ они своей скромностью и услужливостью.

Первое впечатлѣніе отъ Симферополя самое благопріятное. Чистенькій, оживленный городокъ.

Забредаю въ городской садъ—прелестная прогулка! Онъ особенно долженъ нравиться воркующимъ голубкамъ, ибо такъ устроенъ, что голубкамъ есть тутъ гдѣ укрыться. Масса укромныхъ уголковъ, масса тѣни и полумрака. Что-жъ, кто Богу не грѣшенъ и Царю не виноватъ... Дѣло житейское...

Прелестенъ памятникъ Екатеринѣ Великой, безспорно самый красивый изъ всѣхъ Екатериненскихъ памятниковъ. Обошелся онъ въ 90 тыс. руб. и сдѣланъ профессоромъ Лаврецкимъ. Императрица изображена во весь ростъ, въ мантіи. Она держитъ въ рукѣ скипетръ и карту Крыма. На лицевой сторонѣ имѣется надпись: „Екатеринѣ II въ царствованіе Императора Александра III“. Подъ этой надписью, во весь-же ростъ, фигуры Потемкина и Долгорукова. На боковыхъ сторонахъ пьедестала—бюсты Суворова и Булгакова, сзади—барельефъ и надпись: „Въ память столѣтія присоединенія Крыма (1783—1883) Таврическое Дворянство при участіи всея Россіи“.

Какимъ чуднымъ украшеніемъ города является такой памятникъ и какъ желательно, хотя бы въ этомъ смыслѣ, чтобы Россія не скупилась на памятники!

Гдѣ памятникъ—тамъ скверъ, гдѣ скверъ—тамъ люди сходятся и, глядя на памятникъ, все кой-чему да научатся.

Да и, повторяю, краса города. Меньше всего эти памятники нужны тѣмъ, кому они воздвигаются.

Иду взглянуть на небольшой музей, находящійся въ симферопольской губернской земской управѣ. Посылаютъ за завѣдывающимъ музеемъ, А. О. Кашпаръ. Этотъ симпатичный чехъ вводитъ меня въ небольшую комнату, заваленную всякой всячиной.

— Это еще не музей, это только складъ. Мы ждемъ помѣщенія...

Многое здѣсь въ высшей степени интересно. Напримѣръ, рѣдко гдѣ встрѣтишь такую богатѣйшую коллекцію бусъ.

— Все это добыто въ раскопкахъ Неополиса, изъ скиѳскихъ могилъ, которыхъ въ Симферополѣ масса. Многія вещи настолько изящны, что, очевидно, носятъ слѣды греческаго вліянія. Мы относимъ всѣ эти вещи, по крайней мѣрѣ, къ III столѣтію до Р. Х. Приходилось находить могилы каменнаго періода. Въ самыхъ старинныхъ скиѳскихъ могилахъ, кромѣ окрашенныхъ въ красную краску скелетовъ и комка краски, которая вкладывалась усопшему въ руку,—ничего. Эта окраска костей является загадкой для антропологовъ—наука не дала по этому поводу никакихъ положительныхъ объясненій. Иногда весь низъ могилы усыпанъ толстымъ слоемъ сурика; ученые предполагаютъ, что сурикъ этотъ, послѣ разложенія трупа, окрасилъ кости. Это предположеніе имѣетъ тѣмъ болѣе основанія, что иногда скелеты окрашены лишь частями; такъ, низъ одинъ, верхъ-же нѣтъ. Другіе ученые опять думаютъ, что трупъ натирался краской. Все это однѣ гипотезы; вопросъ, какъ былъ, такъ и по сейчасъ остался не разрѣшеннымъ. Въ могилахъ болѣе позднихъ эпохъ мы находимъ копья. И, наконецъ, въ еще позднѣйшихъ—цѣлое хозяйство. Въ богатыхъ могилахъ—непремѣнно амфоры; чѣмъ такихъ амфоръ больше, тѣмъ могила богаче. Въ амфоры сыпалось зерно и наливалось вино. Вотъ въ высшей степени интересный экземпляръ: блюдечко, кость и горшечекъ. Вещи эти лежатъ въ томъ видѣ, какъ ихъ достали

изъ могилы и свидѣтельствуютъ о томъ, что съ покойниками зарывались съѣстные припасы, между прочимъ мясо, отъ котораго и осталась эта кость. Непремѣнно въ каждой могилѣ находимъ по ножику, по колокольчику, по оселку. Гдѣ оселки эти простые, гдѣ оправлены въ золото, чудной филигранной работы. Вотъ цѣлая коллекція колецъ, браслетовъ, ключей, различныхъ фигурокъ, фибуль (пряжекъ для застегиванія на плечѣ одежды), дивной эмальной работы, горшечковъ, стеклянныхъ флакончиковъ, монетъ, бусъ. Среди бусъ преобладаютъ стеклянныя, часто въ высшей степени изящныя. Посмотрите, напримѣръ, эти маленькія позолоченныя бусенки, теперь лучше не сдѣлаютъ. А вотъ бусы изъ янтаря, агата, лигнита, египетской массы (родъ гипса), кости, перламутра, мѣла, глины, кальцедона...“

Въ Симферополѣ, какъ въ Херсонѣ, приходится слышать жалобы на равнодушіе публики.

— У насъ, въ Россіи, спроса нѣтъ на такія удовольствія, какъ музеи...

Согласенъ. Но спросъ этотъ слѣдуетъ стараться воспитать, и о воспитаньи художественныхъ вкусовъ въ народѣ заграницей заботится какъ правительство, такъ и частныя общества. Напримѣръ, въ Швейцаріи правительство ассигнуетъ суммы на устройство безплатныхъ чтеній какъ по спеціальнымъ вопросамъ, такъ и по вопросамъ общеобразовательнымъ. Франція субсидируетъ театры, музеи.

Во всякомъ случаѣ, починъ симферопольской губернской земской управы заслуживаетъ полнаго одобренія.

Въ каждомъ городѣ слѣдовало-бы имѣть по музею мѣстныхъ промысловъ, мѣстной археологіи, зоологіи, ботаники, этнографіи и мѣстныхъ искусствъ. Школу, церковь, библіотеку, музей и театръ.

---

*

XX.

Симферополь (по-гречески „симферо“ — собираю, и „полисъ“—городъ) населенъ всевозможными народами: русскими, евреями, татарами, туркменами, цыганами, караимами, греками... Рядомъ съ благоустроенными европейскими кварталами, имѣются кварталы, гдѣ буквально забываешь, что находишься въ Европѣ. Такимъ кварталомъ является, напримѣръ, такъ называемая Цыганская слободка. Рекомендую всякому, посѣщающему Симферополь, побывать въ этой слободкѣ, и не только побывать, а забраться туда на цѣлый день. Это—въ высшей степени интересное этнографическое зрѣлище, и я удивляюсь, какъ въ такомъ городѣ, какъ Симферополь, могъ уцѣлѣть этотъ нетронутый уголокъ азіатчины, или африканщины. Мнѣ казалось, что я брожу по алжирской Казбѣ, или по нижнему городу Константины. Тамъ—арабы, кабилы, мавры, негры и алжирскіе евреи, здѣсь—туркмены, татаре, крымчаки (крымскіе евреи) и цыгане.

Попалъ я въ Цыганскую слободку случайно. Пошелъ въ Воронцовскій садъ и, на обратномъ пути, наткнулся на это интересное зрѣлище.

Но будемъ послѣдовательны.

Пройдя тѣнистыми аллеями городского сада, я вышелъ на бережокъ симферопольской рѣчки Салгиръ. Ну ужъ и рѣчка, одна слава что рѣка,—какая-то канавка. Вообще, отсутствіе порядочной рѣки—больное мѣсто Симферополя.

Въ путеводителѣ Москвича говорится: „Что касается Карменчика (древняго Неаполиса), то на его мѣстонахожденіе указываютъ каменныя глыбы, при выѣздѣ изъ города въ подго-

роднюю слободу Петровское. Здѣсь, на мѣстѣ пивовареннаго завода, былъ нѣкогда роскошный дворецъ Кагли-Султана, ближайшаго родственника и представителя султана въ ханствѣ. Отъ дворца остался фонтанъ, который и теперь даетъ въ изобиліи воду всему городу, а недалеко отъ фонтана, на берегахъ Салгира, остался отъ садовъ рядъ вѣковыхъ деревьевъ.“

Вотъ этотъ фонтанъ, вотъ вѣковые тополи... Мимо проходитъ ялтинская дорога и, лѣвѣй, красуется вывѣска товарищества Эйнемъ. Иду осмотрѣть фабрику. Показываетъ мнѣ ее представитель товарищества В. Ю. Гейсъ, дающій мнѣ слѣдующія объясненія о производствѣ:

— Здѣсь у насъ заготовляются обсахаренные фрукты (fruits confits), компоты, пюре, фруктовые консервы, варенья, а также консервы изъ томатовъ.

— Все это варится на парѣ, ибо на огнѣ варенье подгораетъ, между тѣмъ какъ паръ даетъ равномѣрную теплоту. Наши паровики, въ 90 силъ каждый, работаютъ на 120 футовъ давленія и даютъ температуру приблизительно въ 150°. Паръ этотъ идетъ по трубамъ по всей фабрики, проходя подъ рядами мѣдныхъ тазовъ.

— Вотъ шкафъ для стерилизаціи, по системѣ Пастера, фруктовъ, идущихъ на консервы. Фрукты, въ банкахъ, ставятся въ этотъ шкапъ, гдѣ въ нихъ, температурой въ 90°, убиваются разные грибки и микробы... Предварительно всѣ вообще фрукты, съ цѣлью дезинфекціи, въ особой, приспособленной для этой цѣли, комнатѣ, окуриваются сѣрой.

Рядомъ съ фабрикой Эйнемъ, нѣсколько шаговъ дальше, находится фабрика братьевъ Абрикосовыхъ. Это, безспорно, одна изъ солиднѣйшихъ русскихъ кондитерскихъ фирмъ. Тоже производство, что и у Эйнема, но въ большихъ размѣрахъ. Такъ, Симферопольское отдѣленіе фабрики Абрикосовыхъ высылаетъ ежегодно въ Петербургъ, Москву, Одессу и другіе города Россійской Имперіи тысячъ на 600—700 товару. Напримѣръ, покупается въ лѣто абрикосовъ тысячъ 8—9 пудовъ (по 7 р. пудъ=56—63 тысячамъ рублей), черешенъ тысячъ

5 пудовъ. Количество покупаемыхъ фруктовъ и ягодъ варьируется въ зависимости отъ цѣнъ. Въ этомъ году урожай плохой и цѣны высокія. Во всякомъ случаѣ, выгоднѣй заготовлять товаръ въ Крыму и посылать его уже готовымъ въ магазины, ибо и фрукты здѣсь дешевле, да и пересылка ихъ въ сыромъ видѣ затруднительна и обходится дорого.

У Абрикосова работаютъ 300 дѣвицъ, которыхъ, вѣроятно, чтобы онѣ не поѣдали сладостей, заставляютъ пѣть божественныя пѣсни.

Но что непріятно здѣсь—это пчелы. Безчисленное ихъ тутъ множество и, надо полагать, не одинъ симферопольскій улей живетъ на счетъ абрикосовскихъ вареній.

Идя Петровской слободкой, натыкаюсь на слѣдующую вывѣску: нарисованы два громадныхъ листа и надъ ними: „Сей Напитокъ неуведетъ въ большой убытокъ сегодня за деньги завтра въ Долгъ".

Изъ другаго кабачка несется какая-то восточная музыка, точь въ точь мотивъ алжирскихъ мавританскихъ кофеенъ.

Вхожу. Татарскій оркестръ: три скрипки, корнетъ-а-пистонъ, двѣ какихъ-то дудки, вродѣ гобоевъ, и громадный бубенъ. Вся сила въ этомъ бубнѣ. „Трамъ-тамъ-тамъ, трамъ-тамъ-тамъ", меланхолически-мѣрно ударяетъ въ него татаринъ, между тѣмъ, какъ дудки тянутъ заунывную, однообразную мелодію, а корнетъ и скрипки жарятъ аккомпаниментъ. Два пьяныхъ татарина пробуютъ танцовать, но ноги не держатъ ихъ, и они только руками поводятъ въ тактъ музыкѣ.

Ялтинская дорога проходитъ мимо Воронцовскаго сада. Прекрасный садъ, много тѣни, изобиліе фруктовъ, питомники, цвѣтники... Стоитъ въ саду пустой домъ, нѣкогда бывшій хорошенькой виллой. Грозди лиловой акаціи и другихъ ползучихъ растеній кое-какъ скрашиваютъ его наготу. Близъ дома, стиля татарской мечети, княжеская кухня: та уже въ абсолютномъ запустѣніи. Грустно смотрѣть на эти руины.

„Онъ (т. е. свѣтлѣйшій князь Воронцовъ), бывшій любитель татаръ (т. е. любилъ татаръ)", поясняетъ мнѣ стари-

чекъ садовникъ, „вотъ онъ и выстроилъ себѣ кухню по татарски... словно мечеть ихняя... Говорятъ, имѣніе это перешло въ казну...“

Сорокъ десятинъ сада, и весь садъ въ плодовыхъ деревьяхъ, цвѣтникахъ, огородахъ и разсадѣ.

„Сюда пріѣзжаютъ покупать разныя деревья, кусточки, цвѣты...“

При мнѣ поливали садъ. Надо видѣть, что это за работа. По саду идетъ рядъ канавокъ; вода доставляется рѣчкой. Въ этихъ канавкахъ прорываются поперечные выходы, вода запруживается мѣшкомъ изъ рогожи, который тянетъ на веревкѣ тотъ, что поливаетъ садъ; какъ набѣжитъ полная грядка воды, поперечный выходъ покрывается землей, мѣшокъ даетъ просторъ водѣ хлынуть до слѣдующей грядки, гдѣ опять прорывается выходъ, опять пускается струя воды и т. д. И эдакъ наводнить 40 десятинъ, да по нѣскольку разъ въ лѣто!

„Четвертый разъ за нонѣшнее лѣто поливаемъ“.

Только при такихъ ухищреніяхъ и можно здѣсь разводить сады. Мы, сѣверяне, никакого понятія о подобной поливкѣ не имѣемъ.

Изъ Воронцовскаго сада взбираюсь на высоты, откуда любуюсь дивнымъ видомъ на Симферополь и его окрестности.

Какъ краситъ городъ зелень! Безъ воды и зелени нѣтъ пейзажа. Прелестны красавцы тополи. Горы — голы, вродѣ Апенинъ. Я предпочитаю лѣсистыя, каковы, напримѣръ, Альпы, Юра, Шварцвальдъ. Долго жить въ горахъ и видѣть ихъ слишкомъ близко — тѣсно, но послѣ безконечной степи и издали—чрезвычайно пріятно.

Вотъ и цыганская слободка. Особый міръ. Типъ, темпераментъ, религія, степень развитія, все это, вмѣстѣ взятое, создало особую, своеобразно пріятную жизнь, которой живетъ Востокъ. Маленькіе, низенькіе домики, вся внутренняя роскошь коихъ состоитъ въ матрацахъ, подушкахъ, коврахъ и одѣялахъ. Чѣмъ человѣкъ богаче, тѣмъ дороже у него ковры; шелковыя подушки, шелковыя одѣяла. У бѣдняка—лохмотья.

Людъ высыпалъ на улицу, сидитъ у жилищъ. Кто насѣкомыхъ ищетъ, кто ужинъ готовитъ, кто, отдавшись восточной лѣни, флегматично куритъ. Курятъ и женщины, курятъ трубки съ длинными чубуками. Одѣты онѣ въ панталоны, въ цвѣтные казакины, волосы, выкрашенные хенной (по татарски „кна“), заплетены въ мелкія косички, на головѣ татарская шапочка, или феска съ цехинками. Смуглянки, глаза хороши; но въ общемъ типъ не удовлетворяетъ европейской эстетикѣ. Хорошо имъ живется: ничего онѣ не дѣлаютъ. Мужья за нихъ работаютъ, а онѣ, по выраженію татаръ, „домъ сидятъ, кушаютъ“, (удареніе на а).

— Онѣ у васъ не покрываются? спрашиваю я.

„Гости идетъ — закрывается, улица сидитъ — не закрывается.“

Подхожу къ группѣ женщинъ. Онѣ боязливо оглядываютъ меня. Вдругъ, старая, безобразная старуха, съ гноящимися глазами, приходитъ въ страшную ярость и замахиваясь на меня грязной туфлей, оретъ:

— Патретъ возьми, патретъ возьми.

Двѣ молодыя татарки вскакиваютъ и, съ легкостью ланей, исчезаютъ. Старухѣ мало туфли, она грозитъ мнѣ камнемъ, между тѣмъ, какъ вся прочая компанія, очевидно, раздѣляетъ гнѣвъ старухи.

Меня окружаетъ цѣлая ватага татарчатъ.

— Мине хорошъ патретъ, тыча себя пальцемъ въ носъ, говоритъ красивый, италіанскаго типа, оборванецъ — дэнги давай—патретъ скидай.

Очевидно, сюда не разъ заглядывали фотографы и художники.

Захожу въ небогатый татарскій домъ. Хозяйка, видя, что я все что-то записываю, претензіи не выражаетъ:

„Что-жъ, пишы, мине пишы, сынъ пишы“.,..

Она принимается успокаивать сына, которому это писаніе не нравится.

„Пускай пишетъ... мине Богъ сродилъ, его Богъ сродилъ... одинъ человѣкъ“.

Дѣти—очаровательны. Многіе—двѣ капли воды японскія куколки. Глаза, какъ угольки, волосы, тоже крашеные „кной“, падаютъ прядями на лобъ. Другіе такъ прямо нагишемъ и бѣгаютъ по улицѣ. Вотъ прошла мать и пронесла ребенка на кошелкахъ. При видѣ меня, она побѣжала, перекачиваясь съ ноги на ногу, какъ это дѣлаютъ бѣгуны-верблюды, или страусы.

Если-бы все записалъ, чего я насмотрѣлся за нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ цыганской слободкѣ, пришлось-бы цѣлую книгу писать.

Вотъ восточная кофейня. По стѣнамъ нары, куда посѣтители забираются съ ногами, скинувъ предварительно обувь. Кофе варится съ сахаромъ и гущей, безъ молока, и съ гущей-же и пьется.

Близъ кофейни мечеть. Минаретъ, откуда муэзинъ (родъ нашего дьякона) скликаетъ правовѣрныхъ на молитву. Внутри—ковры, свѣчи, лампы, лампады, въ нишѣ—Коранъ. Въ мечетяхъ, что я посѣщалъ въ Африкѣ, во дворѣ имѣлся водоемъ для совершенія требуемыхъ Кораномъ омовеній.

Магометъ былъ большимъ поборникомъ гигіены и, имѣя дѣло съ народомъ неряшливымъ, приспособилъ созданную имъ религію такъ, чтобы заставить магометанъ держать себя возможно чище. Такъ, чтобы у нихъ въ головѣ и другихъ мѣстахъ не заводились-бы насѣкомыя, онъ велѣлъ имъ бриться. Омовеніе и омовеніе самое обстоятельное имъ предписано передъ каждой молитвой. Даже такъ: чтобы арабъ пустыни, не всегда имѣющій возможность достать себѣ воды, не отвыкалъ-бы отъ привычки умываться, ему предписано брать горсть песка и дѣлать видъ, что онъ умывается. Въ видахъ той-же гигіены магометанамъ запрещена свинина и спиртуозные напитки.

Мнѣ пришлось проштудировать Коранъ отъ доски до доски во время моего посѣщенія арабовъ: чтобы понимать бытъ

мусульманина, необходимо познакомиться съ Кораномъ, который является одновременно и духовнымъ, и свѣтскимъ кодексомъ, руководящимъ его жизнью.

Заканчиваю день посѣщеніемъ жилища зажиточнаго татарина, садовладѣльца Абдурахмана Мемету. Знакомимся мы нимъ случайно: на одной изъ площадей цыганской слободки собрался народъ. На подушкахъ, поджавши подъ себя ноги, сидѣлъ Абдурахманъ Мемету и рядомъ съ нимъ—высокій, интеллигентный татаринъ, въ мерлушковой шапкѣ и опрятномъ черномъ халатѣ. Поминутно къ нему подходили люди, онъ подавалъ имъ руку и засимъ, на листѣ, гдѣ уже красовался рядъ подписей, писалъ ихъ фамиліи. Оказывается, татаре подавали губернатору прошеніе, и татаринъ-грамотей подписывался за неграмотныхъ. Когда нужное число подписей было собрано, Абдурахманъ Мемету любезно предложилъ мнѣ прокатиться и заѣхать къ нему: осмотрѣть его жилище и отвѣдать „чебурека“.

„Шашлыкъ и чебурекъ—два татарскихъ кушанья, которыми мы всегда подчуемъ нашихъ гостей“.

Пара сытыхъ крымскихъ лошадей съ быстротой молніи помчали насъ по угламъ и закоулкамъ цыганской слободки.

Жилище Абдурахмана Мемету состоитъ изъ трехъ комнатъ, небольшой веранды и „полосатника“ (полисадника).

Убранство комнатъ — восточное, хотя имѣется, для европейскихъ гостей, диванъ, нѣсколько стульевъ и столъ. Въ залѣ, по стѣнамъ, шелковыя подушки, на полу ковры, въ одномъ углу, въ бархатномъ, шитомъ золотомъ карманчикѣ, виситъ Коранъ, въ другомъ — богатая шуба. Въ столовой тѣ-же подушки и тѣ-же ковры, но побѣднѣй. Въ спальнѣ опять то-же самое; по верху идутъ полки и стоитъ оловянная посуда.

Подали чебурекъ, запеченные въ тѣстѣ кусочки молодой баранины. Вкусно. Принимаетъ участіе въ трапезѣ и тарарскій имамъ, онъ-же и соборный хатибъ, Сеидъ-Ибраимъ-Эффенди; онъ въ фескѣ и нарядной, шитой золотомъ, чалмѣ.

Послѣ ѣды, по магометанскому обычаю, татарка Фатма (не смѣшивать съ парижской премированной красавицей la belle Fatma) принесла „легенъ“ (тазъ), „куманъ“ (родъ лейки) и „юдбезъ“ (полотенце). Я умылся, сказалъ „савлыхленъ халнызъ“ (прощайте) и поѣхалъ въ Петербургскую гостинницу, чрезвычайно довольный проведеннымъ днемъ.

Въ ресторанѣ, слышу, сидятъ пріѣзжіе и ругаютъ Симферополь!

„Скучный городишка! Нечѣмъ развлечься“...

Кто чего ищетъ.

XXI.

Оказывается, азiатчина, которую я видѣлъ въ Симферопольской цыганской слободкѣ—крымскiе цыгане, съ нѣкоторой примѣсью туркменовъ, караимовъ и татаръ. Ихъ не разберешь, кто они, собственно, такiе. Назовешь цыганами—они обижаются, татарами назовешь — татары опять обижаются. Одинъ изъ нихъ, побогаче, увѣрялъ меня, что они туркмены, отличающiеся отъ татаръ тѣмъ, что „они чище татаръ". И тѣ, и другiе—грязны. Грязь у восточныхъ народовъ является однимъ изъ аксессуаровъ ихъ экзотичности. Хорошъ-бы былъ Каиръ, или Константинополь выметенный, вымытый съ педантичностью нѣмецкихъ городовъ!

Мнѣ какъ разъ идти въ Бахчисарай, а тутъ сильнѣйшiй ливень. Положимъ, это благодать и для полей, и для людей. Давненько не было дождя.

Переждавъ дождь, я отправляюсь на Севастопольскую заставу.

Прохожу базарной площадью, гдѣ дождь нѣсколько убавилъ оживленья. Былъ наканунѣ, въ базарный день — любопытное зрѣлище! Обитатели Востока—большiе любители базаровъ; базаръ это ихъ клубъ, и, напримѣръ, въ арабскихъ земляхъ, арабы за сотни верстъ стекаются въ дни базаровъ въ Бискру, Сиди Окба, или Тугуртъ, не столько для торгу, какъ, чтобы поглазѣть, поболтать. На этихъ базарахъ имѣются свои газеты; таковыми являются разные разсказчики сказокъ, новостей, пѣвцы легендъ и пѣсенъ. Я самъ никогда не пропускалъ ни одного базара.

Въ Симферополѣ базаръ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ рессурсомъ для обитателей цыганской слободки, изъ коихъ большинство чернорабочіе.

Происхожденіе крымскихъ цыганъ до сихъ поръ точно не опредѣлено. Есть основаніе думать, что они пришли въ Крымъ вмѣстѣ съ татарами. Въ служащемъ мнѣ гидомъ при посѣщеніи Бахчисарая отчетѣ второй учебной экскурсіи Симферопольской мужской гимназіи я нахожу слѣдующія интересныя свѣдѣнія о цыганахъ:

„Общая типичная черта цыганъ та, что, за 400 лѣтъ своего существованія въ Европѣ, они нигдѣ не успѣли ассимилироваться съ мѣстнымъ населеніемъ настолько, чтобы оно относилось къ нимъ съ уваженіемъ.

„Дѣти всегда наги. Чтобы новорожденный съ перваго-же дня рожденія вступалъ въ жизнь своего племени, каждая мать, какъ-бы холодно ни было, опускаетъ его въ яму съ холодной водой, послѣ чего заворачиваетъ въ тряпье и съ этихъ поръ носитъ его всюду съ собой, ничѣмъ не покрывая его головы. Если ребенокъ, прошедши такую школу, достигаетъ 10—11 лѣтъ, онъ уже закаленъ для жизни цыганской: взрослому ему нипочемъ будетъ голодъ и холодъ; у горящаго костра онъ про все забудетъ, станетъ даже пѣть, плясать и балагурить“.

А вотъ и точныя свѣдѣнія о симферопольскихъ цыганахъ, принадлежащихъ къ общей семьѣ крымскихъ цыганъ, которые дѣлятся, по роду своихъ занятій на четыре класса: аюджи т. е. вожаки медвѣдей (теперь они занимаются барышничествомъ лошадей), элечки—плетутъ корзины, рѣшета и т. п., курбеты—исключительно занимаются лошадьми и демерджи и халайджи т. е. кузнецы и лудильщики.

Крымскіе цыгане должны быть признаны народомъ полуосѣдлымъ.

Дорога въ Бахчисарай лавируетъ межъ холмовъ и горъ. Масса садовъ. Кой гдѣ рѣчки, но безъ воды—одни русла.

Вотъ кабачекъ „Пріятное свиданье“, какъ разъ на половинѣ дороги. Поэтичный уголокъ! Нѣсколько верстъ дальше опять кабачекъ „Веселая роща“. Тутъ же церковь, усадьба, селеніе.

Базарчукъ. Къ Бахчисараю мѣстность становится монотоннѣй: голые холмы, сжатыя поляны.

Отъ Симферополя до Бахчисарая 30 верстъ. Прекрасная шоссейная дорога, почти параллельно коей идетъ линія желѣзной дороги. Дѣлаю этотъ переходъ безъ отдыха. Послѣ дождя идется легко, да и воображеніе убаюкано разстилающимися картинами.

Подхожу къ Бахчисараю въ сумеркахъ. Дорога вдругъ круто поворачиваетъ на лѣво. Еще нѣсколько шаговъ и я у тріумфальной арки, въ которую въѣзжала Императрица Екатерина II. На аркѣ читаю: „мая 1787“.

Бахчисарай (по татарски „дворецъ садовъ“) расположенъ въ долинѣ рѣчки Чурукъ-су (гнилая вода). Хаосъ совершенно подобный тому, который царитъ въ этой бывшей столицѣ крымскаго ханства, царилъ въ моей головѣ при первыхъ моихъ шагахъ по Бахчисараю. Ночь и лунный свѣтъ, смягчивъ рѣзкость тѣней, укрывъ наготу грязи, много способствовали тому восторженному настроенію, которое я испытывалъ, глядя на Бахчисарай. Мнѣ казалось, что я разсматриваю какой-то колоссальный стереоскопъ. Словомъ, я чрезвычайно доволенъ, что не миновалъ Бахчисарая и могу посовѣтовать каждому, кому представится возможность, посѣтить его.

На право, на лѣво—всюду лавченки, восточныя кофейни и всюду восточныя лица и восточные костюмы: татаре въ мерлушковыхъ шапкахъ, фескахъ и чалмахъ, татарки подъ покрывалами. Лавченки все больше низенькія, торговцы сидятъ на полу. Изобиліе фруктовыхъ лавокъ, гдѣ грудами навалены кабачки, баклажаны, кочаны капусты, помидоры, яблоки, груши, сливы. У кофеенъ на улицѣ разосланы половики, на которыхъ, поджавши ноги, сидятъ люди и пьютъ кофе. Общее впечатлѣніе—какого-то общаго кейфа, любимаго заня-

тія вообще всѣхъ восточныхъ народовъ. Подхожу къ гостинницѣ, ихъ двѣ—одна vis-a-vis другой. Навѣрное, не обходится безъ того, чтобы хозяева этихъ гостинницъ не подрались бы, потому надо-же было помѣститься имъ одной противъ другой. Иду наугадъ въ Центральную. Небольшой дворикъ, увитый дикимъ виноградомъ. Бьетъ фонтанъ. Маленькая столовая. Меню по русски и по татарски. Спится прекрасно—Богъ миловалъ отъ клоповъ. Чего-же больше?

День начинается осмотромъ Бахчисарайскаго дворца.

Принимая во вниманіе эпоху, конечно, не дурно, а, главное,—колоритно, хотя дворецъ очень похожъ на плохенькія декораціи опереточныхъ восточныхъ палатъ и гаремныхъ залъ. По бѣленой стѣнѣ яркая мазня. Кто видѣлъ Гренадскую Альгамбу, или Севильскій Альказаръ, тому едва ли Бахчисарайскій дворецъ понравится. Хотя comparaison n'est pas raison.

Продолговатый дворъ. Нѣсколько фонтановъ. У воротъ колонна съ надписью: „Блаженной памяти Императрица Екатерина II изволила быть въ Бахчисараѣ въ 1787 г., мая 15 дня". Въ глубинѣ ханскаго двора, служащаго нынѣ городской прогулкой, въ восточномъ стилѣ фонтанъ, сооруженный въ память посѣщенія дворца Императоромъ Александромъ I. За воротами, внѣ ханскаго дворца, стоитъ мавзолей, воздвигнутый Крымъ-Гиреемъ ханомъ надъ могилой его любимой жены Диларою Бикечъ. На мавзолеѣ имѣется слѣдующая надпись: „Да будетъ милосердіе Божіе надъ Диларою—1178. Молитву (прочти) за упокой души Дилары-Бикечъ". Эту гробницу Мицкевичъ, Пушкинъ и многіе другіе называютъ гробницей легендарной Маріи Потоцкой.

Ключникъ ведетъ меня во дворецъ. Мы проходимъ анфиладой комнатъ, проходовъ, садовъ и галлерей. Вотъ ханская пріемная. Рядомъ уборная, спальня съ кроватью, на которой спала Императрица Екатерина II. Двѣ комнаты Маріи Потоцкой. Родъ ложи, откуда ханъ слушалъ засѣданіе суда. Ханскій золотой кабинетъ, гдѣ я обращаю вниманіе на прекрасной работы рельефные фрукты. Кофейня. Внутренній дворъ,

гдѣ находится воспѣтый Пушкинымъ „фонтанъ слезъ“ и рядомъ фонтанъ Капланъ-Гирея. Молельня хана. Лѣтняя комната съ фонтаномъ посерединѣ. Купальня съ весьма оригинальнымъ фонтаномъ. Зала суда. Канцелярія. Гаремный садъ съ уцѣлѣвшими тремя гаремными спальнями, остальныя не сохранились. Въ общемъ оригинально, ибо ни такого стиля, ни такого убранства ежедневно не видишь; красиво-ли?—это другой вопросъ. Положимъ, многое изъ бывшей роскоши расхищено, говорятъ въ Крымскую войну, расхищено своими-же русскими, кой-что взято въ Эрмитажъ, кой-что перевезено въ Алупку, словомъ приходится многое досозидать въ воображеніи. Конечно, дороги эти мѣста и по воспоминаньямъ, по вдохновеннымъ стихамъ Пушкина, воспѣвшаго ихъ.

Помните:

„Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.
Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, ключъ отрадный
Журчи, журчи свою мнѣ быль...“

XXII.

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской.
Противъ бесѣдки той построена мечеть,
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ.
О Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почевалъ отъ ордъ и хановъ ихъ.

Такъ описывала Императрица Екатерина II свое пребываніе въ Бахчисараѣ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги онъ нѣсколько цивилизовался, но и сейчасъ не надо ѣздить на Востокъ, чтобы увидать чистопробный восточный городъ,— стоитъ только побывать въ Бахчисараѣ.

„Это не тронутый уголокъ Азіи“, говоритъ мнѣ одинъ бывалый туземецъ. „Вы ни въ Крыму, ни на Кавказѣ не найдете второго Бахчисарая. Батумъ, Сухумъ-Калэ—все это европейскіе города, между тѣмъ какъ Бахчисарай—это захолустный турецкій городъ“.

На 14 тысячъ жителей въ Бахчисараѣ всего какихъ-нибудь двѣ тысячи караимовъ, русскихъ, евреевъ, армянъ, остальное—татаре, которые употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы сохранить городъ въ его первобытномъ видѣ. Вообще, Магометъ не былъ сторонникомъ прогресса; такъ, въ особой главѣ Корана, озаглавленной „О поэтахъ“ онъ предалъ анаѳемѣ поэзію за то, что современные ему поэты позволяли себѣ относиться къ нему саркастически.

Вотъ нѣсколько надписей, записанныхъ мной при осмотрѣ ханскаго дворца. Всѣ онѣ на арабскомъ языкѣ, на каковомъ, какъ извѣстно, написанъ и самый Коранъ.

Надъ входными воротами читаю: „Владѣтель этого дворца и повелитель сей страны, султанъ всемилостивый Менгли-Гирей-Ханъ, сынъ Хаджи-Гирея. Да помилуетъ Богъ его и родителей его въ обоихъ мірахъ".

На бесѣдкѣ при входѣ въ гаремный садъ:

„О, отворяющій двери! Отвори намъ наилучшую дверь!"

Вотъ надписи, украшающія стѣны ханскаго золотаго кабинета:

„Да наслаждается ежеминутно шахъ, при милости Божіей, удовольствіями; да продлитъ Господь жизнь его и счастіе. Крымъ-Гирей-Ханъ, сынъ высокостепеннаго Девлетъ-Гирея, источникъ мира и безопасности, правитель мудрый.

Смотри! вотъ державная его звѣзда взошла на горизонтъ славы и освѣтила цѣлый міръ. Краса Крымскаго престола, повелитель великаго царства, рудникъ кротости и великодушія, тѣнь милости Божьей. Друзья его—щедрость и великодушіе. Покровитель природныхъ дарованій, щедрый до расточительности: богатые и нищіе тому свидѣтели. Да ослѣпляетъ Господь солнцемъ особы его зрѣніе враговъ. Благоволеніе Божіе къ Крымъ-Гирею доказывается тѣмъ, что милостивая тѣнь этого благоволенія—радость вѣка его осѣнила вселенную удовольствіемъ.

Смотри! этотъ увеселительный дворецъ, созданный высокимъ умомъ Хана, оправдываетъ мою хвалебную пѣснь. Это зданіе его радушіемъ, подобно солнечному сіянію, озарило Бахчисарай. Смотря на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это обитель гурій, что красавицы сообщили ему прелесть и блескъ, что это нитка морского жемчуга, неслыханный алмазъ.

Смотри! вотъ предметъ достойнаго калама (пера). Китайскій Мани, смотря на этотъ дворецъ, одобрилъ-бы и выборъ рисунка, и отличную отдѣлку картинъ. Окрестъ дворца свѣжія лиліи, розы, гіацинты. Садъ, разумно расположенный, говоритъ какъ-бы языкомъ; новая мысль эта разцвѣла въ цвѣтникѣ души. Любовникъ розы—соловей палъ-бы къ праху ногъ

сада, если-бы его увидѣлъ. И такъ, если привлекательное это мѣсто мы назовемъ, какъ и быть должно, рудникомъ радости, то каждое на него воззрѣніе будетъ волнующимся моремъ наслажденія.

Рабъ придворнаго праха, будучи какъ-бы тѣнью знатности въ правленіе Крымъ-Гирей-Хана (да будетъ дворъ правосудія его открытъ и счастливъ); любя его душевно и сознавая въ себѣ даръ попугая, такъ воспѣлъ увеселительный его дворецъ. Два полныя эти полустишія означаютъ хронограмму".

Любопытный образчикъ литературъ того времени!

А вотъ надпись на знаменитомъ „Фонтанѣ слезъ": „Слава Всевышнему, лицо Бахчисарая опять улыбнулось; милость великаго Крымъ-Гирея славно устроила. Неусыпными его стараніями вода напоила эту страну, а при помощи Божьей онъ успѣлъ-бы сдѣлать еще и больше. Онъ тонкостью ума нашелъ воду и устроилъ прекрасный фонтанъ. Если кто хочетъ, пусть придетъ: мы сами видѣли Дамаскъ, Багдадъ. О шейхи! кто будетъ утолять жажду, пускай самый кранъ языкомъ своимъ скажетъ хронограмму: приди, пей воду чистѣйшую, она приноситъ исцѣленіе".

Внизу: „Тамъ, въ райскомъ саду, праведные будутъ пить воду изъ источника, называемаго Сельсебиль".

Интересны также нѣкоторыя надписи, которыя я нахожу на мавзолеяхъ при посѣщеніи примыкающаго къ дворцовой мечети кладбища, гдѣ покоятся бывшіе властелины Крыма.

Калга Сеадетъ-Гирей: „Ненавистная судьба зарыла въ землю алмазъ съ нитки рода хановъ чингисовыхъ. Много алмазовъ было у Сеадетъ-Гирея, намѣстника крымскаго. Нынѣ одинъ изъ этихъ алмазовъ есть Бахтъ-Гирей-Султанъ правосудный и умный. Да украшаетъ"... и т. д.

Арсланъ-Гирей-Ханъ: эпитафія воспѣваетъ его мужество. „Самъ Марсъ жаждалъ острія меча его, упитаннаго кровью"... „Грозный видъ его убивалъ современныхъ тигровъ прежде, нежели онъ величественно, какъ левъ, выступалъ на ратное поле. Но, покорствуя священному гласу: „возвратись!"—Онъ скончался".

Богадыръ-Гирей-султанъ: „Сынъ Хана Крымскаго. Ахъ, еще младенцемъ отказался отъ жизни и переселился въ царство вѣчности. Эта райская птица, бросивъ суетный міръ, улетѣла и т. д“.

Поэтъ, сочинившій эпиграфію на могилѣ Херахъ-султана, очевидно, былъ мизантропомъ: „О сердце! не вѣрь суетному міру“, пишетъ онъ, „и рано или поздно ты раскаешься, наконецъ, увидишь, что этотъ міръ вѣроломенъ, что онъ безпрестанно смѣется тебѣ въ глаза и тебя унижаетъ“.

Всѣхъ памятниковъ 114; старѣйшій изъ нихъ помѣченъ 1001 (1592) годомъ.

Ханская мечеть ничѣмъ особенно не отличается отъ другихъ мечетей; она нѣсколько больше, при мечети имѣется обширный водоемъ для омыванія. Два минарета.

Я засталъ въ мечети учащихся татарчатъ. Ихъ было около 20, отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. Зубрили они вслухъ Коранъ. Двое, постарше, ходили и прутиками подстегивали лѣнивыхъ. Одинъ изъ тѣхъ, кому пришлось испробовать прутика, ревѣлъ на всю мечеть. Вскорѣ и тотъ, кто его обидѣлъ, тоже заревѣлъ, ибо, въ свою очередь, былъ побитъ товарищемъ.

Большинство изъ этихъ дѣтокъ только-бы подъ колпакъ да, въ видѣ статуетокъ, на каминъ—такъ они прелестны. Подростутъ—огрубѣютъ, а дѣтьми просто такъ-бы и разцѣловалъ ихъ. Зову самаго маленькаго, не идетъ, боится. Ужъ я его и деньгами-то маню—ни за что. Прочіе мальчишки, увидѣвъ серебряную монету, силой отрываютъ его отъ лавки, въ которую онъ впился рученками... Подымается ревъ, цѣлое тріо.

Главное въ самомъ Бахчисараѣ осмотрѣно, остаются окрестности.

Иду въ Успенскій монастырь, находящійся всего въ полутора верстахъ отъ Бахчисарая. Дорога весьма интересная: страшная дичь, скалы самой причудливой формы. Жаль только, что голыя, но, опять, растительность смягчила-бы ихъ, не было-бы той дикости. Склоны горъ утыканы черепками съ гвоздеобраз-

ными надписями: то татарскія кладбища, которыхъ такая масса потому, что у татаръ могила является святыней и тамъ, гдѣ когда-либо была могила, тамъ другой рыть нельзя, поэтому, разъ кладбище полно, хоронятъ на другомъ мѣстѣ. Интересно хоронятъ у татаръ. Они вѣрятъ, что тотъ, кто прочелъ передъ смертью молитву „Ла-Иллагъ и-ил-Аллагъ" (нѣтъ Бога кромѣ Бога) попадетъ въ рай. Послѣ смерти покойнику затыкаются всѣ отверстія, чтобы нечистый духъ не вошелъ въ него. Обмывъ трупъ, надѣваютъ на него саванъ и кладутъ его ногами къ югу. Мужчинѣ, кромѣ савана, полагается два покрывала, женщинѣ—пять пеленъ. Пелены эти окуриваются нѣсколько разъ. Омовеніе совершается соотвѣтствующимъ поломъ, т. е. мужчину моютъ мужчины, женщину—женщины. Во время омовенія читаются стихи изъ Корана о переходѣ изъ земной жизни въ жизнь вѣчную.

Хоронятъ такъ: магометане молятся пять разъ въ сутки. Покойника стараются похоронить въ часы ближайшей молитвы, и только, если онъ умеръ въ ночь, его оставляютъ до утра. Пророкъ запрещаетъ оплакивать покойника. Его несутъ на носилкахъ и торопятся, чтобы онъ скорѣй предсталъ передъ судомъ Аллаха. Мулла идетъ за покойникомъ и отъ времени до времени говоритъ вслухъ: „Алла рахметъ эйлеснъ десне, ахъ рахметъ эйлесъ!" (кто этому покойнику пожелаетъ добра, тому самому Богъ пошлетъ добро). На кладбищѣ, послѣ отпѣванія, мулла спрашиваетъ присутствующихъ, могутъ-ли они засвидѣтельствовать непорочность покойника. Слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ. Покойника кладутъ въ могилу, въ которой, съ лѣвой стороны, имѣется ниша, головой внизъ, мулла пишетъ подъ его головой вопросы, которые онъ прибиваетъ на дощечку и кладетъ въ могилу. Рядомъ съ покойникомъ кладется хлѣбъ, трубка съ табакомъ, огниво, ставится кружка съ водой, причемъ постоянно приговаривается: „Ловко-ли тебѣ? Хорошо-ли тебѣ?"

Когда засыпятъ могилу, мулла, припавъ къ землѣ, громко спрашиваетъ: „Что ты дѣлаешь?" и, измѣнивъ голосъ, самъ-

же отвѣчаетъ: „Сижу и дожидаюсь ангела—испытателя“.— „Доволенъ-ли ты своими похоронами?“—„Доволенъ. Но молитесь больше за меня; я много грѣшилъ“.—„Видѣлъ-ли ты такихъ то и такихъ то? Что они подѣлываютъ?“—„Имъ далеко еще до блаженства, нужно больше молиться и за нихъ“. Засимъ, когда всѣ присутствующіе удалятся, мулла снимаетъ обувь и говоритъ покойнику: „Шашма ла салаватъ делій“. (Не теряйся, идетъ нечистый) и, получивъ отвѣтъ, бросается со всѣхъ ногъ бѣжать отъ могилы.

Трауръ носится 40 дней, онъ состоитъ въ томъ, что родственники умершаго, въ теченіе 40 дней, не снимаютъ тѣхъ одеждъ, въ которыхъ застигла ихъ смерть родственника.

Свѣдѣнія эти частью почерпнуты мной изъ отчета экскурсіи симферопольской гимназіи, частью сообщены мнѣ г. Мустаки, весьма уважаемымъ бахчисарайскимъ коммерсантомъ, уроженцемъ Бахчисарая, которому обрядная сторона татарской жизни досконально извѣстна.

XXIII.

Успенскій монастырь основанъ во второй половинѣ XV вѣка. Благодаря своему неприступному положенію, онъ пережилъ господство Ислама на полуостровѣ.

Пройдя тѣнистымъ паркомъ мимо двухъ монастырскихъ гостинницъ, я вижу на скалѣ, на высотѣ саженей семидесяти, зеленый фасадъ монастырской пещерной церкви съ иконой Маріупольской Божьей матери и, рядомъ, рядъ келеекъ монастырской братіи.

„Это какое то ласточкино гнѣздо“, говорю я г. Мустаки, любезно вызвавшемуся показать мнѣ монастырь и Чуфутъ-Калэ.

Мы поднимаемся, сначала тропинкой, затѣмъ вырубленной въ скалѣ лѣстницей, на верхъ. На первой площадкѣ—домикъ настоятеля, колоколенка и группа могилъ. Нѣсколько выше—церковь и кельи. При входѣ въ церковь г. Мустаки обращаетъ мое вниманіе на изображеніе первобытнаго вида монастыря.

— Преданіе гласитъ, что здѣсь появилась копія Маріупольской иконы и что долго не могли добраться до этой иконы, ибо близъ нея лежалъ змѣй (онъ между прочимъ, нарисованъ на этомъ изображеніи). Змѣй этотъ былъ убитъ и икона взята—ее перенесли, было, въ городъ, но она исчезла оттуда и опять появилась на скалѣ. Тогда было приступлено къ постройкѣ здѣсь монастыря.

Церковь маленькая, высѣчена въ скалѣ, съ вырубленными изъ того же массива двумя колоннами.

Мы подымаемся, по искусно скрытой въ скалѣ лѣстницѣ, на самый верхъ утеса, откуда открывается величественный видъ на Бахчисарай, Чуфутъ-Калэ, Іосафатову долину и окрестностную даль. Вдали видно море.

Спустившись внизъ, мы заходимъ къ настоятелю и, пройдя монастырскій садъ, попадаемъ къ татарскому текэ (монастырю). При входѣ въ монастырь висятъ три волоска, по народному вѣрованью, изъ бороды Магомета. Эти три волоска являются неизбѣжной принадлежностью всякаго текэ. Будь я художникомъ, я бы непремѣнно перенесъ на полотно этотъ поэтичный уголокъ.

Отсюда, довольно крутымъ подъемомъ въ гору, мы взбираемся въ Чуфутъ-Калэ, куда проникаемъ черезъ кованныя желѣзомъ боковыя ворота.

Чуфутъ-Кала, передѣланный караимами въ Чуфутъ-Калэ, значитъ по-татарски Жидовская крѣпость. Это одинъ изъ многочисленныхъ въ этой мѣстности пещерныхъ городовъ, каковыми являются также Тепе-Кермень, Качи-Каленъ, Мангубъ-Калэ и др.

Кромѣ пещеръ, изъ коихъ нѣкоторыя выбиты въ скалѣ въ два-три этажа, мавзолея Ненекеджанъ да подземнаго судилища, въ Чуфутъ-Калэ нечего смотрѣть. Это оставленный людьми, разрушенный временемъ городъ, гдѣ кромѣ караимскаго раввина и его помощника никто не живетъ, да и жить то тутъ негдѣ и не зачѣмъ. Кромѣ пещерныхъ жилищъ некогда здѣсь существовалъ цѣлый городокъ надземныхъ строеній самой незатѣйливой архитектуры; теперь все это превращено въ груду камней.

„Я такой Чуфутъ-Калэ у себя на дворѣ могу устроитъ“, говорю я сопровождающему насъ караиму, „навалю кучу камней—вотъ и будетъ Чуфутъ.“

Ему такое мое замѣчаніе не нравится. Караимы очень гордятся Чуфутомъ-Калэ и силятся доказать, что они владѣли имъ съ незапамятныхъ временъ, между тѣмъ какъ изъ исторіи мы знаемъ, что караимы пришли въ Крымъ съ татарами.

Мавзолей Ненекеджанъ, дочери Тохтамышъ-хана, умершей, судя по надписи, въ Рамазанѣ 841 г. т. е. въ 1437—8 г. по Р. Х. опоэтизированъ легендой, имѣющей романическую подкладку. Легенда гласитъ, что Ненекеджанъ имѣла возлюбленнаго и, боясь гнѣва отца, бросилась со скалы въ пропасть. Нашъ чичероне показываетъ намъ мѣсто, откуда она бросилась.

Надо-же что нибудь показать туристу! Я никогда не забуду, какъ, въ Римѣ, мой чичероне завелъ меня на какой-то грязный задворокъ, торжественно объявивъ мнѣ, что здѣсь нѣкогда была знаменитая Торпейская скала. Или римскіе Цезаревы сады... Я понимаю развалины Помпеи, гдѣ несчастный случай, такъ сказать, замариновалъ цѣлый городъ, застигнувъ его въ полномъ разгарѣ жизни. Посѣщалъ я въ Алжирѣ Тимгадъ (Tamugas), засыпанный сахарійскими песками. Тамъ хоть, при долѣ воображенія и исторической подготовкѣ, вы переноситесь въ извѣстную эпоху... Но развалины Чуфутъ-Калэ, или Цезаревы сады, это все равно, что привести васъ на мусорную яму и сказать вамъ, что здѣсь нѣкогда стояла Венера Медиційская.

Вездѣ, когда нибудь, что-либо стояло, или что-либо существовало.

Въ руинахъ, какъ въ женской красотѣ, существуетъ извѣстный предѣльный возрастъ, послѣ котораго, какъ самая писанная красавица утрачиваетъ всякіе слѣды этой красоты и перестаетъ величаться „сохранившейся", такъ и руины становятся ужъ не руинами, а грудами мусора.

Впрочемъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, интересны раскопки. Какъ, если покопаться въ душѣ такой устарѣлой красавицы, навѣрное найдешь цѣлый кладъ воспоминаній, такъ и порывшись въ такомъ Чуфутъ-Калэ—можно было-бы многое кой-что отрыть.

Нѣтъ у насъ предпріимчивости!

„Мы больно купончики любимъ рѣзать", говоритъ мнѣ настоятель Успенской обители.

Что-жъ, подождемъ англичанъ.

Ужъ не они-ли обокрали Чуфутскую караимскую синагогу? Красть, чтобы обогащать свои музеи, у нихъ не считается предосудительнымъ. Такого рода воровство у нихъ настолько мало предосудительно, что въ каталогахъ лондонскаго Британскаго музея (Brittisch Museum) прямо значится, что знаменитыя фрески Парѳеона (храмъ богини Аѳины Паллады), приписываемыя рѣзцу Фидія, были украдены и вывезены изъ Аѳинъ въ Лондонъ такимъ-то англійскимъ посломъ въ Греціи (имя его я забылъ). Въ честь этого патріота, его именемъ даже названъ залъ, гдѣ хранятся эти фрески. Я самъ видѣлъ, какъ, въ Фонтебло, англійскіе туристы, перочиннымъ ножемъ, вырѣзали кусочки барельефовъ, украшающихъ стѣны знаменитой Salle des Gardes.

Заглянули мимоходомъ въ караимскія синагоги, старую и новую. Изъ синагогъ идемъ осматривать подземное судилище.

Судилище состоитъ изъ двухъ высѣченныхъ въ скалѣ подземныхъ галлерей съ пробитыми, въ боковой, отвѣсной стѣнѣ, окнами. Здѣсь судились преступники, здѣсь ихъ подвергали различнымъ истязаніямъ, напримѣръ, ихъ сажали въ ванну съ расплавленнымъ свинцомъ. Трупы выбрасывались въ пропасть.

Ужасные вѣка! Можно, при одномъ воспоминаніи, сойдти съ ума. Чѣмъ, безусловно, имѣетъ право гордиться нашъ вѣкъ— этой той гуманностью, которая, по почину Христа, и прогрессируемая наукой и искусствомъ, отодвинула въ далекое прошлое пытки инквизиціи, прежнія тюрьмы и прежніе способы возмездія.

Какъ ни плоха обратная сторона медали современнаго прогресса, но, если выбирать между нею и тѣмъ, что творилось въ старину....

Вонъ изъ этого страшнаго мѣста! На свѣжій воздухъ!

Вдали разстилалась Іосафатская долина и мелькали надгробные памятники караимскаго кладбища.

Нашъ чичероне приглашаетъ насъ посѣтить домъ Фирковича, извѣстнаго караимскаго ученаго (нынѣ умершаго). Тамъ

намъ показываютъ массивный серебряный кубокъ, подарокъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, старинные рукописные пергаментные свитки.

Оттуда, главными воротами, мимо цистерны, устроенной для стока дождевой воды, мы спускаемся къ караимскому кладбищу.

Бродя между могилъ чуждаго мнѣ люда, я думаю о бренности земной жизни и прихожу къ тому заключенію, что, и въ этомъ смыслѣ, жизнь, которую я веду, наиболѣе цѣлесообразна.

„Куда я дѣнусь?—останусь съ природой. Да вѣдь я и такъ вѣчно съ ней... Значитъ, для меня нѣтъ смерти...“

Но какъ всѣ люди склонны приводить все къ своему собственному „я“.

Положимъ, каждый вправѣ интересоваться собой.

Кто-же позаботится обо мнѣ, коли я самъ о себѣ не позабочусь.

„Фатумъ“, говорятъ мусульмане.

Потому-то они такъ и безпечны.

XXIV.

Нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II, еще будучи Наслѣдникомъ, посѣтилъ, со Своимъ Августѣйшимъ Родителемъ Чуфутъ-Кале. Въ синагогѣ имѣется слѣдующая надпись, вырѣзанная золотыми буквами на мраморной доскѣ:

„Ихъ Величества Государь Императоръ Александръ Александровичъ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и Его Императорское Высочество Николай Александровичъ соблаговолили почтить древній храмъ сей своимъ Высочайшимъ посѣщеніемъ въ 4 день мая 1886 года".

Въ виду могущихъ быть и въ будущемъ посѣщеній этого города Членами Царскаго Дома и другими высокопоставленными особами, а также въ виду большого наплыва туристовъ, въ Чуфутъ-Калэ строится гостинница.

Обратный путь въ монастырь мы держимъ дорогой, идущей мимо военнаго и братскаго кладбищъ и церкви св. Георгія. На военномъ кладбищѣ похоронены нѣкоторые герои Крымской войны, какъ то баронъ Вревскій, Полторацкій, Глиноецкій и др.

Подъ сѣнью развѣсистыхъ орѣховъ насъ ждетъ гостепріимная хозяйка, ужинъ и самоваръ.

„Голодъ—лучшій поваръ" говоритъ пословица.

Стемнѣло. Показалась, было, луна, и залитыя ея свѣтомъ горы глядятъ куда эффектнѣй нежели днемъ. Горы, покрытыя растительностью, и днемъ хороши, но голыя горы лучше вечеромъ.

Г. Мустаки знакомитъ меня съ интимными сторонами монастырской жизни, интимностями всѣмъ болѣе или менѣе извѣстными.

„Много, конечно, такихъ, что спасаются въ монастырѣ, куда влечетъ ихъ вѣра, убѣжденіе, но сколько такихъ, что идутъ сюда какъ въ богадѣльню. Разумѣется, имъ трудно отрѣшиться отъ законтрактованныхъ ими въ свѣтской жизни привычекъ“.

Интересную легенду сообщаетъ мнѣ г. Мустаки: „Татаре“, говоритъ онъ, какъ вообще всѣ восточные народы, относятся весьма симпатично къ собакамъ. Напримѣръ, въ дни поминовенія усопшихъ, они пекутъ особыя лепешки (хатлами) и, первымъ дѣломъ, бросаютъ эти лепешки собакамъ. Существуетъ любопытная легенда, объясняющая ту почетную роль, которую играетъ у мусульманъ собака; легенда эта утверждаетъ, что весь человѣческій родъ живетъ на счетъ собачьей доли и вотъ что разсказываетъ по этому поводу:

Въ отдаленные вѣка Аллахъ разсердился на родъ людской и, чтобы наказать его, рѣшилъ уморить его голодомъ. Въ тѣ времена, гласитъ легенда, хлѣбъ росъ безъ соломы, колосъ начинался у самой земли и достигалъ высоты нашихъ хлѣбовъ. Аллахъ спустился на землю и сталъ тянуть колосъ, желая обратить его въ сплошную солому. Собаки, увидя это и сообразивъ, что если люди останутся безъ хлѣба, то и имъ, собакамъ, тоже будетъ нечего ѣсть, завыли. Аллахъ сжалился надъ собаками и, оставивъ, на кончикѣ соломы, небольшой колосокъ, сказалъ: „это будетъ ваша доля“. Отсюда и сложившаяся у татаръ поговорка, что „люди живутъ на счетъ собакъ“.

Возвращаемся мы въ городъ Салачикомъ, предмѣстьемъ Бахчисарая, населеннымъ исключительно цыганами.

„Всѣ они поголовно музыканты“, говоритъ г. Мустаки, „и многіе изъ нихъ играютъ весьма недурно“.

Вдали, гдѣ-то на скалѣ, слышится музыка—нѣчто дикое, восточное.

На ближайшемъ минаретѣ кричитъ муэззинъ.

Въ полумракѣ, сочетаніе хижинъ съ тополями, татарскими арбами (телѣгами) и увѣшанными яркимъ тряпьемъ цыганками

создаетъ рядъ жанровыхъ картинокъ à la Верещагинъ. Я всей душей упиваюсь новизной впечатлѣній и думаю лишь объ одномъ, какъ-бы ничего не забыть, какъ-бы всѣмъ подѣлиться съ читателемъ.

По мнѣ только и пріятно путешествовать, если описывать эти путешествія. Въ этомъ дѣленіи своими впечатлѣніями съ другими кроется, помимо свойственной человѣку потребности общенія, и извѣстная хвастливость: я дескать видѣлъ, а ты нѣтъ.

Осуждать эту хвастливость не приходится, ибо энергія одного возбуждаетъ энергію другого. Дорога широка — есть мѣсто каждому.

На пути въ городъ навѣщаемъ редактора бахчисарайской газеты „Переводчикъ", издаваемой на двухъ языкахъ: по татарски и по русски. Редакторъ—интеллигентный, симпатичный татаринъ подчуетъ насъ восточнымъ кофеемъ и посвящаетъ меня въ подробности татарскаго школьнаго дѣла.

— Если считать механическое чтеніе—грамотностью, говоритъ онъ, всѣ татары грамотны. При татарскихъ мечетяхъ, имѣются, такъ называемыя, мехтебы, соотвѣтствующія приходской школѣ. Тамъ дѣти, лѣтъ съ 8, заучиваютъ наизусть Коранъ, который они привыкаютъ читать по арабски чисто механически, не понимая того, что они читаютъ. Въ „медресе" (родъ духовныхъ семинарій) Коранъ проходится уже осмысленно, съ толкованіями и комментаріями.

Въ заключеніе, для болѣе полнаго знакомства съ народами, о которыхъ приходится вести рѣчь, приведу двѣ маленькія справки: одну—о караимахъ, другую—о свадебныхъ обрядахъ татаръ.

Происхожденіе караимовъ весьма гадательно. По мнѣнію однихъ, они потомки іудеевъ, изгнанныхъ изъ Іерусалима при императорѣ Титѣ, потомъ при Юліанѣ, по мнѣнію другихъ, караимы—потомки хазаръ. По татарски, караимъ (караиманъ)—черновѣрецъ. Караимы производятъ названіе своей секты отъ слова „караимъ"—чтеніе, т. е. читающіе съ вѣрою, а не толкующіе священныя книги Ветхаго Завѣта.

Главное различіе религіозныхъ вѣрованій караимовъ и евреевъ заключается въ томъ, что караимы не признаютъ Талмуда. Они не питаютъ вражды къ христіанамъ и чтутъ, вмѣстѣ съ магометанами, Христа пророкомъ и праведникомъ.

Вотъ, что нахожу я, въ отчетѣ симферопольской гимназіи, о татарскихъ свадебныхъ обычаяхъ:

„Когда дочь достигаетъ 15-лѣтняго возраста, родители ея съ нетерпѣніемъ ожидаютъ предложенія со стороны жениховъ, которые, не видя невѣсты въ глаза, посылаютъ сваху (кудачи), или свата (куда), если невѣста не имѣетъ матери. По прибытіи свахи или свата, невѣсту стараются всячески скрыть отъ нихъ, чтобы подъ какимъ-либо дурнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ невѣстой, они не отозвались о ней дурно, напримѣръ, замѣтивъ недостатки въ ея тѣлосложеніи, въ наружной красотѣ и т. д. Сваты расхваливаютъ доброту жениха, и родители принимаютъ предложеніе, или отвергаютъ его, не спрашивая согласія невѣсты.

Если сватовство принято, сторговываются относительно приданаго, и невѣста посылаетъ жениху кисетъ, а онъ ей кольцо, или браслетъ. Справляется обрученіе. Передъ свадьбой, какъ и у насъ, женихъ собираетъ товарищей, невѣста—подругъ на мальчишники и дѣвишники. Во время свадьбы невѣста сидитъ за занавѣской, связанная по рукамъ и по ногамъ, и оплакиваетъ свое дѣтство. Мулла спрашиваетъ ее: „отецъ и мать рѣшили отдать тебя за такого-то; согласна-ли ты?“ Долго невѣста плачетъ; наконецъ, дрожащимъ голосомъ произноситъ: „я довольна выборомъ моихъ родителей и согласна выйдти за такого-то“.

Въ назначенный часъ невѣсту везутъ, въ закрытомъ фургонѣ, въ домъ жениха. Въ другихъ повозкахъ ѣдутъ свахи и старыя родственницы. Передъ поѣздомъ невѣсты скачутъ парни, устраиваютъ джигитовку и получаютъ въ награду кисетъ, или платокъ. Въ деревнѣ устраиваютъ баррикады и не пускаютъ невѣсту, за что надо откупаться. Невѣсту обыкновенно сносятъ такъ, чтобы она не коснулась земли“.

Засимъ брѣютъ жениха, причемъ играютъ пьесу „трамъавасы". Парни стараются помѣшать бритью и заказываются иныя пѣсни.

Послѣ бритья и одѣванья, женихъ, въ сопровожденіи родственниковъ, входитъ къ невѣстѣ и тутъ татарская свадьба становится схожей со свадьбами всѣхъ вообще, народовъ.

XXV.

Какъ быть въ Бахчисараѣ и не попробовать Сулимановскаго шашлыка!?

„Тэбѣ одинъ кушàтъ?“

— Одинъ.

„Питнацъ копекъ“.

— Хорошо, давай только скорѣй, мнѣ некогда...

„Сичасъ...“

Сулиманъ взялъ изъ таза, гдѣ мочилась цѣлая масса кусочковъ молодой баранины, горсть этихъ кусочковъ, понадѣвалъ ихъ, по 5—6, на маленькій вертелъ и, приготовивъ такихъ веретелъ пять, повѣсилъ ихъ въ печку, гдѣ кусочки баранины минутъ черезъ пять обжарились.

„Сочный шашлыкъ... Любишь сочный?...“

Я сказалъ: „да“, хотя первый разъ ѣлъ это кушанье. Во Франціи принято обжаривать мясо на вертелѣ, или прямо на рѣшеткѣ, и мнѣ частенько приходилось ѣдать поджаренными, на такихъ-же маленькихъ вертелахъ, почки. Такъ ихъ на вертелахъ и подаютъ. Пока жарили шашлыкъ, я осматривалъ Сулимановскій ресторанъ, грязную лавченку, типа всѣхъ бахчисарайскихъ лавочекъ. Сулиманъ — привѣтливый татаринъ, готовящій свои шашлыки съ нѣмецкою аккуратностью. За то и слава о немъ гремитъ по всему Крымскому полуострову, и бахчисарайскіе патріоты увѣряютъ, что, даже на Кавказѣ, я нигдѣ не получу такаго шашлыка, какъ у Сулимана.

Обыкновенное жаренное мясо. Къ шашлыку мнѣ подаютъ крошенный лукъ и петрушку. Сулиманъ настаиваетъ, чтобы я посыпалъ шашлыкъ перцемъ.

Словомъ, за 18 коп. я очень прилично позавтракалъ.

Оставшись еще на денекъ въ Бахчисараѣ, чтобы посмотрѣть вечеромъ вертящихся дервишей, я посвящаю мой день осмотру Тепе-Кермена.

Прохожу черезъ караимское кладбище, гдѣ былъ наканунѣ, и откуда, тропинкой, каменьями и можжевельниками, иду въ Тепе-Керменъ.

Величественная панорама разстилается передъ моими глазами. Если чуфутскія руины не стоятъ помпеевскихъ, то мѣстность подъ Чуфутомъ, который остается у меня за спиной, не хуже Везувія и Неаполитанскаго гольфа. Вдали виднѣется гора, на которой стоитъ пещерный городъ Тепе-Керменъ. Верхушка этой горы срѣзана и на верху—довольно большая площадка. Вся мѣстность, которой я иду, усѣяна миріадами маленькихъ ракушекъ, что свидѣтельствуетъ о ея вулканическомъ происхожденіи. Въ Швейцаріи, въ Люцернѣ, въ такъ называемомъ Gletscher Garten'ѣ, вы наглядно видите вулканическую формацію Альпъ. Громадные камни, силой своего движенія, приводимые въ такое движеніе дѣйствіемъ горныхъ водъ, выдолбили въ скалѣ ямы и обнажили слои земной коры, гдѣ, въ нижнемъ слоѣ, въ окаменѣломъ состояніи, найдены образцы растеній тропической флоры, отпечатки этихъ растеній на камняхъ и т. п., что доказываетъ, что, нѣкогда, нынѣшняя Швейцарія была тропической страной. Въ слѣдующемъ слоѣ встрѣчаются морскія окаменѣлости, раковины—море наводнило бывшій материкъ, и Швейцарія стала дномъ морскимъ. Наконецъ, дѣйствіемъ подземныхъ огней, это дно выдвинуло наружу, вода ушла въ болѣе низменныя мѣста, затопивъ, вѣроятно, другіе материки—зародилась жизнь, и мы стали ѣздить въ Швейцарію любоваться красотами природы, лѣчиться ея воздухомъ, ея цѣлебными водами.

Гора Тепе-Керменъ и окрестная природа не спасуетъ ни передъ какой Швейцаріей.

Въ Швейцаріи слишкомъ все причищено, приглажено, тамъ черезъ-чуръ людно и бонъ-тонно, между тѣмъ какъ крымская

природа, особенно мѣстами, еще почти дѣвственная природа, не порабощенная человѣческой рукой.

Вдали, въ горахъ, шелъ дождь, мелькали зигъ-заги молній, и несся глухой гулъ раскатовъ.

Какъ тончайшая чарда, повисла надъ горами радуга.

Я одинъ. Кругомъ нѣмая тишь. Лѣкарственно пахнутъ можжевельники. Взлетѣлъ орелъ, могуче взмахивая крылами.

Развѣ только въ высокой Савойѣ, близъ Aix-les-Bains, напримѣръ, я видѣлъ такую величественно-суровую природу.

Въ центрѣ—гора Тепе-Керменъ. Кругомъ—скалы, стоятъ гладкими, словно отшлифованными, отвѣсными стѣнами. Низъ этихъ стѣнъ и вся долина, равно какъ и склоны Тепе-Керменской горы, усѣяны мелкимъ кустарникомъ. Налѣво, направо, кругомъ—всюду горы самыхъ разнообразныхъ очертаній. За горами, серебристымъ горбомъ, виднѣется море.

Эта грандіозная горная картина приводитъ меня въ такой неописанный восторгъ, что, если бы не вертящіеся дервиши, которыхъ я хочу непремѣнно посмотрѣть передъ отправленіемъ въ Севостополь, я бы сидѣлъ здѣсь нѣсколько часовъ подрядъ, не спуская глазъ съ этой величественной картины.

Чистый горный воздухъ провентилировалъ мою грудь. Дышалось дивно, и жизнь казалась такъ дивно хорошей.

Лавируя среди кустарниковъ, огибая утесы, я спустился, узенькой тропинкой, внизъ. Видъ измѣнился. Даль исчезла. Громады давили меня. Неприступными казались мнѣ тѣ хребты, по которымъ я только что прошелъ. Утомительный подъемъ въ гору, и я въ Тепе-Керменѣ.

Видъ съ верхней площадки настолько фееричный, что не поддается никакому описанію. Какой-то гигантскій барельефъ нагорной части Крыма. Симферополь виденъ какъ на ладони. Въ противоположной сторонѣ Палатъ-гора, или Чатырдагъ, какъ зовутъ его татаре. Надо самому побывать здѣсь, чтобы судить о величественности вида.

Тепе-Керменъ исключительно пещерный городъ, построенный этажами. Всего этажей 18 и слишкомъ 10 тысячъ ком-

натъ. Большая часть пещеръ имѣетъ, къ сторонѣ обрыва, по одному и, очень рѣдко, по два окна. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я нахожу высѣченныя изъ той же скалы сидѣнья, шкапики, ниши, отверстія въ полу, игравшія, вѣроятно, роль очага. На верхней площадкѣ—остатки христіанской церкви и вблизи могила, въ видѣ ниши. Спускъ въ пещеры идетъ по высѣченнымъ изъ камня лѣстницамъ. Сохранился цѣлый монастырь съ церковью и кельями.

Тепе-Керменская гора, по изслѣдованіямъ геологовъ, мѣловой формаціи.

Тепе-Керменъ куда интереснѣй Чуфутъ Кале, какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по цѣлостности впечатлѣній. Онъ считается наиболѣе выдающимся пещернымъ городомъ Крыма.

Осмотръ Бахчисарая и его окрестностей я завершаю зрѣлищемъ, отъ котораго меня по сей часъ мутитъ.

Судите сами:

Въ мечети, на полу, сидѣло человѣкъ пятнадцать дервишей (родъ монаховъ, но не живущивъ въ общежитіи, а лишь приходящихъ, въ извѣстные дни, въ „текэ“ для отправленія богослуженія). Сначала они молились спокойно, поминутно выкрикивая: „бизмалахи рахмани рахимъ“, строфы, которыми начинаются всѣ главы Корана, кромѣ главы IX-ой. Но вотъ они повскакивали, сомкнулись въ кружокъ и принялись мѣрно раскачиваться, поддерживая другъ друга бедрами и выкрикивая фразу, въ которой я могъ поймать лишь слово „алла“. Темпъ возгласовъ все учащался и раскачиванья тоже учащались. Дошло до того, что всѣ звуки слились въ одинъ, производившій иллюзію собачьяго лая. Тѣ, что постарше и не такъ фанатичны, воздерживались отъ черезмѣрныхъ качаній, но одинъ девятнадцати-лѣтній юноша, дебютантъ и, рядомъ съ нимъ, татаринъ среднихъ лѣтъ, въ зеленой чалмѣ, что свидѣтельствовало объ его родствѣ съ пророкомъ (потомкамъ Магомета присваивается имя Сеидъ и имъ предоставлено право носить зеленую чалму, каковую всегда носилъ

самъ пророкъ),—такъ эти двое... надо было посмотрѣть, что они выдѣлывали со своими шеями.

Возгласы уже вырывались какими-то дикими рычаньями. Глаза фанатиковъ покрылись мутью. Изо рта сочилась пѣна.... Ихъ было и страшно, и жаль.

Потомъ они сбились въ кучу, начали прыгать, подплясывать, мотать головой, изгибаться всѣмъ туловищемъ, поддерживая другъ друга тяжестью своего тѣла. Я удивляюсь, какъ никто изъ нихъ тутъ же не отправился къ Аллаху. Церемонія длилась болѣе двухъ часовъ, изъ коихъ около часу дервиши раскачивались и мотали головами.

— Что же вамъ за это будетъ? спросилъ я одного изъ нихъ, принимавшаго наименѣе дѣятельное участіе въ этомъ безсмысленномъ качаньи и могущаго меня понять. Остальные были въ состояніи полнаго одурѣнія.

„Ничего“, флегматично отвѣтилъ тотъ.

Какъ я ни добивался, такъ ничего и не добился.

Многочисленная публика глазѣла на это зрѣлище, способное лишь въ конецъ разстроить нервы и отбить аппетитъ.

———

XXVI.

Еще нѣсколько часовъ въ Бахчисараѣ и въ путь дорогу. Пользуюсь этими часами, чтобы досмотрѣть послѣднія достопримѣчательности этого въ высшей степени интереснаго города. Лѣзу и на минаретъ дворцовой мечети, и на павильонъ, откуда ханскія жены любовались на городъ. Ни тутъ, ни тамъ нѣтъ особеннаго вида: Бахчисарай лежитъ въ котловинѣ, строенія слишкомъ нагромождены одно на другое, видъ, такъ сказать, скомканъ.

Заглядываю въ бывшую ханскую, нынѣ городскую, баню— небольшая куполообразная комната, освѣщенная сверху. По серединѣ этой комнаты—камень, нагрѣваемый до температуры настолько умѣренной, что на камень этотъ ложатся; онъ такъ сказать, замѣняетъ паръ, вызывая испарину. Въ нишахъ — краны съ водой. Я бывалъ въ восточныхъ баняхъ въ Алжирѣ, тамъ онѣ нѣсколько иначе устроены, паръ идетъ снизу; люди парятся до одуренья, такъ что, зачастую, ихъ выносятъ изъ парильной въ безсознательномъ состояніи. Непривычному человѣку такой бани не вынести, и мой чичероне, любезно предоставленный въ мое распоряженіе мэромъ г. Тлемсена (близъ моррокской границы), прямо не позволилъ мнѣ помыться въ этой банѣ.

Пройдя мимо двухъ татарскихъ кладбищъ, я взбираюсь на верхъ гребня, откуда идетъ дорога на Айзисъ (предмѣстье Бахчисарая) и гдѣ, по увѣренію г. Мустаки, лучше всего видъ на городъ.

Дѣйствительно видъ недуренъ.

Въ Айзисѣ нѣсколько старинныхъ мавзолеевъ и одна изъ древнѣйшихъ мечетей. Айзисомъ проходитъ старая Севасто-

польская дорога: на Черкезъ-Керменъ, Инкерманъ, та самая, по которой ѣхала Екатерина II, такъ что я весь Крымскій полуостровъ прохожу по Екатерининскому пути, гдѣ, отъ времени до времени, мнѣ попадаются Екатерининскія версты.

Дорога то монотонна, то оживляется. Хотя, вообще, монотонности тутъ меньше, потому мѣстность волнистая, но и голые, сожженные солнцемъ холмы способны надоѣсть не менѣе степи.

Вотъ Мордвиновскіе сады—табачныя и виноградныя плантаціи; графъ Мордвиновъ—одинъ изъ богатѣйшихъ крымскихъ землевладѣльцевъ.

Налѣво видѣнъ Сюрень, гдѣ, говорятъ, тоже нѣкогда былъ пещерный городъ. Сохранились развалины. А ну ихъ! Дорого мнѣ дался осмотръ Черкезъ-Кермена, да и надоѣли мнѣ эти пещеры: одну взглянуть туда-сюда, но не больше—вездѣ одно и тоже. Все обаяніе ихъ въ томъ, что пещерамъ этимъ нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Черкезъ-Керменскія пещеры впору посѣщать лишь однѣмъ дикимъ козамъ. Пещеры эти находятся на такой высотѣ и въ столь одичалой, почти неприступной мѣстности, что только одинъ фанатизмъ туриста можетъ васъ завести сюда. Забраться-то еще легче, а вотъ выбраться...

Мнѣ пришлось, при спускѣ, выбирать между моимъ туалетомъ, особенно нижней его половиной и жизнью. Конечно, я, предпочелъ пожертвовать туалетомъ и сѣвъ, на собственныя салазки, скатился съ горы, порвавъ себѣ сапоги и брюки, чуть было не посѣявъ своего бумажника и рискуя очутиться, вмѣсто подножія горы, въ пропасти.

За то я посѣтилъ массу пещеръ, осмотрѣлъ пещерную церковь съ сохранившейся стѣнной живописью и видѣлъ извѣстный Черкезъ-Керменскій колодецъ.

Я не рѣшился спуститься въ колодецъ сверху, такъ какъ ступени стерлись и спускъ этотъ является опаснымъ. Въ самый колодецъ упасть нельзя, ибо лѣстница идетъ поворачивающимися колѣнами, но можно ушибиться, скатившись по ступе-

нямъ. Въ путешествіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, надо всегда имѣть голову на плечахъ: довольно уже случаевъ, гдѣ рискуешь своей жизнью, случаевъ, которыхъ не предугадаешь, зачѣмъ же сознательно лѣзть на опасность.

Я прошелъ къ колодцу низомъ, у подножья горы, гдѣ имѣется входъ къ самому источнику. Пришлось спускаться ползкомъ. Если бросить камень, слышно, какъ онъ летитъ по ступенямъ, такъ что, очевидно, они идутъ и подъ водой. Какова глубина этого колодца и каково было его назначеніе?—неизвѣстно. Возможно, что эти ступени были просто спуски, или ходы въ подземелье и что, уже впослѣдствіи, подземелье это наполнилось водой.

Безспорно колодецъ этотъ весьма интересенъ, и ради него одного стоитъ нанести визитъ въ Черкезъ-Керменъ.

На одной изъ скалъ видны развалины башни, которую татары называютъ Кызъ-Кулеси (Дѣвичья башня) и о которой они разсказываютъ, что здѣсь укрывались молодыя дѣвушки, бросившіяся впослѣдствіи со скалы.

Вся вообще эта мѣстность богата скалистыми глыбами, временами имѣющими самую причудливую форму. Почти каждый утесъ имѣетъ свою легенду и разсказывать всѣ эти легенды было-бы слишкомъ долго.

Изъ Черкезъ-Кермена шествую въ Инкерманъ самой разнообразной и интересной мѣстностью. Сначала подъемъ и, на самой высокой точкѣ,—дивный видъ на пройденныя мѣста; затѣмъ спускъ. Нѣсколько верстъ иду тѣнистымъ лѣсомъ. Спускъ пошелъ круче. Направо дорога сворачиваетъ въ Инкерманъ.

Кругомъ гармануютъ хлѣба.

Опять причудливыя, усѣянныя пещерами скалы, которыя, своими размѣрами и группировкой, напоминаютъ гнѣзда стрижей. Многія изъ нихъ вывѣтрились, многія выломаны на камень, но нѣкоторыя сохранились. Мнѣ разсказываютъ, что пещеры эти, по распоряженію Императрицы Екатерины II, взрывались, съ цѣлью изгнать жившихъ въ нихъ цыганъ. Инкер-

манскіе цыгане, будто-бы, когда Императрица проѣзжала черезъ Инкерманъ, бросились къ Царскому экипажу, напугали Императрицу и за то были выселены отсюда. Мнѣ приходилось посѣщать „куевы“ гренадскихъ „хитаносъ“ (испанскихъ цыганъ, говорящихъ, между прочимъ, на одномъ нарѣчіи съ нашими русскими цыганами). Хорошо устроенныя пещеры—прекрасное жилище, особенно въ теплыхъ краяхъ: зимой въ такой пещерѣ—тепло, лѣтомъ—прохладно.

Инкерманскій монастырь не великъ и не особенно богатъ. На скалѣ, надъ монастыремъ, стоятъ довольно хорошо сохранившіяся развалины крѣпости. Уцѣлѣли: ворота, круглая башня, часть зубчатой стѣны, ровъ, лѣстница.

Мѣста эти неоднократно упоминаются на страницахъ исторіи, начиная въ древней греческой эпохи и кончая 1854 г., когда на Инкерманскихъ высотахъ, происходилъ извѣстный инкерманскій бой (24 октября).

Монахи, которыхъ я засталъ за трапезой, предложили мнѣ отвѣдать постныхъ щей и каши. Трапезная—небольшая, продолговатая комната, помѣщается въ нижней части главнаго корпуса; на верху живетъ настоятель. Столъ, лавки, большая икона, изображающая Тайную Вечерю. Братья обѣдаютъ, а одинъ изъ нихъ читаетъ Дѣянія Святыхъ. Поѣли, помолились и повели меня по монастырю.

Интересна пещерная церковь. Остальное какъ во всѣхъ монастыряхъ. Кельи, братское кладбище. Родниковый ключъ, прикрытый крышкой съ крестомъ и тутъ-же савочекъ для желающихъ напиться.

Масса голубей. Всѣ они гнѣздятся въ скважинкахъ и выбоинахъ, образовавшихся въ скалѣ. Большинство монаховъ—люди изъ простого званія.

Въ помѣщеніи настоятеля, уѣхавшаго куда-то по дѣламъ, мнѣ показываютъ небольшой шкапчикъ, гдѣ собраны самые разнообразные предметы: старыя монеты, морскія звѣзды, вѣтки полиповъ, каменныя ядра и, тутъ-же, бронзированныя статуэтки Минервы и Аполлона, что продаютъ на улицахъ италіанцы.

Подъ самымъ монастыремъ проходитъ желѣзная дорога. Вдали. на право, на утесѣ стоитъ маякъ. Иду берегомъ Черной рѣчки, и, чтобы сократить путь, забираюсь на полотно желѣзной дороги. Миную тунель. Прохожу мимо маленькой бухты, гдѣ стоятъ два военныхъ судна. Вдали, на право—группа зелени, видѣнъ памятникъ Братскаго кладбища. Корабельная слободка. Спускаюсь къ перевозу. На меня глядитъ Севастополь своимъ заднимъ фасадомъ. Отсутствіе зелени придаетъ виду нѣкоторую казарменность. Зато какое оживленіе въ портѣ! Броненосцы, яхты, катера, ялики... Одни стоятъ на мѣстѣ, другіе шмыгаютъ, плавно взмахивая веслами.

Севастополь слѣдуетъ смотрѣть какъ военно-морской городъ, и само правительство старается спеціализировать его въ этомъ направленіи. Не успѣлъ я причалить къ Графской пристани и сдѣлать нѣсколько шаговъ по Южной (въ отличіе отъ Сѣверной, находящейся по ту сторону бухты), какъ замелькали вокругъ меня моряки: вице-адмиралы, контръ-адмиралы, капитаны 1-го и 2-го ранговъ, лейтенанты, мичманы, матросы... Словомъ моряки, моряки и моряки. Симпатичная среда! Гдѣ поселился морякъ, тамъ это сказывается. Сейчасъ благообразный видъ города, сейчасъ развлеченія, на которыя является спросъ у людей только съ извѣстнымъ развитіемъ. Я не обижу никого, если скажу, что моряки, въ силу своей профессіи, являются наиболѣе развитыми людьми среди прочихъ родовъ оружія. Одновременно съ развитіемъ постоянное пребываніе на морѣ вырабатываетъ въ нихъ особый букетъ чего-то кочевого, умѣющаго хорошо распорядиться минутами, проводимыми на сушѣ и бравирующаго въ своихъ скитаніяхъ всѣмъ: удобствами, привычками, самой жизнью.

Моряки всегда были моей слабостью, и не одинъ упоительный вальсъ я отплясывалъ у нихъ на судахъ и въ ихъ собраніяхъ. Танцоры, дамскіе кавалеры... душа общества.

Мнѣ Севастополь нравится, хотя я его еще мало видѣлъ. Вечеромъ попалъ на бульваръ, гдѣ играла николаевская пор-

товая музыка, считающаяся лучшей музыкой Черноморскаго флота. Заглянулъ въ театръ, гдѣ любители пѣли, подъ рояль, „Русалку". Кокетливая зрительная зала. И снаружи театръ милъ. Игрушечка. Въ русскомъ вкусѣ. Интересъ спектакля, главнымъ образомъ, сосредоточивался на томъ, что роялью и исполнителями дирижировала весьма энергичная дама. Хотя въ общемъ недурно. За то вызовамъ не было конца. За отсутствіемъ платной публики набралось тьма своей, родственной клаки и каждый, что только было мочи, вызывалъ кто Сашеньку, кто Машеньку. Что-жъ, тоже своего рода картинка, тѣмъ болѣе интересная, что отъ подобныхъ картинокъ въ пещерахъ да по степямъ я нѣсколько отвыкъ.

Въ антрактахъ выйдешь въ садъ и долго любуешься общей картиной садоваго оживленія. Старички, молодежь, все это, по мѣрѣ своихъ силъ, проявляетъ ту дозу жизненности, которая у нихъ имѣется. Адмиралы гуляютъ съ адмиральшами, кадеты морского училища флиртируютъ съ ихъ дочками и не одинъ, только что вернувшійся изъ плаванья, морякъ такъ нѣжно воркуетъ со своей половиной, какъ будто они находятся въ первомъ фазисѣ медоваго мѣсяца.

У моряковъ этотъ мѣсяцъ долженъ особенно долго длиться, потому, другой, не успѣлъ войти во вкусъ семейнаго счастья, какъ его: пожалуйте въ Портъ-Саидъ. Точно во французскихъ оперетк axъ, гдѣ такъ часто интрига пьесы вертится на томъ, что молодыхъ не во время разлучили.

Я всѣхъ, вообще, мужей, отъ времени до времени посылалъ-бы въ плаваніе. Тогда, можетъ, было-бы больше счастливыхъ браковъ.

XXVII.

Я начинаю разочаровываться въ Севастополѣ—мнѣ здѣсь не хватаетъ зелени, безъ которой, лѣтомъ, сѣверянинъ жить не можетъ. Не вѣрьте путеводителямъ, восхваляющимъ севастопольскіе виды,—въ Севастополѣ нѣтъ ни одного вида, отъ котораго можно было-бы прійти въ восторгъ. Откуда ни смотри на Севастополь, вездѣ впечатлѣніе одно и тоже: водное пространство и кругомъ выжженные солнцемъ голые холмы, усѣянные монотонно-однообразными жилищами, издали сливающимися въ общую мурузглую тѣнь. Море не заставитъ васъ забыть отсутствіе зелени, хотя купанье въ морѣ тоже чего-нибудь да стоитъ, особенно если оно такъ хорошо, какъ въ Севастополѣ. Хотя пусть Севастополь утѣшится, онъ не одинъ голъ, страдаетъ отсутствіемъ зелени и богатъ пылью. Марсель, напримѣръ, въ этотъ-же родѣ. Даже прославленный Біаррицъ, излюбленное мѣсто купанья нашихъ Великихъ Князей и осеннее rendez-vous испанскаго и французскаго beau monde'а, тоже, при дивной бархатной „plage“, лишенъ зелени, пыленъ и рѣжетъ глазъ своими голыми скалами. Положимъ, я никогда не покланялся ни Марселю, ни Біаррицу, и если согласенъ отвѣсить поклонъ Севастополю, то, главнымъ образомъ, какъ нѣкогда тяжело раненому органу земли русской, нынѣ, впрочемъ, уже почти совсѣмъ оправившемуся и, въ недалекомъ будущемъ, долженствующему занять солидное мѣсто на Черномъ морѣ. Такихъ бухтъ, какъ севастопольская, мало—я, по крайней мѣрѣ, второй такой не знаю.

Исторію развитія черноморскаго флота желающіе прочтутъ въ любомъ гидѣ.

Мой сегодняшній день начался посѣщеніемъ севастопольскаго музея. Помѣщается музей въ домѣ графа Тотлебена. Напротивъ достраивается правительственное зданіе, куда музей будетъ переведенъ. Въ 4—5 комнатахъ собраны предметы, имѣющіе какое либо отношеніе къ оборонѣ Севастополя. Вотъ вещи, принадлежавшія севастопольскому герою, адмиралу Нахимову: его фуражка, прострѣленная пулей, попавшей ему въ високъ и причинившею ему смерть, крестикъ изъ кусочка его черепной кости, эполеты, чашечка и другіе предметы. Вотъ альбомъ, поднесенный генералу Хрущову. Рядомъ витрина съ эполетами, перчатками, платкомъ и ботфортами Императора Николая Павловича. Вотъ книга, куда именитые посѣтители музея вносятъ свои автографы; послѣдними расписались: Vittorio Emanuele di Savoia, 7 (19) Maggio 1890. Владиміръ 26 октября 1894 г., Марія и Марія.

Далѣе я осматриваю употреблявшееся при оборонѣ Севастополя кремневое ружье и цѣлую коллекцію иностранныхъ ружей, образъ севастопольской кладбищенской церкви, съ засѣвшей въ немъ пулей, согнутый пулей маленькій мѣдный образокъ Николая Чудотворца. По стѣнамъ висятъ портреты какъ Царской Фамиліи, такъ и большинства севастопольскихъ героевъ.

Въ смежной комнатѣ красуется портретъ Великой Княгини Елены Павловны, предсѣдательницы Краснаго Креста въ Севастопольскую войну, а кругомъ портреты сестеръ милосердія.

Нѣсколько картинъ Айвазовскаго и коллекціи вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Тотлебена, дополняютъ эту небольшую, но весьма интересную коллекцію, столь близкую русскому сердцу.

Мнѣ показываетъ музей отставной солдатъ Степанъ, служившій прежде у генерала Драгомирова, нынѣ-же состоящій сторожемъ и чичероне тотлебенскаго музея.

Славный чичероне! Онъ такъ умѣетъ показать и разсказать, онъ входитъ въ такія курьезныя интимности, что, будь

лица, о которыхъ рѣчь шла, достояніемъ исторіи, я процитировалъ-бы многое изъ разсказаннаго мнѣ Степаномъ.

„Такой-то генералъ то-то, а такой-то то-то“.

Кого похвалитъ, а кого и ругнуть какъ слѣдуетъ не постѣснится.

— Извольте, баринъ, взглянуть на эти картины: это вотъ, какъ 14 ноября 1854 г. буря въ евпаторійской бухтѣ была— французы ну высаживаться на берегъ, а наши казаки ну ихъ пиками колоть... А это опять буря 2 ноября 1854 г., потопила англійское судно, что везло два милліона стерлинговъ золотомъ. Такъ это золото и по сейчасъ на днѣ морскомъ лежитъ...

Изъ музея пошелъ пройдтись по городу. Какъ разъ пришелъ ялтинскій пароходъ, и публика съ парохода разъѣзжалась по гостинницамъ и частнымъ квартирамъ. Этотъ „va et vient“ напомнило мнѣ движеніе заграничныхъ портовыхъ городовъ. Словомъ, видишь жизнь, видишь такихъ-же цыганъ, какъ и ты самъ.

На Графской пристани меня осадили яличники.

— Прикажете яликъ-съ?..

— Изволите ѣхать на Братское кладбище?

Конечно, надо съѣздить. А тутъ еще стоитъ миловидная туристка и тоже, видимо, желаетъ прокатиться посмотрѣть усыпальницу доблестныхъ воиновъ, павшихъ подъ Севастополемъ.

Полагаю, можно быть серьезнымъ человѣкомъ, писать дѣльныя корреспонденціи и не зѣвать, когда представляется случай собрать матеріалъ для этихъ корреспонденцій въ пріятномъ обществѣ.

Мы ѣдемъ. Ѣдемъ сначала на веслахъ, затѣмъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, на парусѣ. Хорошо! Вѣтерокъ продуваетъ, яликъ слегка наклонило и немножко покачиваетъ. Моя спутница никогда не видала моря—пріѣхала изъ центральной Россіи посмотрѣть хваленый югъ.. Ея мнѣніе тождественно съ моимъ.

„Единственно, что хорошо здѣсь, это море. Остальное—солнопекъ, недостатокъ зелени, негдѣ укрыться...“

Причалили близъ Паніотовой балки. Съ версту приходится пройти пѣшкомъ.

Братское кладбище лежитъ на холмѣ, верхушку коего вѣнчаетъ пирамидальный памятникъ. Внутри памятника—церковь. Бѣло-сѣраго мрамора иконостасъ. Черныя доски съ выгравированными именами убитыхъ. Гигантскихъ размѣровъ вѣнокъ, присланный въ 1891 г. французами. Масса другихъ вѣнковъ, возложенныхъ различными частями на могилы убитыхъ сыновъ этихъ частей. Вся церковь покрыта мозаичной живописью, итальянской работы. Снаружи памятникъ испещренъ надписями, при чтеніи коихъ сердце сжимается жалостью.

Камчатскій пѣхотный полкъ—убито	2830	чел.
Волынскій	3896	»
Черниговскій	3689	»
Екатеринбургскій	4648	»
Тобольскій	4521	»
Колыванскій	4238	»

Виленскаго Егерскаго резервныхъ полковъ — 5,511 — морского вѣдомства съ 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.— 15,977 человѣкъ.

И это только нѣсколько цифръ, взятыхъ мной изъ длинныхъ реестровъ живыхъ мишеней, сраженныхъ непріятельскими пулями. Я подвелъ итогъ одной изъ восьми скрижалей, той, гдѣ цифры были наименѣе грозны, получилось 10,051 трупъ.

Вотъ гдѣ-бы созвать конгрессъ мира, конгрессъ всеобщаго разоруженія! Можетъ,—эти цифры убитыхъ людей, имѣющихъ полное право на жизнь, людей, которые оплакивались тысячами неутѣшныхъ глазъ, можетъ, онѣ заговорили-бы настолько сильно, что врожденная человѣку злоба утихла.

Я понимаю французовъ въ ихъ злопамятности относительно пруссаковъ за 1870 г. Надо только представить себѣ, сколько

народу сгубили непріятельскія пули, сколько насилія въ такомъ нападеніи вчетверомъ, впятеромъ на одного.

Когда вы видите на улицѣ, какъ четверо бьютъ одного, вы негодуете... какъ-же не негодовать, да еще русскому, за севастопольское насиліе. Французамъ теперь совѣстно, что они тоже сунулись.

„Хоть мы и дрались съ русскими“, оправдываются они, „но послѣ битвы мы съ ними братались“.

Хорошо братованье! Конечно tout passe, tout casse, tout lasse... Наши раны зажили, да и русскій человѣкъ не злопамятенъ. Тѣмъ болѣе, подъ Севастополемъ, не смотря на то, что городъ, въ концѣ концовъ былъ таки взятъ, русское войско, въ этой 349-ти дневной осадѣ, блестяще доказало еще разъ все свое мужество.

Война родитъ героевъ. Севастополь далъ ихъ тысячами: Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, Лазаревъ, Тотлебенъ, Хрулевъ...

Вотъ еще нѣсколько цифръ:

За одинадцать мѣсяцевъ было убито, ранено и контужено 102,669 русскихъ и 54,000 союзниковъ. По разсчету гр. Тотлебена, непріятель выпустилъ 1.356,000 артиллерійскихъ снарядовъ и болѣе $28^1/_2$ милліоновъ ружейныхъ пуль, а защитники Севастополя—1.027,000 снарядовъ и до 17 милліоновъ пуль. Пороху съ обѣихъ сторонъ было сожжено до 500 тыс. пудовъ.

Краснорѣчивыя цифры!

И какъ вспомнишь объ этихъ цифрахъ, каждый домишко, каждое деревцо въ Севастополѣ, бывшіе, быть можетъ, свидѣтелями происходившихъ здѣсь ужасовъ, пріобрѣтаютъ въ моихъ глазахъ особое значеніе.

Осмотрѣвъ самый мавзолей, возлѣ коего, на обширной площадкѣ, стоитъ шесть непріятельскихъ пушекъ, и полюбовавшись отсюда на Севастополь, его бухты, Малаховъ курганъ, Херсонесъ, мы пошли, внизъ по горѣ, по кладбищу.

Масса братскихъ могилъ, куда тѣла сваливались грудами.

Вотъ могила гр. Тотлебена: родъ крипта съ бюстомъ покойнаго, сверху коего красуется надпись: „Графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену“.

Рядомъ памятники Спицына, Кумани.

Нѣсколько дальше—роскошный мраморный мавзолей тоже съ бюстомъ. Читаю: „Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, генералъ-отъ-инфантеріи, главнокомандующій Крымской арміей въ 1855—56 г.“ Ниже: „Тѣло покойнаго по его желанію погребено среди воиновъ, недопустившихъ враговъ отечества перейдти за рубежъ того мѣста, гдѣ находятся ихъ могилы“.

Пройдя цѣлой серіей братскихъ могилъ, изъ коихъ однѣ имѣютъ видъ конусообразныхъ плитъ, увѣнчанныхъ крестомъ съ надписью „братская могила“, другія украшены надгробными памятниками съ той-же надписью, или перечнемъ погребенныхъ, мы подошли къ главной кладбищенской двери, возлѣ коей, на колоннѣ, стоитъ бюстъ Хрулева. У подножья—орелъ и надпись: „Хрулеву—Россія“.

Я нашелъ на памятникѣ, во-первыхъ, стихи:

«Къ безсмертной славѣ за собой
Онъ «благодѣтелей» водилъ
И громкой славой боевой
Средь благодѣтелей почилъ».

Во-вторыхъ, слѣдующую эпитафію:

«Пораздайтесь холмы погребальные, потѣснитесь и вы благодѣтели! Вотъ Старатель пришелъ вашъ доказать вамъ любовь свою, дабы видѣли всѣ, что и въ славныхъ бояхъ, и въ могильныхъ рядахъ не отсталъ онъ отъ васъ! Сомкните-же тѣсные ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя севастопольскихъ битвъ окружите дружнѣе въ вашей семейной могилѣ».

Мнѣ цѣлый день мерещатся кровавыя картины прошлаго; триста сорокъ девять дней пробыть подъ непрерывнымъ огнемъ, это почище будетъ всякой тридцатилѣтней войны, принимая во вниманіе средства, которыми располагали осаждающіе тогда и въ 54 году.

И, между тѣмъ, рядъ новыхъ событій наложилъ архивную пыль на имена и дѣянья героевъ этой славной эпохи. Но

стоитъ лишь сдунуть эту пыль, углубиться въ чтеніе фоліантовъ, и оборона Севастополя встаетъ въ вашемъ воображеніи во всѣхъ ея подробностяхъ.

Почитайте, господа, со мной эти страницы русской исторіи. Мы вмѣстѣ не разъ всплакнемъ. Конечно, наши слезы ничто въ сравненіи съ пролитыми слезами и съ тѣми, что слѣдуетъ проливать надъ могилами павшей за родину братьи, но онѣ будутъ лептой убогой вдовицы.

Да и, повторяю, мы всѣ такъ мало знакомы съ отечественной исторіей. Ею даже прямо, какъ будто, игнорируютъ. Вотъ вамъ примѣръ: у насъ, въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ, на младшемъ курсѣ, профессоръ Ключевскій читалъ исторію. Намъ детально разсказывались подробности французскихъ революцій; Людовика XVI и обоихъ Наполеоновъ мы знали досконально, между тѣмъ объ отечественной войнѣ, или Крымской кампаніи наши знанія ограничивались тѣмъ, что мы учили въ сокращенныхъ курсахъ исторіи кадетскихъ корпусовъ.

Въ результатѣ мнѣ Крымъ не милъ. Мое русское самолюбіе здѣсь страдаетъ.

Какъ-бы тамъ ни было, а все-же насъ здѣсь побили...

Въ Лондонѣ стоитъ памятникъ въ честь побѣдителей, въ Парижѣ французы окрестили цѣлую серію улицъ именами пунктовъ, гдѣ они насъ побѣдили: boulevard Sebastopol, Pont d'Alma, avenue Malakoff...

Одному съ четырьмя трудно справиться...

Но какъ все забывается!

XXVIII.

„Нашъ Севастополь слѣдуетъ смотрѣть въ Маѣ: по Іюнь всѣ эти холмы зелены“, говорятъ мнѣ севастопольцы при видѣ тѣхъ гримасъ, которыя я дѣлаю, глядя на севастопольскую голь.

Зато я все больше и больше вхожу во вкусъ тѣхъ историческихъ воспоминаній, которыя вызываетъ въ моей душѣ каждая новая экскурсія по Севастополю, или его окрестностямъ. Я, такъ сказать, наглядно повторяю здѣсь исторію Севастопольской войны. Иду во Владимірскій соборъ поклониться праху четырехъ учителей и героевъ стараго Черноморскаго флота: Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина. Верхняя церковь—свѣтлая, вся расписана художникомъ Карнѣевымъ. Иконостасъ бѣлый мраморный. Обращаю вниманіе на дивной работы образъ Божьей Матери и картину Айвазовскаго: „Христосъ, ходящій по водамъ“. Обѣ иконы вставлены въ массивный, рѣзного дерева, кіотъ, на которомъ имѣется слѣдующая надпись:

„Отъ семьи моряковъ.

Въ память чудеснаго избавленія Царственной семьи отъ опасности 17 октября 1888 года“.

Нижняя церковь полу-темная. Посерединѣ—гробницы четырехъ адмираловъ, подъ общимъ массивнымъ, чернаго мрамора, крестомъ. На этомъ крестѣ значится: Слѣва: Вице-адмиралъ Владиміръ Александровичъ Корниловъ, раненъ и скончался 5 октября 1854 г. На верху: Адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, скончался 11 апрѣля 1851 г. Внизу: Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, раненъ 28, скончался 30 іюня 1855 г. Справа: Контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ, убитъ 7 марта 1855 г. По серединѣ крестъ

и греческое слово NIKA, т. е. побѣждай. Тутъ-же, нѣсколько въ сторонкѣ, похоронены: бывшій морской министръ адмиралъ Шестаковъ и контръ-адмиралъ Карповъ.

Судьба мнѣ положительно покровительствуетъ: въ Севастополѣ у меня оказались родственники и родственники самые близкіе, принадлежащіе къ славной семьѣ моряковъ.

Они ведутъ меня въ морское собраніе, осматривать помѣщеніе, какъ самого собранія, такъ и смежной съ нимъ морской библіотеки. Мебель, пожертвованная собранію Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной, съ упраздненной яхты „Ливадія", заслуживаетъ особенно тщательнаго осмотра. Каждая вещь—objet d'art, стоитъ громадныхъ денегъ. Напримѣръ: рояль рококо, письменный столикъ палисандроваго и розоваго дерева, три туалетныхъ шифоньерки съ инкрустаціями въ помпейскомъ стилѣ. Внизу: большой залъ, гдѣ стоитъ концертный рояль Бехштейна, на право—гостинная, на лѣво—столовая. Къ гостинной и къ столовой примыкаютъ по садику; мы обѣдаемъ въ одномъ изъ нихъ, въ другомъ—кегельбанъ. При входѣ—роскошный, помпейскаго стиля вестибюль и лѣстница на верхъ. На верху:карточная комната, гдѣ на мебели сохранились вензеля М. А., увѣнчанные Императорской короной. За карточной, такъ называемая, „говорильная". По стѣнамъ портреты: Грейга, Лазарева, Великаго Князя Константина Николаевича и Шестакова. Обращаю вниманіе на мраморный письменный приборъ съ надписью: „Сев. Мор. Собр. 18 ноября 1889 г.", подарокъ оставшихся участниковъ Синопскаго боя. Далѣе—маленькая читальня, билліардная. Выхожу на балконъ и любуюсь видомъ, который здѣсь лучше, нежели гдѣ-либо. Vis-a-vis—низенькій, одно-этажный дворецъ Екатерины. Далѣе отель Киста, театръ и бульваръ. На лѣво — Михайловская баттарея. Прямо — Братское кладбище. На право—портъ, доки, склады, морскія казармы.

Проходимъ въ зданіе библіотеки, фасадъ коей украшенъ художественнымъ барельефомъ, изображающимъ исторію развитія морскаго дѣла отъ Петра до нашихъ дней. Трехъ-

этажныя, кованныя желѣзомъ книгохранилища, на верху всегда наполненная водой цистерна, на случай пожара. Въ читальной нѣсколько достойныхъ вниманія предметовъ: кубокъ, поднесенный московскимъ купечествомъ офицерамъ Черноморскаго флота 26 февраля 1858 г.; кубокъ, литого золота, поддерживается золотымъ амуромъ, играющимъ на тарелкахъ. Нѣсколько статуй, одна изъ нихъ подарена русскимъ морякамъ во время послѣднихъ франко-русскихъ празднествъ, картина Айвазовскаго, бронзовая модель петербургскаго памятника Императрицы Екатерины II. Модель эта, работы Микѣшина, пожертвована собранію бывшимъ морскимъ министромъ Пещеровымъ, которому она была преподнесена самымъ Микѣшинымъ.

Въ отдѣльной небольшой комнаткѣ, имянуемой „Отдѣленіемъ адмирала Лазарева“, хранится его библіотека.

Заходимъ въ директорскую, гдѣ имѣется небольшой музей всевозможныхъ предметовъ, собранныхъ моряками: коллекція минераловъ, раковинъ, японскія картины, древнія монеты—словомъ, кто куда ѣздилъ, тотъ оттуда и понавозилъ.

Вечеромъ иду пройтись на Мичманскій бульваръ, гдѣ стоитъ памятникъ Казарскому, командиру брига „Меркурій“, отбивавшемуся одинъ отъ четырехъ турецкихъ кораблей. На постументѣ—галера, внизу надпись: „Казарскому. Потомству въ примѣръ“. Съ другой стороны годъ: 1834.

Я легъ у подножія этого памятника и принялся машинально глядѣть на небо. Вдали играла музыка. Жаръ спалъ, было прохладно.

Явись ко мнѣ фея и спроси меня сейчасъ, чего-бы я желалъ, я-бы затруднился выразить какое-либо желаніе. Я, вѣроятно, сказалъ-бы: я желаю, чтобъ и впредь все шло такъ, какъ сейчасъ идетъ.

Отъ добра—добра не ищутъ.

XXIX.

Какъ не заглянуть въ портъ! Хотя, будучи въ морскихъ вопросахъ абсолютнымъ профаномъ, я воздержусь отъ претензіи поучать васъ въ этой области. Да и область эта слишкомъ специальная, чтобы особенно распространяться о ней въ дорожныхъ фельетонахъ. Однако, глаза у всякаго есть и языкъ тоже: чего не знаешь, можно спросить.

Начинаю съ того, что взбираюсь къ морскимъ казармамъ. Грандіозное зданіе! Около 50 оконъ фасада, зданіе—трехъэтажное.

Разговорился съ матросикомъ; онъ караулилъ своего командира, который долженъ былъ пріѣхать съ Графской пристани.

„Какъ ни высоки окна, а наши молодцы съ третьяго этажа утекаютъ".

— Неужели изъ третьяго этажа?

„Вѣрно слово. Спустятся по трубѣ да и валяй на всю ночь. Кто въ Татарскую, кто въ Каробушку. Энто тѣ утекаютъ, что люблютъ страдать, барышню имѣютъ".

— Что-же и ты утекаешь?

„Нѣтъ. Я жанатый. Конечно, у насъ на деревнѣ не то платье, что въ городѣ, а одѣнь мою жинку въ городское платье"...

Онъ грустно ухмыльнулся.

„Она у меня складная: чернявая, полновидная".

Я полюбопытствовалъ насчетъ матроскихъ пѣсенъ. Матросикъ не заставилъ себя долго просить, запѣлъ. Началъ, было, одну—обыкновенная деревенская, другая—тоже самое.

— Нѣтъ, ты мнѣ матроскую спой, гдѣ-бы про море говорилось.

— „Могимъ и матроскую“...

Ой да сбушевалась, братцы, на морѣ погода,
Погодушка, братцы, небольшая,
Изъ подъ Волги не видать ничего,
Только видно съ дуба верховину,
Красной лодочки половину.
Красныя лодочки все, братцы, краснѣютъ,
На нихъ парусы, братцы, бѣлѣютъ.

Обѣщалъ принести мнѣ тетрадь спеціально матроскихъ пѣсенъ, потому что это какая то волжская, вѣетъ Стенькой Разинымъ.

Мы пошли плавучимъ докомъ. Матросикъ показывалъ мнѣ суда.

„Энто вонъ, крайняя „Чесма“, энтотъ большой, двутрубый, „Опытъ“, онъ въ компанію не ходитъ, на мѣстѣ стоитъ, вонъ „Львица“, вонъ „Бугъ“, миноноска „Котка“. Въ компаніи куда лучше: и харчъ пріятнѣй, и жалованье больше. Въ компаніи матросъ получаетъ два съ полтиной въ мѣсяцъ, а сейчасъ пятьдесятъ двѣ съ половиной. Мы, это, ходимъ въ компанію шесть мѣсяцевъ, а какъ придемъ изъ компаніи— вахту держимъ, проще сказать лизерфъ. Гляньте-ка сюда, энто вонъ, „Трехъ Святителей“, самый огромный русскій броненосецъ, бронь на себѣ чипляетъ. У насъ на броненосцахъ бронь во какая!“ и, отмѣривъ большимъ и указательнымъ пальцами у себя на груди двѣ четверти, онъ побѣжалъ въ плавучій докъ, встрѣчать командира.

Я отошелъ къ памятнику Лазарева, что стоитъ передъ морскими казармами. Лазаревъ вылитъ изъ бронзы во весь ростъ, безъ шапки, съ подзорной трубой подъ мышкой. На памятникѣ, подъ гербомъ Лазарева, значится: „Адмиралу генералъ-адъютанту Лазареву, лѣта 1866“.

Я не люблю фабричныхъ видовъ, и въ Англіи, попавъ въ раіонъ Бирмингамовъ, Манчестровъ, Шеффильдовъ и Лидсовъ, я чувствовалъ себя ужасно несчастнымъ. Кто любитъ

машины, дымъ, шумъ, гамъ, совѣтую спуститься въ сухіе доки. Я предпочелъ пройдти на Малаховъ курганъ.

Малаховъ курганъ лежитъ по ту сторону казармъ. Заднимъ фасадомъ этихъ казармъ и посейчасъ служатъ развалины прежняго корпуса, разрушеннаго при бомбардировкѣ Севастополя.

Мѣстность ужасно пустынная. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе пустынное. Ни деревца, ни травки... На самомъ курганѣ искусственно разведенная зелень, весьма жалкаго вида. Прохожу мимо тумбочки съ надписью: „№ 74 Батарея". Такихъ тумбочекъ на Малаховомъ курганѣ бездна. Ими обозначены мѣста, гдѣ въ 1854—55 гг. стояла какая батарея. На вершинѣ холма, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Корниловъ, ему воздвигнутъ памятникъ.

Корниловъ сидитъ на пробитой пушечнымъ ядромъ скалѣ; лѣвой рукой онъ оперся о скалу, правая поднята. Въ ногахъ у него красуется надпись: „Отстаивайте-же Севастополь!" Ниже: „Генералъ-адъютанту вице-адмиралу В. А. Корнилову, смертельно раненному на семъ мѣстѣ 5 октября 1854 г.".

Влѣво отъ Корнилова стоитъ матросъ, съ Георгіемъ на груди; онъ готовится зарядить пушку. Справа: якорь и надпись—„Благослови Господи Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ". Сзади: „Тендеръ Лебедь" 1831—1833, „Бригъ Ѳемистоклъ" 1833—1837, корв. „Орестъ" 1837—1842, корв. „12 Апостоловъ" 1842—1846. Нач. штаба черн. флота съ 1849 г.".

Передъ памятникомъ лежитъ гранитная могильная плита съ высѣченнымъ на ней крестомъ.

Если идея памятника и удачна, то выполненіе ея оставляетъ желать весьма многаго. Поза Корнилова прямо антихудожественна. Вообще мало желать ставить памятники, надо умѣть ихъ ставить. А то вылить изъ бронзы фигуру не трудно—надо, чтобы эта фигура была, одновременно, и изображеніемъ того, чью память хотятъ почтить, и художественнымъ

произведеніемъ. Большинство античныхъ Венеръ, что украшаютъ наши музеи, то-же были памятниками: римляне, напримѣръ, увѣковѣчивали ими память своихъ любимыхъ царицъ. А цѣлыя коллекціи бюстовъ римскихъ императоровъ!

Рѣка временъ своимъ теченьемъ
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей....

писалъ Державинъ. Дѣянья, даже имена могутъ забыться, но художественный мраморъ, или бронза часто переживаютъ эпоху. Памятникъ Корнилова, если попадетъ онъ когда либо въ музей нашихъ потомковъ, будетъ, навѣрное, отнесенъ къ эпохѣ упадка.

Прохожу узкой тропой къ сторожевому домику, напротивъ коего, въ оградѣ, стоитъ бѣлый мраморный крестъ и на немъ надпись:

„Памяти воиновъ русскихъ и французскихъ, павшихъ на Малаховомъ курганѣ при защитѣ и нападеніи 27 августа 1855 г.“

Съ другой стороны: „Воздвигнутъ на мѣстѣ деревяннаго креста, поставленнаго французами съ надписью:

8 Septembre 1855.
Unis pour la victoire,
Reunis par la mort,
Du soldat c'est la gloire,
Des braves c'est le sort.“

Переводъ: Соединены для побѣды,
Разъединены смертью,
Это слава солдата,
Это участь храбрецовъ.

Съ Малахова Кургана спускаюсь къ станціи желѣзной дороги. Огибаю Южную бухту, которая глядитъ рѣкой. По ту сторону бухты—ряды хлѣбныхъ магазиновъ.

Отъ станціи подъемъ въ гору. Взбираюсь тропинкой на Историческій бульваръ, гдѣ такъ-же пыльно, гдѣ зелень такъ-

же чахоточна, какъ и на Малаховомъ курганѣ. Здѣсь тоже столбики съ обозначеніемъ батарей. Вотъ №№ 31, 32, 33, 34, 75. Дорога выводитъ меня къ водопроводу, откуда открывается панорама на весь Севастополь. Въ различныхъ частяхъ парка—различные виды. Паркъ этотъ спеціально посѣщается ради этихъ видовъ.

XXX.

Вотъ краткая историческая справка о Севастополѣ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Севастополь, находилась татарская деревушка Ахтаръ. Потемкинъ обратилъ вниманіе на эту деревушку̀ въ виду ея положенія близъ бухты, не имѣющей себѣ подобной на всемъ побережьи Чернаго моря. Указомъ 10 февраля 1784 года повелѣно было основать здѣсь военный портъ, который былъ названъ Севастополемъ (Севастосъ, по гречески, — великолѣпный и полисъ — городъ). Къ Крымской компаніи Севастополь насчитывалъ до 45 тысячъ жителей и представлялъ изъ себя первоклассный портъ.

Крымская компанія, какъ извѣстно, была вызвана нашей блистательной побѣдой надъ турками при Синопѣ: Англія, Франція и Италія, боясь нарушенія политическаго равновѣсія въ Европѣ, послали на помощь Турціи свои флоты и войска. Севастополь, послѣ почти годовой осады былъ взятъ, и, по парижскому трактату, Россіи возбранялось имѣть на Черномъ морѣ военный флотъ.

Во время франко-прусской войны трактатъ этотъ былъ нарушенъ, и Севастополь сталъ возрождаться.

Въ данную минуту онъ имѣетъ свыше 30 тысячъ жителей, обстроился и все еще продолжаетъ обстраиваться, одновременно съ тѣмъ, совершенствуясь въ военномъ отношеніи и формируя Черноморскій флотъ, колыбелью коего являются севастопольскіе доки. Вотъ перечень главнѣйшихъ судовъ этого флота: „Чесма“, „Синопъ“, „Екатерина II“, „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Георгій Побѣдоносецъ“, „Три Святителя“— это гиганты корабли, изъ коихъ самый большій послѣдній (длина 358 ф., ширина 73 ф., углубленіе подъ водой 27 ф.,

водоизмѣщеніе 12.480 тоннъ, ходъ 17 узловъ). Далѣе слѣдуютъ суда меньшихъ размѣровъ: канонерскія лодки „Кубанецъ", „Терецъ", „Уралецъ", „Донецъ", „Запорожецъ" и „Черноморецъ", — минные крейсера: „Березань", „Память Меркурія", „Капитанъ Сакенъ", „Гриденъ" и „Казарскій", транспорты „Бугъ" и „Дунай" и знаменитыя поповки „Вице-Адмиралъ Поповъ" и „Новгородъ".

О Севастопольскихъ бухтахъ матросы выражаются такъ: „сиди якъ у себѣ у хатѣ". Главный севастопольскій рейдъ имѣетъ около версты въ ширину и до 10 саженъ въ глубину. Главная бухта даетъ семь развѣтвленій: Карантинная бухта, Артиллерійская, Южная (до 3 верстъ длиной), Корабельная, Киленъ-бухта, Камышевая и Двойная; послѣднія двѣ лежатъ нѣсколько въ сторонѣ подъ Херсонесомъ.

Посѣщеніе Херсонеса представляетъ громадный интересъ.

Херсонесъ (древній Корсунь), во первыхъ, наша русская святыня, ибо, какъ извѣстно, въ Корсунѣ въ 988 г. крестился князь Владиміръ; тутъ-же происходило его вѣнчаніе съ византійской царевной Анной и отсюда имъ были вывезены въ Кіевъ первые священнослужители. Во вторыхъ, Херсонесъ является, такъ сказать, нашей русской Помпеей. Здѣсь съ 1888 года ведутся, подъ наблюденіемъ правительственной коммисіи, весьма дѣятельныя раскопки, и въ данную минуту раскопана уже значительная часть этого главнаго города существовавшей около двухъ тысячъ лѣтъ (съ V вѣка до Р. X. до XIV вѣка по Р. X.) независимой Херсонесской республики.

Херсонесъ находится всего верстахъ въ 2 — 3 отъ Севастополя. Дорога идетъ Цыганской слободкой, мимо городского кладбища. Денекъ стоитъ дивный. Море сине — сине, какъ оно бываетъ сине лишь на югѣ.

На кладбищѣ обращаю вниманіе на слѣдующую курьезную надпись, красующуюся на бочкѣ съ водой, рядомъ съ большой желѣзной копилкой: „Вода для поливки цвѣтовъ получатели прошу уплачивать затруды доставки воды всей ящикъ по 3 копейки заведро а то нѣкоторые Барини щитая труды по=$^1/_2$ копе: за ведро воды".

У воротъ кладбища сидитъ старый нищій. Я подсаживаюсь къ нему и завожу съ нимъ разговоръ.

„Я, батюшка-баринъ, матросъ, подъ Севастополемъ участвовалъ. Вотъ былъ флотъ такъ флотъ. Къ примѣру сказать: „Двѣнадцать Апостоловъ“ — 120 пушекъ-съ. А нынче развѣ это флотъ! — черепахи съ Черной рѣчки. Я служилъ подъ командой адъютанта Брынкина. Бывало вызываетъ охотниковъ. „Кто охотникъ подъ хранцузскія траншеи идти? — Я, я, я... и я тоже, бывало, вызовусь.... Ночь темная, мы за нашимъ Брынкинымъ идемъ вонъ какъ стадо, что чабанъ водитъ, куда козелъ, туда и стадо. Подлѣземъ это подъ траншеи и слухаемъ. Нашъ Брынкинъ на всѣ языки былъ ученъ. Вотъ это, значитъ, онъ слышитъ, какъ хранцузъ хранцузу говоритъ: „Ну, что, какъ русскій къ намъ въ гости придетъ, намъ и угостить-то нечѣмъ“ (т. е. патроновъ нема). А у насъ при себѣ горнистъ. Какъ крикнетъ это Брынкинъ: „Труби!“ Мы на хранцузовъ.... Такъ не токмо, что стрѣлять, прикладами лупили. Э-э-эхъ, эхъ, эхъ,“ вздохнулъ старикъ, „кабы Государь все дѣло нашему Павлу Степановичу (Нахимову) припоручилъ, ноги-бы непріятельской на Крымскомъ полуостровѣ не было, а то Менщиковъ говоритъ: — пущай дессантъ дѣлаютъ; вотъ тебѣ и дессантъ“.

Меня старикъ занялъ.

— Какъ тебя звать?

„Иванъ Ключниковъ, сынъ Александровъ. Мнѣ флотскій пашпортъ на четыре стороны выданъ“.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

„Охъ 76-й, батюшка-баринъ пошелъ“.

Я далъ ему мелкую серебряную монету. У меня за спиной слышалось:

„Да благословитъ тебя Господь Богъ, да пошлетъ тебѣ Царица Небесная исполненія всѣхъ твоихъ желаній, а покойныхъ сродственниковъ твоихъ да упокоитъ въ Царствіи Небесномъ....“

XXXI.

Я шелъ полемъ. Два татарскихъ чабана храпѣли на всю Ивановскую, между тѣмъ какъ овцы сбились въ кучку, попрятавъ свои морды другъ другу подъ брюхо.

Передо мной, по ту сторону бухты, стоялъ Херсонесскій храмъ и близъ него — монастырскія постройки. Въ смыслѣ вида, видъ самый незавидный, но самъ по себѣ храмъ весьма величественъ. Близъ монастыря возводятъ новыя укрѣпленія.

Прохожу сначала въ археологическій музей, вѣрнѣе складъ, какъ онъ и значится на имѣющейся вывѣскѣ: „складъ, древностей изъ раскопокъ, производящихся съ 1888 г. Императорской Археологической Коммиссіей“.

Г. Косцюшко-Валюжничъ, завѣдывающій раскопками, служитъ мнѣ чичероне. Г. Косцюшко любитъ археологію до фанатизма и вкладываетъ въ это дѣло всю свою душу.

„Давно-ли археологія“, говоритъ онъ мнѣ, „стала у насъ наукой? Мнѣ приходится постоянно воевать то съ нашей коммиссіей, то съ военнымъ начальствомъ. Коммисія, какъ только вещь мало-мальски интересна, сейчасъ-же беретъ ее въ Петербургъ, или Москву, гдѣ вещей этихъ накопляется такая масса, что мѣсяцами онѣ не попадаютъ въ каталоги. Въ музеяхъ вещи теряютъ свою прелесть, во-первыхъ, вслѣдствіе изобилія вещей, во вторыхъ, потому что, выставленныя, каждая вещь отдѣльно, въ роскошныхъ бархатныхъ витринахъ, онѣ утрачиваютъ то значеніе, какое онѣ имѣютъ здѣсь, гдѣ въ кучѣ, въ этомъ складѣ вы наглядно видите всю обстановку жизни народа. Съ военнымъ начальствомъ мнѣ постоянно приходится переписываться по поводу того неуваже-

нія, съ которымъ относятся къ Херсонесскимъ развалинамъ нижніе чины. Они обращаютъ нашу археологическую святыню въ отхожія мѣста".

По поводу вывоза лучшихъ предметовъ въ столичныя музеи я нахожу въ брошюркѣ, преподнесенной мнѣ г. Косцюшко-Валюжнича, и составленной имъ по поводу раскопокъ въ 1894 г., слѣдующія достойныя вниманія строки:

„Херсонесскіе раскопки и музей усердно посѣщаются въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы... За $6^1/_2$ лѣтъ раскопокъ получится весьма солидная цифра, и именно 17.300 лицъ!"

„Можно-ли послѣ этого сомнѣваться въ пользѣ мѣстныхъ музеевъ и желать сосредоточенія всѣхъ русскихъ древностей въ Петербургѣ, или Москвѣ! Культурное значеніе мѣстныхъ музеевъ для массы неоспоримо, а для тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые спеціально изучаютъ исторію по археологіи извѣстнаго края, недостаточно ознакомленія съ его древностями, собранными въ Эрмитажѣ и Историческомъ музеѣ, но необходимо побывать на мѣстѣ.

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichter's Lande gehen. (Goethe).

„А если такія „Bildungsreisen" для нашихъ молодыхъ ученыхъ необходимы, то не слѣдуетъ-ли всѣ древности оставлять въ мѣстныхъ музеяхъ, гдѣ онѣ, сохраняясь рядомъ съ тѣми-же развалинами, изъ коихъ извлечены, говорили-бы многое сами за себя, наводили-бы на разныя размышленія и открытія!"

Приступаемъ къ осмотру музея.

„Археологическая лопата", говоритъ мнѣ мой чичероне, провѣряетъ то, что пишутъ намъ объ извѣстной эпохѣ историки. Интересна, при раскопкахъ, та послѣдовательность, которую мы находимъ въ слояхъ. Такъ, напримѣръ, при раскопкѣ Херсонеса, въ верхнемъ слоѣ намъ попадаются предметы, относящіяся къ византійской, или татарской эпохѣ: черепица византійская (буквы, лошади...), черепица татарская (Соломонова звѣзда, кипчатская тамга—двузубецъ). Нижній

слой—греко-римскій: посуда, монеты и т. п. Римская посуда—желтая, греческая—черная, лакированная".

„Вотъ цѣлая мастерская коропласта (лѣпщика изъ глины), найдено 54 формы".

Эта интересная коллекція даетъ мнѣ поводъ обмѣняться съ г. Косцюшко взглядами на древнее и современное искусство.

„Искусство у насъ убито. Нашъ вѣкъ можетъ гордиться двумя-тремя изобрѣтателями, изъ коихъ одинъ изобрѣлъ паръ, другой—электричество, но машина убила ручной трудъ, фотографія, напримѣръ, значительно уменьшила спросъ на живопись. Бывало, всякій мало-мальски состоятельный помѣщикъ ѣдетъ въ Петербургъ, или Москву, заказываетъ художнику свой портретъ, между тѣмъ какъ теперь за нѣсколько рублей онъ имѣетъ дюжину фотографическихъ карточекъ".

„Ручная выдѣлка золота была доведена, въ древности, до совершенства. Судите сами по этимъ подвѣскамъ къ ожерельямъ. Можно-ли лучше сдѣлать? Лучшая греческая эпоха, въ смыслѣ процвѣтанія искусства, считается III, IV вѣкъ до Р. Х., эпоха расписныхъ вазъ; лучшіе греческіе художники не брезгали этой живописью и ставили на вазахъ свои имена".

„Вотъ цѣлая коллекція рыболовныхъ принадлежностей: гирьки, крючки, вотъ обгорѣлое пшено, даже яйца, найденныя въ водосточныхъ желобкахъ. Херсонесъ былъ вполнѣ благоустроенный городъ; такъ, онъ былъ снабженъ водопроводомъ—вотъ части этого водопровода. Въ этой витринѣ собраны предметы христіанской эпохи. Вотъ семейная гробничка римской эпохи съ грудой сожженныхъ костей. Вотъ цѣлая коллекція метательныхъ снарядовъ, надгробныхъ памятниковъ, погребальныхъ урнъ, хозяйственныхъ принадлежностей, ожерелій, иголокъ, шпилекъ, фибулъ, ложечекъ, ключей, замковъ, пиѳосовъ, въ которыхъ хранилось вино, стеклянныхъ флакончиковъ, разныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій. Словомъ, здѣсь вы можете наглядно изучить весь бытъ древнихъ обитателей Херсонеса. Напримѣръ, намъ приходится часто находить черепа съ стиснутою между зубами мѣдною монетою

(оболъ); то была плата за перевозъ черезъ миѳологическую рѣку Стиксъ. Другой обычай: мы находимъ на глазахъ у покойниковъ золотые лепестки съ изображеніемъ зрачка и такой-же лепестокъ на зубахъ съ изображеніемъ закрытаго рта".

Г. Косцюшко показываетъ мнѣ экземпляръ деформированнаго черепа, принадлежавшаго, вѣроятно, какому нибудь дикарю, которому умышленно, путемъ головныхъ повязокъ, деформировали голову..

Но самой интересной находкой херсонесскихъ раскопокъ является прекрасно сохранившаяся гражданская присяга херсонесцевъ, выгравированная на большихъ каменныхъ скрижаляхъ. Присягу эту ученые относятъ къ III—IV вѣку до Р. Х. Вотъ ея переводъ, сдѣланный профессоромъ В. В. Латышевымъ:

„Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ и землею и укрѣпленіями херсонаситовъ: я буду единомысленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ (ни) Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочихъ укрѣпленій, ни прочихъ земель, коими херсонаситы владѣютъ и владѣли, ничего никому—ни еллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонаситовъ; и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вмѣстѣ (съ нимъ), но заявлю городскимъ маміургамъ; и врагомъ буду злоумышляющему и предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонасъ или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрѣпленія и область херсонаситовъ и буду служить даміургомъ и членомъ совѣта, какъ можно лучше и справедливѣе для города и горожанъ; и... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни еллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; и дара не дамъ и не приму къ вреду города и горожанъ; и не замыслю никакого неправеднаго дѣянія противъ кого-либо изъ гражданъ, не отпавшихъ и никому замышляющему (никакого подобнаго дѣянія не дозволю), но заявлю и при судѣ подамъ

голосъ по законамъ; и въ заговоръ не вступлю, ни противъ общины—херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народу; если-же я съ кѣмъ либо вступилъ въ заговоръ, и если связанъ какою-либо клятвою по обѣту, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а пребывающему—обратное и если я узнаю какой-либо заговоръ, существующій или составляющійся, то заявлю даміургамъ; и хлѣба вывознаго съ равнинъ не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины но только въ Херсонесъ. Зевсъ и Земля и Солнце, и Дѣва и боги олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ, да будетъ благо и самому, и роду и моимъ, а не пребывающему—зло и самому и роду и моимъ, и да не приноситъ мнѣ плода ни земля, ни море, ни женщины да не...".

Провожая меня г. Косцюшко-Волюжничъ обращаетъ мое вниманіе на исключительныя благопріятныя условія, въ которыхъ находятся херсонесскія раскопки.

„Между тѣмъ какъ Керчь", говоритъ онъ, „будучи застроена новымъ городомъ и являясь частной собственностью, дѣлаетъ невозможнымъ всякій контроль въ дѣлѣ раскопокъ и даетъ широкое поле частной спекуляціи, Херсонесъ, будучи собственностью казны и представляя изъ себя, за исключеніемъ участка земли, занятаго монастыремъ, пустопорожнее мѣсто, позволяетъ наукѣ всецѣло пользоваться плодами раскопокъ".

Осмотрѣвъ музей, я отправляюсь осматривать руины города, не представляющія, какъ общій видъ, никакого интереса. Груда камней, фундаментовъ и только. По этимъ грустнымъ руинамъ нѣтъ никакой возможности мысленно воспроизвести древній Херсонесъ.

XXXII.

Херсонесскій храмъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь, въ которой крестился св. Владиміръ. И по сейчасъ въ храмѣ сохранились остатки древнихъ церковныхъ стѣнъ, такъ сказать, футляромъ коихъ является новый Херсонесскій соборъ. Исторія постройки этого храма начертана на двухъ мраморныхъ скрижаляхъ, находящихся при входѣ въ нижнюю церковь. На правой скрижали значится:

„Остатки стѣнъ древняго храма во имя Рождества Пресв. Богородицы, въ которомъ принялъ св. Крещеніе св. Благовѣрный Вел. Князь Владиміръ. Надъ стѣнами сего храма, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, построенъ соборный храмъ во имя св. Благовѣрнаго Вел. Князя Владиміра и сдѣлано въ линіяхъ очертаніе разрушенныхъ стѣнъ для ясной наглядности. Храмъ сей заложенъ 23 августа 1861 года почившими Государемъ Императоромъ Александромъ II и Государынею Императрицею Маріею Александровною; въ закладкѣ храма участвовали Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Марія Александровна“.

На лѣвой скрижали говорится о томъ, что основаніе главнаго престола было положено въ присутствіи Вел. Кн. Владиміра Александровича; засимъ поименованы строители храма: Губонинъ, Гриммъ, Арнольдъ, Чагинъ и Тихобразовъ.

Въ нижнемъ храмѣ, на бѣломъ мраморномъ аналоѣ, въ золотой, въ формѣ Евангелія, ракѣ, хранятся частицы мощей св. Владиміра, перенесенныя, по повелѣнію Александра II, въ Херсонесскій монастырь въ 1859 году изъ Церкви Зимняго

Дворца. Сзади мощей, на мѣстѣ древней купели, въ которой крестился Св. Владимiръ, стоитъ памятникъ: сѣрая мраморная плита съ бѣлымъ крестомъ, на которомъ, золотыми буквами, вырѣзано: „Деснице Всевышняго укрѣпленъ Великiй Княже-Владимiре, идольскую прелесть отринулъ еси, Славне, и святымъ крещенiемъ просвѣтився, свѣтомъ познанiя Христова землю русскую озарилъ еси“.

Какъ нижняя, такъ и верхняя церковь,—византiйскаго тиля: золотые иконостасы, мозаичные полы, чудная живопись. Фрески: „Крещенiе Владимiра“, „Крещенiе Кiевлянъ“, и громадная овальная картина „Тайная вечеря“, помѣщающаяся въ алтарѣ верхней церкви, принадлежатъ кисти Корзухина, которымъ написано большинство и мелкихъ фресокъ. Особенно хороша въ „Тайной вечери“ фигура Спасителя и Iуды.

Близъ Владимiрскаго собора помѣщается Херсонесскiй монастырь. При монастырѣ имѣется маленькiй музей, богатый памятниками христiанской эпохи. Въ этомъ музеѣ, между прочимъ, хранятся лопаты, которыя служили Царствующей Семьѣ при закладкѣ храма. Самый монастырь, будучи расположенъ среди пустынной, безплодной мѣстности, не интересенъ въ смыслѣ мѣстоположенiя.

Въ монастырской гостинницѣ по этому поводу заходитъ разговоръ съ отцомъ Нифадимомъ, ставившимъ мнѣ самоваръ.

„Подъ игомъ живемъ. Самъ виноватъ, что изъ Кiева сюда попалъ; во какъ расписали мнѣ эти мѣста. Я и повѣрилъ, а теперь жалѣю... Это что? Вѣдь это какiе то берега Мертваго моря. Только и растетъ здѣсь, что бурьянъ. Тому, кто мнѣ скажетъ, что Крымъ хорошая страна, я въ глаза наплюю“.

Какъ видите, не всѣмъ Крымъ нравится...

Возвращаюсь въ Севастополь въ сумеркахъ.

Я все жаждалъ видовъ... Пройдя на прямикъ цыганской слободкой, я очутился у артиллерiйскаго лагеря. Величественная панорама задняго фасада города открылась моимъ глазамъ. Я бы поставилъ здѣсь павильонъ (Aussicht's Punkt, какъ его зовутъ въ нѣмецкихъ курортахъ) и, навѣрное,

сдѣлалъ бы блестящія дѣла. Это, безспорно, лучшій видъ, который я до сихъ поръ видѣлъ въ Севастополѣ. Весь городъ вытянулся въ нитку. Внизу артиллерійская бухта и вдавшійся мысомъ въ морѣ Приморскій бульваръ. Кульминирующими точками являются строющійся для Вел. Кн. Ксеніи Александровны дворецъ, правѣе Владимірскій соборъ и до половины заслонившее его зданіе правленія Лозово-Севастопольской ж. д. Видъ этотъ былъ еще полнѣй, когда, спустившись вдоль оборонительной стѣны, я очутился на Подгородной улицѣ.

Восторгъ!

Мнѣ до того видъ этотъ понравился, что я, поздно ночью, пришелъ сюда еще разъ полюбоваться Севастополемъ при ночномъ освѣщеніи. Но, на закатѣ, въ эффектномъ сіяніи которое получается отъ борьбы лучей заходящаго солнца съ блѣднымъ свѣтомъ луны, видъ этотъ былъ лучше и именно такимъ слѣдуетъ его смотрѣть. Ночью онъ, не смотря на лунный свѣтъ, сливается.

На бульварѣ шла гульба: было гулянье въ пользу общества спасанія на водахъ. Среди распорядителей преобладалъ морской элементъ, и гг. моряки лицомъ въ грязь не ударили. Они умѣютъ принять гостей. Балы морского училища въ Петербургѣ, вечеринки бывшаго 8 флотскаго экипажа, пріемы на судахъ—стяжали имъ вполнѣ заслуженную репутацію людей со вкусомъ, людей свѣтскихъ, любезныхъ хозяевъ.

Отвыкая отъ сѣверныхъ гигантовъ, я начинаю цѣнить севастопольскій приморскій бульваръ. Онъ чрезвычайно кокетливъ, а освѣщенный электричествомъ прямо феериченъ. Изящный павильонъ яхтъ-клуба нѣсколько напоминаетъ Монте-Карло, тѣмъ болѣе здѣсь, какъ и тамъ царитъ картежъ; тамъ trente et quarante, здѣсь винтикъ, преферансъ.

Севастопольскій Стекъ (оркестръ, играющій въ Монте-Карло) разыгрываетъ премилыя вещицы, и подъ звуки этой музыки цѣлыя вереницы свѣженькихъ личекъ въ вaперовыхъ шляпкахъ шмыгаютъ мимо меня. Масса молодежи, все это,

такъ или иначе, причастное къ морскому дѣлу, учится на подросткахъ ухаживать за барышнями, между тѣмъ какъ папаши и мамаши обмахиваются вѣерами и жалуются на жару.

„Помилуйте, вѣдь въ Александріи не жарче. Только тамъ всюду палатки и, вы ѣдете на ослѣ, а арабъ держитъ надъ вами зонтъ... здѣсь-же, уфъ!“

Я обожаю жару, и одинъ морской папаша, узнавъ, что я все это время отмахивалъ по 30 — 40 верстъ въ день, вѣроятно, принялъ меня за сумасшедшаго.

— Какъ, неужто вы всю жизнь только и дѣлаете, что ходите?

„Ну всю, не всю, а часто... Знаете, какъ пьяница: тотъ больше пьянъ бываетъ, а я все больше въ бѣгахъ обрѣтаюсь“.

Въ этихъ случаяхъ обыкновенно смотрятъ мнѣ на ноги.

Только и перемѣны что износилась одесская обувь.

Остальное обстоитъ благополучно.

XXXIII.

Часто приходится наблюдать слѣдующее:

Молодой человѣкъ отзывается о молодой дѣвушкѣ крайне не лестно: и кокетка-то она, и не развита... и, вдругъ, ко всеобщему удивленію, нѣсколько дней спустя, онъ дѣлаетъ ей предложеніе и женится на ней.

Нѣчто въ этомъ родѣ случилось со мной по отношенію къ Севастополю. Я находилъ здѣсь и то не такъ, и это было не по мнѣ, и, въ заключеніе, буквально влюбился въ этотъ прелестный городъ. Если въ Севастополѣ мало зелени, если севастопольскіе холмы напоминаютъ Сахарійскія дюны, за то: чудное море, вѣчно голубое небо, легкій воздухъ, масса достопримѣчательностей, милые люди и веселая жизнь. Что же касается географическаго положенія Севастополя и удобствъ его бухтъ, то въ этомъ отношеніи онъ незамѣнимъ, и роль его въ дѣлѣ развитія русскаго флота—первенствующая.

Словомъ, если побѣда далась не сразу, зато она окончательная. Теперь я смотрю на все другими глазами, и не дальше какъ вчера, любуясь городомъ съ Историческаго бульвара, находилъ виды отсюда очаровательными. Глазъ приглядѣлся къ этому жанру видовъ. Да и, въ самомъ дѣлѣ, что за одностороннее отношеніе къ природѣ!... точно внѣ сѣверныхъ дубравъ ничего и быть не должно.

Послѣдніе дни въ Севастополѣ...

Чего я еще не видалъ и о чемъ не подѣлился съ читателями?

Для очистки совѣсти слѣдуетъ сходить посмотрѣть Петропавловскій соборъ, который, возобновленъ, на прежнихъ развалинахъ (по образцу аѳинскаго храма Тезея), на средства

Кундышева-Володина, израсходовавшаго на возстановленіе его около 50 тыс. рублей. Петропавловскій соборъ, по своему наружному виду, двѣ капли воды (въ миніатюрѣ)—парижская церковь св. Магдалины, являющаяся перломъ древне-греческаго стиля.

Осмотръ Севастополя я завершаю посѣщеніемъ нѣскольких судовъ, между прочимъ, броненосца „Чесма", на которомъ и остановлюсь болѣе подробно.

„Чесма" принадлежитъ къ типу самыхъ большихъ военныхъ кораблей, закаленныхъ въ броню и вооруженныхъ, кромѣ 5-ти дюймовыхъ и 6-ти дюймовыхъ скорострѣльныхъ орудій, нѣсколькими 12-ти дюймовыми гигантами. Вѣсъ этихъ гигантовъ — 3588 пуд., зарядъ 9 пуд., снарядъ — 18 п. 17 ф. Стоимость такого военнаго корабля—9 милл. руб. Въ Черноморскомъ флотѣ ихъ шесть.

Попадаю я на „Чесму" изъ плавучаго дока. Переѣзжаю на маленькомъ плотикѣ, который подвозитъ меня къ лѣвому борту, ибо къ правому подъѣзжаетъ лишь командиръ судна, да высшее начальство.

Меня встрѣчаетъ вахтенный унтеръ-офицеръ, рябой хохолъ съ заспанной физіономіей. Вообще, хохлацкій элементъ составляетъ главный контингентъ нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота.

Мы идемъ по броненосцу, который мой проводникъ показываетъ мнѣ въ деталяхъ, сыпя ежеминутно разными техническими названіями, коими я нахожу лишнимъ морочить голову читателю.

Интересно побывать на военномъ суднѣ, чтобы имѣть понятіе, что это такое. Напримѣръ, куда ни глянешь, — вездѣ пушки, миноносные аппараты (въ видѣ большихъ, выходящихъ въ море трубъ, куда вставляется мина). Орудія и аппараты эти и въ помѣщеніи командира и адмирала, и въ каютъ-компаніи, гдѣ обѣдаютъ гг. офицеры, словомъ, всякое свободное мѣсто утилизируется съ цѣлью обороны и большей грозности судна. Военный корабль—это, такъ сказать, цѣлая плавучая

крѣпость, гдѣ, рядомъ съ барбетными башнями, имѣется лазаретъ, аптека, церковь и полное хозяйство.

Вахтенный унтеръ-офицеръ показываетъ мнѣ помѣщеніе матросовъ, боевую рубку, закованную въ броню и въ военное время герметически закупоренную, чтобы оградить ее отъ поврежденія, вѣтрогонку, которой вентилируется судно и многое другое, дающее мнѣ нѣкоторое понятіе о военномъ кораблѣ.

„Скажите, на такомъ кораблѣ не качаетъ"?

— Самую малость, а внизу такъ и вовсе нѣтъ... За то шибко заливаетъ; другой разъ полно воды.

„Ну, а какъ умретъ кто—его въ море бросаютъ?"

— Да, коли въ заграничномъ плаваньи... завернутъ въ парусъ, запечатаютъ, отпоютъ, да и въ море.

Захожу въ офицерскія каюты: въ каждой кровать, столъ, шифоньерка, шкапъ, стулъ, зеркало. Въ каютахъ командира и адмирала просторно: цѣлая квартира. Матросы спятъ на полу: для вещей имѣется родъ клѣтокъ, разбитыхъ на четыре отдѣленія.

Вышли на палубу. Матросы ужинали.

Поѣхалъ тѣмъ-же плотикомъ на берегъ. Пристали къ плоту, гдѣ матросы бѣлье стираютъ, тутъ-же они и купаются.

— Мы, какъ качки (утки), цѣльный день въ водѣ плещемся.

„Кто изъ васъ мастеръ пѣсни пѣть?"

— Какихъ вамъ пѣсенъ? У насъ этой моды нѣтъ, какъ въ пѣхотѣ, чтобы заставлять... У насъ кто какую пѣсню знаетъ, такую и кричитъ. Больше хохлацкія. Много у насъ поютъ: Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ...

„А спеціально морскихъ нѣтъ"?

— Есть и морскія...

И онъ, было, запѣлъ:

„Поѣдемъ, охотникъ, кататься,
Я волны морскія люблю"...

но остановился и сказалъ: „не могу"...

„Насъ сейчасъ загонять будутъ".

Потолкавшись эти дни среди моряковъ, я вынесъ о нихъ мнѣніе какъ о людяхъ, стоящихъ по развитію выше прочихъ родовъ оружія (говорю въ данную минуту о нижнихъ чинахъ), но въ силу того, что черноморскій морякъ вербуется главнымъ образомъ изъ хохловъ, въ немъ сильно сказывается хохлацкій характеръ: онъ лѣнивъ и, что называется, себѣ на умѣ, нѣтъ въ немъ этого великорусскаго простодушія.

Въ городѣ моряковъ зовутъ озорниками.

„Ни одной дѣвицы не пропустятъ, чтобы не зацѣпить". жалуются барышни вродѣ моей номерной.

Зато, по мнѣ, ни одинъ костюмъ такъ не хорошъ и такъ не удобенъ, какъ морской. Принимая во вниманіе, что моряки народъ здоровый, коренастый, костюмъ этотъ прекрасно обрисовываетъ ихъ мускулистые торсы, между тѣмъ какъ шапка съ ленточками и названіемъ судна чрезвычайно идетъ къ ихъ круглымъ, загорѣвшимъ лицамъ.

Посмотрѣть со стороны на моряка—картинка!

XXXIV.

Послѣднюю ночь въ Севастополѣ я провожу при курьезной обстановкѣ. Въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ я стою, духота невозможная. Не спится. Иду пройтись на Мичманскій бульваръ, посерединѣ коего находится метеорологическая станція; близъ станціи—мачта съ флюгеромъ, указывающимъ направленіе и силу вѣтра. Съ этой мачты дается сигналъ, по которому, въ полдень, изъ пушки у Лазаревскихъ морскихъ казармъ, дѣлается выстрѣлъ.

Въ кустахъ, близъ станціи, лежатъ матросы.

— Кто идетъ?

„Вольный“.

— Прогуляться пришли?

„Да, жарко, не спится“.

Познакомились...

А какъ далъ на папиросы, и совсѣмъ своимъ сталъ.

— Ночуйте съ нами. На вольномъ воздухѣ хорошо...

Принесли тюфякъ. Я легъ.

Прекрасно! Мѣсто высокое, воздухъ чистый, свѣжій, да и ночь остудила дневной зной.

Лежимъ, сказки другъ другу разсказываемъ, сказки такія, которыми, при всемъ желаніи, съ читателемъ подѣлиться нельзя. Въ такомъ же духѣ и разговоры.

Проходятъ офицеры, дамы. Сюда зачастую забредаютъ влюбленныя парочки, потому мѣсто укромное. Я накинулъ на голову шинель, притворился спящимъ — боюсь, какъ бы кто изъ знакомыхъ не увидалъ.

Дамы говорятъ, лорнируя насъ:

„Боже мой, какъ это они здѣсь спятъ! Насѣкомыя залѣзть могутъ...“

А офицеры:

— Они привыкли, имъ вездѣ хорошо спится...

Я еле удерживаюсь, чтобы не прыснуть со смѣху.

Однако, дамы правы, насѣкомыя (блохи) въ изрядномъ количествѣ позалѣзали ко мнѣ подъ рубашку—и я, спасаясь отъ нихъ, иду бродить по городу.

Луна свѣтитъ во всю, поэтизируя окрестъ. Хотя второй часъ, а Севастополь еще люденъ.

Забредаю на базарную площадь. Храпъ у каждой лавченки, у каждой груды огурцовъ, дынь, или другихъ плодовъ. Все, пріѣхавшее съ вечера къ базарному дню, высыпается тутъ-же, на привезенномъ товарѣ.

— Эй, какой такой! Чего шляешь? вдругъ слышится среди общаго храпа, и передо мной выростаетъ коренастая фигура сторожа, татарина съ фонаремъ и солидной дубинкой въ рукахъ.

Увидавъ меня, татаринъ осклабился и почтительно снялъ шапку. Однако минуту спустя, потрепавъ меня по плечу, онъ, дружескимъ тономъ, сказалъ:

„Пошелъ домой, пошелъ... не шляй здѣсь... не хорошо“.

Я пошелъ. Пошелъ артиллерійской бухтой. На сложенныхъ грудами доскахъ ночевалъ безпріютный людъ, другіе валялись дъ заборами, словомъ—гдѣ кто поудобнѣе прикурнулъ. Въ бухтѣ купались какіе-то люди.

„Петро, пернай (прыгай) скорѣй!“ кричалъ чей-то полупьяный голосъ.

Голый Петро, межъ скалистыхъ утесовъ бухты, бродилъ какъ какое то привидѣніе.

На бульварѣ еще ужинали. Въ клубѣ довинчивали. Въ городѣ, въ открытыхъ окнахъ, мелькали бѣлые силуеты.

„Ночи безумныя, ночи безсонныя,

Рѣчи несвязныя, взоры усталые...“ неслось съ ялика, гдѣ то за купальнями.

На Графской дремали очередные яличники... Запоздалые пассажиры переправлялись на Южную. Отходилъ въ портъ катеръ. Нѣсколько дамъ и мужчинъ мечтали при лунѣ.

Вотъ вамъ Севастополь ночью, такимъ, какимъ я его особенно люблю.

Но, что это за вавилонское столпотвореніе! Здѣсь говорятъ по гречески, тамъ по турецки, тутъ по татарски... Вонъ армянинъ, вонъ грузинъ, вонъ какая то восточная харя, голова повязана тряпицей, вотъ эстонецъ, нѣмецъ-колонистъ, французъ въ „тюбѣ“ и модномъ сюртукѣ, италіанецъ, типичный еврей западнаго края и еврей южный, котораго не отличишь отъ армянина, турка, или грека.

Присмотрѣться къ этому народу, посѣтить его сборища (трактиры, ютящіеся близъ базарной площади), поговорить съ нимъ—въ высшей степени занимательно. Все это люди, и, если по наружному своему виду, они, порой, и страшны, то таковъ только ихъ видъ—они васъ же дичатся, васъ же они боятся, особенно иностранцы. Иностранецъ всего опасается, ему все кажется, что его сейчасъ обидятъ, ограбятъ, потому мало знакомъ съ обычаями страны и склоненъ думать: разъ другой народъ—сейчасъ злые люди, воры. Мы, путешествующіе, знакомы по собственному опыту, съ этимъ чувствомъ.

Болтаю съ туркомъ. Онъ еле маракуетъ по русски. Называетъ мнѣ по турецки разные предметы.

„Человѣкъ?“

— Адамъ...

„Адамъ! А женщина Ева?“

— Нэтъ, и онъ осклабился, обнаруживая ряды бѣлыхъ, какъ пѣнка, зубовъ.

Я знаю всего одно турецкое слово: „узбаши“ — кажется подпоручикъ, или поручикъ. Прошу его перевести. Онъ долго думалъ, сурово сдвинувъ брови.

— Анаралъ, вдругъ изрекъ онъ, высоко подымая руку, дабы показать мнѣ всю важность этой особы.

А вотъ грузинъ. Онъ повелъ меня показать, гдѣ стоитъ Кузнецовская яхта „Форосъ“, которую простонародіе перекрестило въ „хворостъ“. На яхтѣ спущенъ флагъ: Кузнецовъ на дняхъ умеръ. Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться съ „Форосомъ“ заграницей, главнымъ образомъ, на югѣ Франціи, въ Ниццѣ, въ Ментонѣ. Кузнецовъ былъ чахоточный и жилъ на морѣ по совѣту врачей. Однако никакія яхты не спасли его. Отъ смерти не убѣжишь, и чахотка сдѣлала свое дѣло.

Грузинъ, красивый парень, провелъ меня шаговъ сто. Я только полѣзъ въ карманъ за мелкой монетой, какъ онъ уже спрашиваетъ:

„Платытъ будешъ?“

— За что платить?

Онъ добродушно засмѣялся:

„Люблю мелки дэнги карманъ имѣть“.

И послѣ минутнаго раздумья:

„Хочешъ платытъ—платы, нэ хочешъ—нэ нада...“

Только восточные народы умѣютъ такъ наивно клянчить подачку.

Ко мнѣ все пристаетъ какой-то черномазый нищій:

„Знаешъ, дай мнэ дэнги“, или:

„Всэ равно, дай мнѣ что ныбудь...“

Говорится это такимъ комическимъ тономъ — одна рожа стоитъ того, чтобы ему дать. Интонація голоса и пріемы нашихъ нищихъ такъ стереотипны, что и вниманія не обращаешь, здѣсь же остановишься ради того одного, чтобы посмотрѣть на него.

Ему словно весело просить: скулы улыбаются, глаза тоже. Ныть онъ считаетъ лишнимъ, проситъ весело, находя это для себя болѣе выгоднымъ.

И онъ не ошибается въ разсчетахъ — ему даютъ, между тѣмъ какъ отъ истинно несчастныхъ отворачиваются.

Такова жизнь....

XXXV.

Я обожаю ходить на прямикъ, минуя дороги, и потому иногда мнѣ приходится заблуживаться. Такъ случилось и съ моей прогулкой въ Георгіевскій монастырь. Но обыкновенно всѣ эти заблуживанія кончаются для меня пріятными случайностями: неожиданно попадешь туда, куда не попалъ-бы, если-бы шелъ дорогой.

Пережидая дождь, я вышелъ изъ Севастополя часу въ шестомъ вечера, до восьми проблуждалъ по буграмъ, гдѣ стояло нѣсколько дачъ. Ну ужъ и дачи! Удивляюсь, кому охота жить на солнопекѣ, гдѣ ни порядочнаго деревца, ни травинки. По моему, ужъ куда лучше въ самомъ Севастополѣ—тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть море, бульваръ. Ну да на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ. Другому солнечныя ванны прописаны, приходится вытапливать жиръ, или высушать ревматизмы — тѣмъ только здѣсь и жить.

Иду колючей травой, а самъ все озираюсь, какъ-бы какой-нибудь тарантулъ не заползъ. Солнце красное-красное и громадное, какимъ его рѣдко видишь, медленно опускалось въ море. Насталъ тотъ фееричный полусвѣтъ, при которомъ особенно выигрываютъ виды. Къ сожалѣнію, видовъ нѣтъ. Вдали экономія, при ней корчма, дальше французское кладбище.

На кладбищѣ меня встрѣчаетъ цѣлый хоръ цѣпныхъ собакъ. Къ счастью, онѣ были еще на цѣпяхъ.

— Что надо?—ломаннымъ русскимъ языкомъ спрашиваетъ меня господинъ, въ которомъ не трудно было узнать француза.

Я подалъ свою визитную карточку.

— Comment, monsieur Michel de Bernoff, l'illustre voyageur, dont nous lisons si souvent dans le „Petit Journal"! (Какъ, m-r Michel de Bernoff, извѣстный путешественникъ, о которомъ мы такъ часто читаемъ въ „Petit Journal"!).

Меня просятъ войдти, сажаютъ за столъ, представляютъ сидящей за самоваромъ дамѣ, наливаютъ мнѣ чаю.

Столь любезный французъ оказывается господиномъ Гэ, французскимъ консуломъ и смотрителемъ французскаго кладбища.

— Вы, конечно, ночуете у меня... Я васъ не пущу... Куда-же вы пойдете ночью...

Всходитъ луна. Мы идемъ осматривать кладбище.

Посерединѣ мавзолей, съ часовней внутри, гдѣ хранятся возложенные на могилы французскихъ воиновъ вѣнки. На мавзолеѣ значится: „A la memoire des militaires de l'armée française, qui ont succombé devant Sebastopol 1854—55—56. Etat Major Général-Intendance-Corps d'Etat Major—Aumoniers", затѣмъ имена: генераловъ Bizot, Brunet, Mayrand, Breton, Lenormand, de Lourmel, de Marolles, de Pecqueult, de Lavarande, de Ponteves, Rivet, de St. Pol, de Perrin, полковниковъ, чиновъ главнаго штаба и военныхъ духовниковъ. Вокругъ главнаго мавзолея, вдоль ограды, группируются 17 склеповъ съ именами погребенныхъ въ нихъ чиновъ.

— Всего погибло, въ крымскую войну, до 80 тысячъ французовъ,—говорилъ г. Гэ; изъ нихъ тысячъ 25 было убито, остальные умерли отъ холеры.

Рѣчь сама собой касается крымской кампаніи.

— Мы сдѣлали громадную ошибку, что приняли участіе въ этой кампаніи. Во-первыхъ, мы сыграли въ руку нашимъ злѣйшимъ врагамъ, англичанамъ, во-вторыхъ, не сунься мы въ Севастополь, Россія не позволила-бы въ 71 году пруссакамъ такъ жестоко побить насъ. Но мы шли, куда вели насъ наши вожаки. Наполеонъ III, вообще, отличался весьма неопредѣленной политикой; его политика была политикой въ облакахъ (il faisait de la politique dans les nuages). Онъ и

Николай I не симпатизировали другъ другу; эти личныя отношенія и были главнымъ поводомъ войны.

Консулъ преклоняется передъ доблестью русскихъ воиновъ и, вообще, относится крайне симпатично къ русскому народу, ставя, однако, ему въ укоръ его склонность къ пьянству и его природную лѣнь. Относительно Крыма онъ держится мнѣнія, что здѣсь можно было-бы кой-что сдѣлать, но требуются большія затраты и не мало труда.

— Посмотрите, насъ на кладбищѣ, зелень совсѣмъ не плоха, потому что мы ухаживаемъ за деревьями, между тѣмъ, русскій народъ ужасный разбойникъ — чуть дерево станетъ толщиной съ мою руку, его сейчасъ рубятъ. При такой системѣ развѣ возможно разводить лѣса!

Много о чемъ было переговорено, пока одолѣвшая насъ обоихъ зѣвота не дала сигнала ко сну.

Отведенная мнѣ комната выходитъ окнами на кладбище. Я провелъ тревожную ночь... мнѣ все мерещились грозныя картины прошлаго. Сколько народу погибло! Что можетъ быть ужаснѣе войны!...

До Георгіевскаго монастыря, отъ французскаго кладбища, добрый часъ ходьбы. Мѣстность все время пустынна, пустынна вплоть до самаго монастыря, въ который надо войти, чтобы понять ту репутацію живописнаго уголка, коей онъ пользуется. Дѣйствительно, видъ на море и утесы величественный. Монастырь стоитъ на горѣ, круто спускающейся къ морю; два громадныхъ, причудливой формы утеса, придаютъ особую красоту разстилающейся передо мной панорамѣ моря. Три болѣе маленькихъ утеса торчатъ изъ спокойной синевы; на одномъ изъ этихъ утесовъ стоитъ памятникъ въ формѣ креста—на этомъ утесѣ, гласитъ преданіе, появилась чудотворная икона св. Георгія Побѣдоносца.

Мѣсто, гдѣ нынѣ находится Георгіевскій монастырь, полно преданій: здѣсь, какъ гласитъ одно изъ этихъ преданій, на мысѣ Фіоленто, называвшимся въ древности Партеніумомъ, стояло капище Діаны Таврической. Съ распространеніемъ на Крымскомъ

полуостровѣ христіанства, храмъ Діаны былъ разрушенъ и на его мѣстѣ была воздвигнута пещерная церковь, послужившая основаніемъ Георгіевскому монастырю. Монастырь этотъ былъ основанъ греками, которые, будучи застигнуты у мыса Фіоленто бурей, стали молиться св. Георгію, икона коего явилась имъ на скалѣ; буря утихла, и спасенные греки, въ знакъ благодарности, снесли икону на берегъ и построили здѣсь, при пещерномъ храмѣ, монастырь. Во время Крымской кампаніи, въ монастырѣ находился штабъ союзныхъ войскъ. Георгіевскій монастырь, какъ гласятъ о томъ прибитыя на одной изъ церквей плиты, былъ посѣщаемъ въ 1818 и 1825 гг. Императоромъ Александромъ I, а въ 1837 году Николаемъ Павловичемъ. На монастырскомъ кладбищѣ похоронено нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ.

Самъ по себѣ монастырь не представляетъ ничего выдающагося — вся его прелесть въ морѣ и утесахъ. Я спустился внизъ и выкупался. Вода—чистая, какъ кристалъ и свѣжая, но дно неудобно—усыпано камнемъ. На склонѣ горы мнѣ показываютъ развалины дачи, гдѣ жилъ адмиралъ Лазаревъ, и отдающійся въ наймы домикъ, принадлежавшій нѣкогда французскому шпіону Бутону.

Въ самомъ монастырѣ меня ведутъ въ пещерную церковь, менѣе интересную Инкерманской, а въ монастырской гостинницѣ подчуютъ меня прекраснымъ молокомъ, яйцами и домашнимъ обѣдомъ. Вписываю добровольную лепту въ монастырскую книжку и, простившись съ монастырской братьей, отправляюсь въ Балаклаву.

Вотъ, между прочимъ, какъ описываетъ Георгіевскій монастырь, въ своихъ „Очеркахъ Крыма“, Марковъ:

„Это была какая-то безумно-смѣлая волшебная декорація, не имѣвшая ничего общаго съ тѣмъ, что я когда-нибудь видѣлъ, она горѣла и сверкала свѣтомъ и красками, она шумѣла и колыхалась одна въ своей великолѣпной пустынности, безъ человѣка, безъ пищи, безъ живаго дыханія. Она дышала, говорила, смотрѣла сама, не нуждаясь ни въ чемъ и ни въ

комъ, сама нѣмая и безокая красота; образъ искусства и поэзіи, когда-то восхищавшіе мечты и силы, когда-то разцвѣтавшіе, тихо колыхались въ душѣ отъ этого внезапнаго озаренія. Въ это мгновеніе я понялъ всю глубину смысла истертаго выраженія—онѣмѣть отъ удивленія. Я стоялъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ, въ буквальномъ значеніи слова, безъ стилическаго преувеличенія“.

Конечно каждый смотритъ своими глазами, и каково настроеніе человѣка, таково и впечатлѣніе. Я очень люблю Россію и все русское, но не могу не сознаться, что пока наши крымскіе виды не стоятъ, не говоря уже о швейцарскихъ, которые единичны, не стоятъ они и тирольскихъ, и савойскихъ, вообще любыхъ горныхъ видовъ странъ, гдѣ больше зелени и больше благоустройства.

Балаклава—маленькій дачный городъ. Лежитъ онъ у бухты, имѣющій совершенно видъ озера. Обступившіе бухту горы—голы; на одной изъ нихъ торчатъ развалины генуэзской крѣпости съ уцѣлѣвшими башнями и частью стѣнъ.

Балаклава—заштатный городъ, населенъ греками; въ административномъ отношеніи онъ зависитъ отъ севастопольскаго градоначальства, соединенъ съ Севастополемъ шоссейной дорогой, построенной въ 1854—55 гг. союзными войсками и поддерживаемой русскимъ правительствомъ.

Довольно тѣнистый уголокъ подъ Балаклавой это деревня Кадыковка, тоже дачное мѣсто.

———

*

XXXVI.

Я прошелъ тропинкой къ генуэзскимъ башнямъ, сплошь испещреннымъ именами лицъ, посѣтившихъ эти мѣста, сѣлъ на камень и сталъ любоваться разстилавшейся передо мной панорамой. Скалистые берега причудливыми утесами обрывались надъ самымъ моремъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно врѣзалось въ материкъ, образуя Балаклавскую бухту, утесы эти сошлись; ихъ раздѣлялъ лишь узкій проливъ. На взморьи поминутно высовывались изъ воды какія-то чудовища; то были дельфины, или, какъ ихъ тутъ зовутъ, морскія свиньи. На дельфиновъ охотятся изъ за жира, который идетъ на смазку, но охота эта, въ районѣ рыбной ловли, воспрещена, такъ какъ дельфины весьма полезны рыболовамъ: гонялсь за рыбой, они гонятъ ее къ берегу и тѣмъ содѣйствуютъ улову.

Что здѣсь за воздухъ! Кажется, мертваго воскреситъ. Я упиваюсь имъ, какъ какимъ то божественнымъ нектаромъ, и ради него одного, кажется, такъ бы и прилипъ къ этимъ скаламъ и остался бы здѣсь на вѣки.

Темнѣло, загорались звѣзды. Было тихо, какъ въ могилѣ. Я привыкъ къ безмолвію, я люблю его.

Со стороны Балаклавской бухты опять иной видъ, и маленькая Балаклава, сама по себѣ столь мало интересная, весьма оживляла картину голыхъ скалъ и давала панораму, которую если снять,—получился бы весьма кокетливый видъ.

Въ самомъ городѣ на каждомъ шагу попадался мнѣ черномазый греческій типъ.

Говорятъ, балаклавцы ужасно хитрый народъ. Не даромъ говорится: чтобы надуть грека, нужно взять еврея, армянина и татарина.

Въ единственной Балаклавской гостинницѣ, Грандъ-Отелѣ, я имѣю случай предвкусить всю прелесть тѣхъ цѣнъ, что ждутъ меня на южномъ берегу. Нельзя опять не вспомнить Швейцаріи: живописнѣй во всемъ мірѣ нѣтъ этой страны, удобнѣй тоже и дешевле тоже. У насъ все наровятъ нажиться на отдѣльныхъ личностяхъ, швейцарскіе же коммерсанты не дорожатся, стараясь завербовать возможно большее количество потребителей и наживаются на массѣ.

Существуютъ и въ Швейцаріи дорогіе отели и магазины, имѣющіе въ виду исключительно людей богатыхъ, но, рядомъ съ ними, вы найдете массу такихъ, куда можно сунуться и съ небольшими средствами.

Положимъ, въ Крыму нѣтъ того наплыва: положеніе Швейцаріи—исключительное и по центральности, и по красотѣ, и по популярности. Наконецъ,—заграница. Сказать: „я былъ въ Крыму", или „я ѣздилъ заграницу" не одно и то-же, особенно—въ средѣ людей, живущихъ показной жизнью.

Въ Балаклавѣ зажигали огни. Картина становилась еще фееричнѣй.

Я пошелъ въ городъ. Здѣсь меня ждало пріятное знакомство съ командиромъ Балаклавскаго пограничнаго поста, ротмистромъ Надеждинымъ, внесшимъ въ мою путевую тетрадь слѣдующія любезныя строки:

„28 іюля 1895 г. зашелъ на кордонъ пограничной стражи въ г. Балаклавѣ Михаилъ Александровичъ Берновъ и принялъ предложенный ему ночлегъ. Его увлекательные и весьма интересные разсказы о сдѣланныхъ имъ путешествіяхъ по Европѣ и Африкѣ производятъ самое пріятное впечатлѣніе и наводятъ на мысль о самыхъ лучшихъ благопожеланіяхъ въ будущемъ этому замѣчательному русскому путешественнику.

Съ глубокимъ уваженіемъ

Ротмистръ пограничной стражи Н. Надеждинъ".

Многое хорошо заграницей, но такого радушія, какое встрѣчаешь въ Россіи, нигдѣ нѣтъ. И, потомъ, эта сердечность — сейчасъ познакомились, и сейчасъ точно сто лѣтъ знакомы.

У самаго пограничнаго поста греки-рыболовы плетутъ сѣти. Заговариваю съ ними.

„Лучшій уловъ въ октябрѣ, когда Азовское море замерзаетъ, и рыба оттуда и идетъ къ намъ. Мы ловимъ больше султанокъ, камсу, кефаль, скумбрію—все это мелкая рыбица, изъ которой приготовляются русскія сардинки. Вотъ и два сардиночныхъ завода по ту сторону бухты. Попадается и красная рыба: бѣлуга, напримѣръ. Въ октябрѣ приходятъ сюда въ изобиліи и морскія свиньи. Безъ нихъ рыбы не поймаешь: она сбивается въ глубинѣ, морскія же свиньи гонятъ ее къ берегамъ. Работаемъ мы въ компаніи; напримѣръ, два хозяина и человѣкъ двадцать рабочихъ. Хозяева поставляютъ все, нужное для ловли; уловъ дѣлится пополамъ, половина идетъ хозяевамъ, половина—рабочимъ“.

Заходитъ рѣчь о Балаклавѣ.

„До 54 года здѣсь были лѣса, сады, но англичане, стоявшіе въ Балаклавской бухтѣ, вырубили все, даже фруктовыя деревья, и Балаклава, послѣ Крымской кампаніи, превратилась въ сплошныя развалины“.

Чего у Крыма не отымешь, это—его бухтъ. Такихъ бухтъ нигдѣ нѣтъ. Напримѣръ, Балаклавская бухта совершенное озеро и, между тѣмъ, глубиной до 18 сажень, такъ что сюда свободно заходятъ военные крейсера.

— Скажите, спрашиваю туземцевъ, вы говорите по гречески, на чисто греческомъ діалектѣ?

„Нѣтъ, нашъ діалектъ не совсѣмъ чистый; онъ съ примѣсью татарскихъ, русскихъ словъ. А ужъ коли выругаться когда нужно, непремѣнно ругаемся по русски, по гречески какъ то неудобно“.

Отсутствіе зелени и недостатокъ благоустройства—вотъ главные недостатки Балаклавы, куда, ради воздуха и купанья, пріѣзжаютъ на лѣто со всѣхъ концовъ Россіи.

„Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“...

Ночью былъ дождь, и утромъ небо хмуро. Ротмистръ мнѣ даетъ проводника (пограничнаго солдатика), и я отправ-

ляюсь съ нимъ, ближайшей горной патрульной тропинкой, въ Байдары.

Мой проводникъ — симбирецъ, примѣрный солдатъ. Вся его жизнь создалась изъ случайностей: „случаемъ женился, случаемъ въ солдаты попалъ и случаемъ здѣсь очутился". Съ виду не казистъ, но душа золотая.

Вдругъ нагнало тучъ—черныхъ-пречерныхъ; нагнало ихъ съ моря и прошли онѣ всѣ надъ самой нашей головой. Лило часа два подрядъ, какъ изъ ведра. Гроза бушевала сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мы укрылись подъ деревомъ и, признаюсь, струхнули. Сначала мой проводникъ мужался, говоря: „семи смертей не бывать, а одной не миновать", но когда раскаты повторялись все чаще и чаще и когда они стали слѣдовать тотчасъ-же за молніей, сверкавшей тутъ, совсѣмъ близко, и ослѣплявшей насъ своимъ сіяніемъ, мой солдатикъ перестал владѣть собой. Два раската было такихъ, что онъ съ крикомъ отскочилъ отъ меня.

— Что съ тобой?

„Молынья на васъ падаетъ"....

Я его напугалъ своимъ зонтикомъ, сказавъ, что спицы этого зонтика, будучи желѣзными, могутъ привлечь на меня ударъ.

— Тоже можетъ случиться и съ твоимъ штыкомъ; ты лучше сними его да воткни подальше въ землю; какъ гроза пройдетъ—ты его возьмешь.

„Что вы, баринъ, нешто можно, казенную то вещь! А коли это самое лектричество его унесетъ — вѣдь мнѣ пропадать придется. Нѣтъ, лучше пущай меня убьетъ, а штыка я не скину".

Кого не застигала гроза въ горахъ, тотъ не можетъ себѣ представить, что это за грандіозное, невольно нагоняющее паническій страхъ зрѣлище. Казалось, сами горы рушились на насъ... и только думалось одно: убьетъ, или не убьетъ. Но слава Богу, все обошлось благополучно. Гроза прошла—и мы кое какъ добрались, почти доплыли до деревни Варнаутки.

Я промокъ до костей, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Платье пришлось прямо выжимать. Къ счастію, мы попали къ весьма симпатичному греку изъ Трапезонда, который, за небольшую плату, состряпалъ намъ обѣдъ, досталъ водки и просушилъ наше платье. Все, что было со мной, пришло почти въ абсолютную негодность: книги и тетради размокли, платье полиняло. Нѣсколько подобныхъ ливней и, право, я былъ бы вынужденъ отказаться отъ путешествій пѣшкомъ. Зато утромъ у меня заложило грудь, и ливень, явившійся въ своемъ родѣ лѣченіемъ по системѣ Кнейпа, очистилъ мнѣ легкія и вообще придалъ мнѣ бодрости. Если взять неизнѣженнаго современной цивилизаціей человѣка и пустить его подъ дождь, я полагаю, это лишь послужитъ ему въ пользу. Призывая во всѣхъ моментахъ своей жизни философію, можно жить, какъ говорятъ французы, sans se faire de bile.

Nach'm Regen Sonnenschein (послѣ дождя солнце свѣтитъ), говоритъ нѣмецкая поговорка и, если я часто жаловался на жару, то какъ пріятно мнѣ видѣть сейчасъ проясняющійся небесный сводъ и показывающееся солнышко. Да оно мнѣ и необходимо—помилуйте, какія-же будутъ Байдарскія ворота безъ солнечнаго восхода!...

Мой грекъ занимается табаководствомъ. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ производствѣ, съ его словъ: табакъ сѣется въ февралѣ, въ маѣ разсаживается разсада, если нѣтъ засухи, уже въ концѣ іюня приступаютъ къ первому сбору: „ломаютъ“ отъ корня листья, начинающіе уже желтѣть. Такихъ сборовъ бываетъ въ лѣто до пяти; лучшими считаются третій, четвертый. Листья сушатся, сортируются и связываются въ „папушки“ (листовъ по восьми), затѣмъ изъ этихъ папушекъ дѣлаются пачки (отъ пуда до трехъ) и въ такомъ видѣ табакъ продается табачнымъ фабрикантамъ. Цѣны зависятъ отъ качества табака; онѣ колеблются между рублемъ и двѣнадцатью за пудъ.

Вся Варнаутка и большинство сосѣднихъ деревень занимаются разведеніемъ табака.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о мѣстностяхъ, которыми мнѣ пришлось проходить. Горы стали лѣсистѣй. Между Балаклавой и Варнауткой тянутся лѣса графа Мордвинова. Это, собственно говоря, не лѣса, а лѣски—рѣдкое дерево крупное, нѣсколько дубовъ, остальное—мелочь. Но издали этотъ кустарниковидный лѣсокъ чрезвычайно скрашиваетъ горные виды. Поляны голы. Селенья рѣдки и что за селенья!—по нѣскольку лачугъ. Попадаются виноградники. Отъ Варнаутки въ Байдары иду шоссейной дорогой.

XXXVII.

Шоссе все время прекрасное. Мѣстность мнѣ напоминаетъ уголки Швейцаріи въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ горы не такъ высоки и гдѣ Швейцарія болѣе живетъ собственной, патріархальной жизнью, а не тѣмъ водоворотомъ, который встрѣчаешь въ Люцернѣ, Интерлакенѣ, Монтрэ, гдѣ холится туристъ, составляющій предметъ главной швейцарской индустріи—l'industrie de l'etranger. Вродѣ этихъ видовъ—границы Бадена, сѣверная часть французской Швейцаріи, туда—къ Понтарліе, Монбельяру.

Стемнѣло. А въ деревню Байдары я попадаю и совсѣмъ вечеромъ. Подъ Байдарами нѣсколько дачъ, гдѣ видны огоньки. Въ потьмахъ не особенно разбираешь мѣстность, но курчавые силуэты кустовъ и деревьевъ свидѣтельствуютъ о томъ, что, наконецъ-то, я попалъ въ зеленую часть Крыма.

Деревня Байдары не велика, но, находясь на большой дорогѣ, на бойкомъ, такъ сказать, мѣстѣ, она оживлена и, до извѣстной степени, приспособлена къ пріему гостей. Два постоялыхъ двора, нѣсколько кофеенъ, лавочки... Деревня—татарская, народъ—красивый, типичный.

Я захожу въ турецкую кофейню. Хозяинъ, константинополецъ, чрезвычайно вѣжливъ и предупредителенъ. Онъ плохо говоритъ по-русски, больше жестикулируетъ.

„Пагады нымножко... Когда будетъ (онъ показалъ два перста), ты ступай, ступай Бардарски ворота... солнце... Хорошо солнце“.

Онъ сварилъ мнѣ кофе по-турецки и продолжалъ трещать, мѣшая турецкій языкъ съ тѣми нѣсколькими словами, которыя онъ зналъ по-русски.

Ко мнѣ подсѣла компанія: мулла, въ чалмѣ и бѣломъ халатѣ, сборщикъ податей и бывшій волостной писарь. Съ послѣднимъ мнѣ легче всего объясняться: онъ говоритъ по-русски и по-татарски. Онъ-же служитъ мнѣ переводчикомъ въ разговорахъ съ муллой и сборщикомъ.

— Жители Байдарской долины,—разсказываетъ мнѣ писарь, прежде почти исключительно занимались рубкой лѣса. Сейчасъ наслѣдники графа Мордвинова выиграли процессъ, продолжавшійся 90 лѣтъ. Лѣса Байдарской долины признаны собственностью наслѣдниковъ, и рубить эти лѣса запрещено. Вы-бы посмотрѣли, какъ ихъ раньше рубили, что называется—зря. Иному нужна дощечка, скажемъ, въ квадратный футъ, а онъ громаднѣйшее дерево рубитъ, возьметъ себѣ, что ему надо, а остальное бросаетъ, пусть гніетъ. Бывало отъ этихъ остатковъ въ лѣсахъ проѣзду не было; сейчасъ этого нельзя—плати 50 коп. за возъ, да руби одинъ олешникъ, крупнаго лѣса не смѣй трогать. Вотъ и стали теперь, по этой самой причинѣ, и хлѣбопашествомъ заниматься. Мы очень отъ безводія страдаемъ, оттого и садовъ разводить нельзя—нечѣмъ поливать. Есть нѣсколько колодцевъ, да въ колодцахъ вода какая-то горькая, не хороша для поливки“.

Въ кофейню врывается пьяная компанія. Турокъ негодуетъ.

„Не ходы сюда пьяный, ступай Богомъ“.

Одинъ паренекъ, позадористѣй, ругаетъ его „турецкой лопатой“. Турокъ пускаетъ въ ходъ русскія словца. Это первое, чему учатся у насъ иностранцы. Просто уморила меня эта русско-турецкая перебранка.

Пьяныхъ выпроводили, кофейню закрыли. Меня хозяинъ уложилъ на одномъ изъ дивановъ и обѣщалъ разбудить въ два часа.

Я самъ проснулся раньше и пошелъ къ Байдарскимъ воротамъ. Ночь стояла свѣжая. Нѣтъ-нѣтъ, да и закапаетъ. Луна взошла поздно и все больше обрѣталась въ облакахъ. Отъ деревни Байдары до Байдарскихъ воротъ верстъ пять; дорога идетъ лѣсными дачами графа Мордвинова. Видъ по-

крытыхъ мелкимъ лѣсомъ холмовъ съ возвышающимися надъ ними болѣе высокими горами, тоже усѣянными лѣсомъ, особенно ночью, въ полу-served мракѣ, весьма величественъ. Дорога вьется змѣйкой, какъ вообще всѣ горныя дороги. Полное безмолвіе и безлюдье. Жутко. Тутъ, говорятъ, волки водятся. Стараюсь не нервничать, но это мнѣ не всегда удается. При малѣйшемъ шорохѣ вздрагиваешь, порой камень, кустъ принимаешь за человѣка.

Но вотъ огоньки—палатки; въ палаткахъ этихъ живетъ филоксерная команда, занимающаяся истребленіемъ филоксеры. Нѣсколько шаговъ дальше—почтовая станція, Байдарская гостинница (маленькій домишка), и пресловутые Байдарскія ворота. Я гдѣ то читалъ, что ворота эти образуются двумя скалами — даже вблизи такихъ скалъ нѣтъ, прямо ворота, вродѣ крѣпостныхъ воротъ. Было слишкомъ темно, чтобы хорошенько разглядѣть видъ. Видна была пропасть да море, остальное сливалось съ общимъ тономъ ночи.

Но вотъ стала разсвѣтать. Я былъ предупрежденъ, что сейчасъ солнце всходитъ за горой и что, слѣдовательно, того восхода, которымъ пріѣзжаютъ любоваться къ Байдарскимъ воротамъ, я не увижу. Надо для этого побывать здѣсь попозднѣй, осенью.

Передо мной распахнулась кудрявая пропасть, гдѣ лентой вилась дорога. Пропасть эта спускалась круто къ морю, которое, будучи вставлено въ просторную рамку горъ, давало величественную картину водной шири. Небо было хмуро, отъ времени до времени накрапывалъ дождикъ, и облака, какъ клубы дыма, то ползли по утесамъ, то спускались къ самому морю, то обдавали насъ пронизывающей до костей сыростью. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось все выше и выше, окраска неба, моря и горъ мѣнялась, пока широкая волна свѣта не охватила, общимъ лучезарнымъ сіяньемъ, всей панорамы. Панорама, безспорно, была не изъ заурядныхъ. Тотъ, кто никогда ни моря, ни горъ не видѣлъ, прямо былъ бы способенъ разинуть ротъ, но и видѣвшему и горы, и море,

есть чѣмъ полюбоваться. У моихъ ногъ зіяла лѣсистая пропасть, посерединѣ коей, на пригоркѣ, стоялъ построенный Кузнецовымъ храмъ. Правѣй у самаго моря, виднѣлось имѣніе Кузнецова „Форосъ“. Влѣво за гору уходила дорога въ Ялту.

Конечно, у Байдарскихъ воротъ, какъ вообще вездѣ у насъ, на Руси, ни малѣйшаго намека на желаніе предоставить публикѣ извѣстныя удобства, извѣстный комфортъ. Вездѣ заграницей—какихъ бы тутъ отелей настроили, старую полуобвалившуюся площадку сверху воротъ замѣнили бы башенкой, откуда можно было бы любоваться видами на всѣ стороны, зрительную бы трубу туда поставили. Эхъ, мало ли что можно было бы здѣсь устроить!

А отель... Даже порядочнымъ постоялымъ дворомъ его назвать нельзя, между тѣмъ лупятъ... Ни ресторанчика, ни кофейни... а проѣздъ громадный, десятками экипажи ночуютъ. Здѣсь, если бы умѣлому человѣку взяться, за два—три сезона состояніе себѣ составить можно. Что денегъ, что ли нѣтъ? Или людей? Сердце кровью обливается, при видѣ подобной непредпріимчивости, подобнаго равнодушія. Байдары, такое популярное на Руси мѣсто, держится въ такомъ примитивномъ состояніи!....

XXXVIII.

Я попалъ въ „Форосъ“, имѣніе покойнаго А. Г. Кузнецова въ весьма неудачный моментъ, какъ разъ въ девятый день кончины владѣльца имѣнія. Разумѣется, панихида, послѣ панихиды поминальный завтракъ. Несмотря на это, управляющій имѣніемъ, г. Янинъ нашелъ таки возможнымъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ, чтобы сообщить мнѣ кой-какія свѣдѣнія какъ о покойномъ Александрѣ Григорьевичѣ, такъ и о „Форосѣ“.

Г. Янинъ очень настойчиво приглашалъ меня принять участіе въ поминкахъ, но я, никогда не знавшій покойника и не имѣющій генеральскаго чина, чтобы присутствовать на поминкахъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, отклонилъ это приглашеніе.

„Александръ Григорьевичъ“, говоритъ мнѣ г. Янинъ, былъ человѣкомъ весьма отзывчивымъ къ нуждамъ людей, обращавшихся къ нему. Онъ много сдѣлалъ добра. Купивъ „Форосъ“, онъ оживилъ это мѣсто: сталъ поддерживать винодѣліе, которое здѣсь не особенно прививается.“

Предпринимая все новыя и новыя работы, Кузнецовъ давалъ заработокъ тысячамъ рабочихъ рукъ. Смерть его оплакиваютъ весьма многіе. Кромѣ того, онъ былъ человѣкомъ образованнымъ, чрезвычайно любилъ живопись и покровительствовамъ художникамъ.

Свое колоссальное состояніе онъ унаслѣдовалъ отъ дяди и матеріально нисколько не зависѣлъ отъ отца, котораго онъ былъ въ нѣсколько разъ богаче.

„Форосъ“, собственно говоря, барская вилла. Доходной статьей являются Форосскіе погреба. Это единственное въ своемъ родѣ сооруженіе: погреба выстроены, въ формѣ звѣзды, по образцу существующихъ въ Шампаніи. Сидятъ они въ землѣ ниже 28 футовъ т. е. на глубинѣ постоянной температуры (10—11°R) и вмѣщаютъ отъ 75 до 100 тысячъ ведеръ.

Подъ „Форосомъ“ имѣется 300 десят. земли, изъ коихъ 6 десятинъ подъ паркомъ, $15^{1}/_{2}$ подъ виноградниками, остальное подъ постройками, огородами и лѣсомъ. Погреба устроены съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ каждомъ крылѣ (ихъ всего 5) хранилось вино одного года. Когда всѣ пять крыльевъ наполнены, продается вино болѣе старое и на его мѣсто ставится молодое и т. д. Постройка этихъ погребовъ обошлась въ 130 тысячъ рублей.

Отъ Байдарскихъ воротъ, спускаясь тропинкой въ „Форосъ“, приходится проходить мимо церкви, выстроенной Кузнецовымъ и обошедшейся ему, не считая денегъ положенныхъ на церковь, свыше 150 тысячъ рублей. Если смотрѣть сверху, церковь кажется стоящей недалеко отъ моря, снизу-же вы ее видите на страшной высотѣ (около 2000 футовъ)—до нея изъ усадьбы 7 верстъ. И снаружи, и внутри она блещетъ изяществомъ отдѣлки. Внутри имѣются два цѣнныхъ образа: „Тайная Вечеря“ художника Урзукова и „Рождество Христово“—Владиміра Маковскаго. Съ церковной террасы открывается прелестный видъ на всѣ стороны.

Продолжая держаться тропинокъ, я значительно сокращаю дорогу. Иду каменьями, кустарникомъ. Издали видъ на усадьбу не представляетъ ничего особеннаго, и я совершенно не ожидаю тѣхъ прелестей, которыя мнѣ предстоитъ увидать въ „Форосѣ“.

Начинаю съ осмотра дома, палаццо стиля итальянскаго ренессанса; онъ подтверждаетъ мнѣ слова г. Янина—дѣйствительно, видно, что Кузнецовъ любилъ и понималъ искусство. Нѣтъ ни одного зауряднаго полотна въ этой многочисленной коллекціи, гдѣ сгруппированы почти всѣ наши выдающіеся

художники—В. Маковскій: „Ярмарка въ Малороссіи“, Ликъ Спасителя, три малороссійскихъ жанровыхъ картинки; К. Маковскій: „Грезы“, „Русалка“, Харламовъ: „Мыльные пузыри“, пейзажъ Орловскаго, „Нижегородская ярмарка“, Боголюбова, Сѣдова: „Выборъ невѣсты“, „Монахъ“, Сверчкова: „Охота“, „Тройка“, по картинѣ Айвазовскаго и Судковскаго, двѣ акварели Трутовскаго и 15 пано Клевера (по три аршина длиной каждое). Цѣлый музей и какой музей!—все имена и все шедевры. Я очень люблю картины, и посѣщеніе дома Кузнецова доставило мнѣ истинное эстетическое наслажденіе. Рядомъ съ картинами,—мебель, вазы, саксонскій фарфоръ, все это отличается изяществомъ и вкусомъ. Видна рука много путешествовавшаго барина, а не какого нибудь разбогатѣвшаго купчика.

Я вышелъ въ садъ. Куда ни взглянешь, вездѣ цвѣты: цѣлыя поляны розъ, ліаны вьющихся растеній, кустики, деревья. Особенно въ такъ называемомъ райскомъ саду—дѣйствительно здѣсь настоящій рай. Это Флоренція, Ницца, тропики—все вмѣстѣ. Восторгъ! До 6000 различныхъ растеній. Хотя растенія и не особенно высоки, за то, что за планировка, сколько фантазіи въ этихъ чудныхъ уголкахъ! Фонтаны, каскады, мостики, цѣлая вольера канареекъ, лебеди, плантаціи банановъ, лѣса пальмъ. Трудно себѣ представить нѣчто болѣе фееричное, болѣе декоративное. На подмогу громаднымъ затратамъ, вкусу и геніальному садовнику пришла сама природа, климатъ, и, вчетверомъ, они дѣйствительно разбили рай земной. Въ форосскихъ садахъ соединены всѣ прелести самыхъ очаровательныхъ европейскихъ прогулокъ. Сады эти приготовили къ пріѣзду хозяина.

Въ какихъ-то онъ садахъ блуждаетъ теперь?...

XXXIX.

Когда поминки по Кузнецовѣ кончились, я присоединился къ обществу, состоявшему, главнымъ образомъ, изъ служащихъ въ имѣніи „Форосъ“: семьи управляющаго, батюшки, врача, архитектора, членовъ филоксерной комиссіи, почтмейстера со станціи Байдары и нѣсколькихъ знакомыхъ г. Янина. Изъ родственниковъ, или знакомыхъ г. Кузнецова никого не было.

Общество перешло во флигель, гдѣ живетъ г. Янинъ и откуда открывается безподобный видъ на море.

Небо и море давали такую дивную гамму блѣдныхъ тѣней, что я положительно записался въ число самыхъ ярыхъ поклонниковъ морскихъ видовъ. Море—это главная прелесть Крыма, и если Альпы выше, причудливѣй, зеленѣй, оживленнѣй, зато въ Альпахъ нѣтъ моря.

И, между тѣмъ, какъ сзади рельефнѣе выдвигались силуэты скалъ, на горизонтѣ росли огненныя, розовыя, дымчатыя горы, грандіознѣй и причудливѣй самого Монъ-Блана.

Рѣчь шла о Ялтѣ.

„Это ужасно, что у насъ творится“, — жаловалась одна ялтинская жительница: нѣкоторыя пріѣзжія дамы ведутъ себя съ татарами такъ неприлично, что просто краснѣешь за нихъ. Онѣ воображаютъ, что въ Ялтѣ все останется шито-крыто и очень ошибаются: на нихъ всѣ пальцами указываютъ. Татаре, избалованные подобными дамами, держатъ себя весьма нахально и воображаютъ, что всѣ русскія дамы одного сорта. Они прямо говорятъ: „Русскій дама это любитъ. У русскій

дамъ во какой балшой карманъ“. Сколько было скандаловъ! Положимъ, съ ялтинскими жительницами они тише воды, ниже травы, но другая пріѣзжая не зная всѣхъ этихъ исторій, ѣдетъ одна съ татариномъ въ горы—и много разъ такія поѣздки кончались исторіями. Дамъ, бѣгающихъ за татарами, такъ и зовутъ въ Ялтѣ „жетемистками“ (отъ слова je t'aime), а татаре, пользующіеся особымъ успѣхомъ, носятъ кличку „жетемовъ“. Другой разъ надо-бы взять съ собой татарина, но, у насъ въ Ялтѣ, дама, показывающаяся съ татариномъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, сейчасъ думаютъ Богъ знаетъ что, такъ что приходится отказываться отъ ихъ услугъ“.

Интересная особа мать г. Янина, старушка лѣтъ за 70, сибирячка изъ Томска. Славная женщина!

— Ѣхала я сюды, разсказываетъ она, двадцать дёнъ. Какъ пришла на пароходъ—народу тьма тьмущая, никогда я еще въ своей жисти ни на машинѣ, ни на пароходѣ не ѣзжала—стою и плачу. И сама не знаю, чего плачу. Ну потомъ обошлось. Ничего, благополучно доѣхала.

„Нравится вамъ здѣсь?“

— Такъ себѣ. Съ сыномъ давно не видалась.

„Ну, а море?“

— Да что мнѣ море, какая мнѣ отъ него корысть? Я въ немъ не купаюсь, не умываюсь; церквей здѣсь нѣтъ; есть одна, да ходить и далеко, и высоко, не взлѣзешь. У насъ, въ Томскѣ, архіерейское служеніе, архіерей такой славный... и старушка просіяла.

Мое дѣло—осмотрѣлъ да и дальше. Не сидится мнѣ на одномъ мѣстѣ, какъ-бы хорошо мнѣ тамъ не было.

Захожу на пути въ уже описанные форосскіе погреба: центральная часть—круглая, снабжена лебедкой для нагрузки и выгрузки погребовъ. Тутъ-же и бондарня. Дальше—зданіе, гдѣ помѣщается паровая машина, служащая для освѣщенія имѣнія электричествомъ, а также для телефона, коимъ соединенъ „Форосъ“ съ Байдарами. Еще дальше—лавка.

Меня предупреждаютъ, что въ виду того, что филоксера свирѣпствуетъ въ этомъ районѣ, меня могутъ не пропустить въ сосѣднее имѣніе Мшатку, г-жи Данилевской.

„Мы не смѣемъ ни продать, ни подарить никому ни ростеньица, ни цвѣтка. Филоксера, говорятъ, садится и на другія ростенія, хотя питается исключительно лозой. Не такъ давно всѣхъ, кто шелъ изъ „Фороса“ въ сосѣднія имѣнія, очень тщательно дезинфекцировали, смазывали, напримѣръ, подошвы“...

Мнѣ никто слова не сказалъ. Положимъ я перелѣзъ черезъ заборъ.

Имѣніе Данилевской интересно своимъ садомъ. Домъ — старинный, мебель—начала этого столѣтія, старая библіотека, весьма старинные фоліанты, оставшіеся послѣ смерти Николая Яковлевича Данилевскаго, извѣстнаго естествоиспытателя и автора научныхъ трудовъ: „Россія и Европа“, „Дарвинизмъ“ и др. Въ данную минуту имѣніе принадлежитъ вдовѣ и дѣтямъ. Семья весьма многочисленная и чрезвычайно милая.

Меня повели по имѣнію барышни, изъ коихъ одна поразила меня своимъ знаніемъ ботаники и латыни. Тѣмъ временемъ старшему сыну, лицеисту подали лошадь; юноша собирался ѣхать въ горы въ полу-малороссійскомъ, полу-татарскомъ костюмѣ, который очень къ нему шелъ.

— Нашему саду много лѣтъ, говоритъ мнѣ m-lle Данилевская, онъ разросся, сталъ тѣнистый такой. Отецъ держался принципа разводить только тѣ растенія, которыя могутъ рости здѣсь въ грунту. Я съ дѣтства слышала отъ отца названія всѣхъ этихъ растеній и выучила ихъ наизусть. Вотъ лагештренія (чудныя грозди лиловыхъ цвѣтовъ, издали вродѣ сирени), вотъ діосперусъ; его фруктъ по цвѣту похожъ на мандаринъ, очень вкусный, вотъ каликантусъ...

Меня ведутъ въ бамбуковую рощицу. Бамбуки довольно внушительныхъ размѣровъ и солидной толщины. Изобиліе фиговыхъ деревьевъ, гранатъ. Я пробую крымскую рябину—она

въ четыре раза крупнѣе обыкновенной, и сочная, сладкая. Но всего лучше кипарисы. Масса ихъ, особенно вокругъ того мѣста, гдѣ похороненъ Данилевскій. Чудные кипарисы! Я обожаю это дерево; его темная, граціозная фигурка рѣзко выдѣляется среди другихъ деревьевъ, и для вида онъ незамѣнимъ.

XL.

Данилевскіе приглашають остаться, но times is money—и я иду дальше.

Дальше каждыя 2—3 версты имѣніе, дача. У самаго моря дача сенатора Маркуса, домъ въ восточномъ вкусѣ, съ четырьмя башнями по угламъ. Повыше — „Лемнеизъ" Олива, симферопольскаго предводителя дворянства.

Здѣсь я завтракаю и знакомлюсь съ филоксернымъ вопросомъ. У г. Олива—уничтожены всѣ виноградники.

Вотъ краткія свѣдѣнія о филоксерѣ:

Оказывается, въ Россіи занято виноградниками приблизительно 120.000 десятинъ; изъ собираемаго на нихъ винограда выдѣлывается слишкомъ 14 мил. ведеръ вина.

Филоксера появилась впервые на Крымскомъ полуостровѣ въ 1880 г. въ имѣніи Раевскаго—Тессели (смежномъ съ Форосомъ). Она была открыта Данилевскимъ, и министерствомъ государственныхъ имуществъ было ассигновано 93 тысячи рублей на истребленіе ея. Нигдѣ правительство, исключая Швейцаріи, не принималось такъ своевременно и съ такой энергіей за борьбу съ заразой, какъ у насъ.

Существуютъ двѣ системы борьбы съ филоксерой:

1) Уничтоженіе филоксеры, причемъ уничтожаются, вмѣстѣ съ насѣкомыми, также и всѣ части зараженныхъ кустовъ.

2) Лѣченіе зараженныхъ виноградниковъ.

Первый способъ требуетъ единовременно большихъ затратъ, но за то впослѣдствіи, годъ отъ году, эти затраты все уменьшаются; второй способъ не требуетъ единовременныхъ большихъ затратъ, но онъ не пріостанавливаетъ распространенія заразы.

Въ Швейцаріи, въ Женевскомъ кантонѣ, уничтоженіе открытаго въ 1874 г. зараженія на 4 гектарахъ стоило 63,172 франка, а въ 1881 г. зараженіе найдено уже всего только на 0,17 гектара, уничтоженіе коего обошлось лишь въ 11.757 фр. Во Франціи погибли сотни тысячъ десятинъ лучшихъ садовъ. какъ-то: Эрмитажъ, Кондріе, Котъ-роти, Маргонъ и др. Къ способу лѣченія Франція пришла по необходимости, такъ какъ появленіемъ филоксеры она была застигнута врасплохъ, когда еще не знали ни сущности болѣзни, ни способовъ ей противодѣйствовать; пока придумывались и испытывались различныя средства борьбы съ бѣдствіемъ, зараза приняла такіе широкіе размѣры, что на радикальное уничтоженіе филоксеры потребовались-бы слишкомъ большія, совершенно немыслимыя затраты,—по необходимости, пришлось ограничиться лѣченіемъ.

Насколько мнѣ извѣстно, во Франціи почти вездѣ введена американская лоза, переносящая заразу. У насъ пока ведется радикальный способъ борьбы съ филоксерой, и садка американской лозы, какъ могущей распространить заразу, воспрещена. Для уничтоженія филоксеры вся зараженная площадь перекапывается и дезинфекцируется, частью при помощи газовой извести съ сѣрноуглеродистымъ каліемъ, частью сѣрнистымъ углеродомъ.

Въ Крыму филоксера—корневая, и, такъ какъ лоза сидитъ глубоко въ землѣ, менѣе опасная.

За Лименеизомъ слѣдующее имѣніе Кокорева. Имѣніе недавно куплено, оно было запущено и теперь только приводится въ порядокъ. Чудный видъ, лучшій, кажется, на южномъ берегу: берегъ врѣзывается тремя мысами въ море. образуя красивый зигъ-загъ, а горы даютъ рядъ весьма живописныхъ группъ.

Хозяевъ только ждутъ. Сидитъ прислуга и чаекъ попиваетъ — питерскіе: поваръ, буфетчикъ, двѣ горничныхъ, еще какой-то молодецъ. Вѣжливые, обходительные, видно — привыкли въ столицѣ видѣть разныхъ людей.

Верстахъ въ трехъ—Кастополи; ихъ три. Я иду все время нижней дорогой, тропинкой—то у самаго моря, то надъ моремъ. Приходится лазить, спускаться, опять лазить... Прекрасная гимнастика! Мѣстами тропа сбита, того и гляди, упадешь въ пропасть. Гдѣ дикія мѣста — каменныя глыбы, рѣдкій кустарникъ, гдѣ зелено—виноградники, табакъ, кипарисы, фруктовые сады. И все время — море, которое мнѣ позволяетъ оріентироваться.

Я любовался видами снизу, теперь буду смотрѣть ихъ съ высоты. Постепенно подымаюсь къ шоссейной дорогѣ. Не доходя деревни Кучукъ-кой, открывается дивный видъ. Забылъ и о Швейцаріи думать. Восторгъ!

Деревня Кучукъ-кой весьма типична: домишки еле отъ земли видны, крыты землей. Масса зелени. Цѣлые сады фиговыхъ деревьевъ, грецкихъ орѣховъ, табакъ, виноградъ...

Вотъ курьезное дерево: вѣтви, какъ этажерка, и на деревѣ—громадный стогъ сѣна.

Мечеть. Близъ мечети—кладбище и родъ будки съ небольшими квадратными отверстіями, черезъ которыя мулла созываетъ правовѣрныхъ на молитву.

Мнѣ попалось весьма колоритное шествіе: дѣвочка лѣтъ 8-ми, въ татарской шапочкѣ, обшитой цехинками, въ крашенныхъ, заплетенныхъ мелкими косичками волосахъ и пестрой, длинной блузѣ, вела лошадь, сзади шелъ отецъ, типичный татаринъ въ расшитой золотомъ курткѣ, а двѣ нарядныхъ татарки отстали и о чемъ-то громко разговаривали.

У колодца плескались дѣти. Дѣвочки-подростки мыли ногами бѣлье. Пришли дѣвушки съ оловянными кувшинами.

Все это этнографическія картины, которыхъ не увидишь на Западѣ.

Выбираюсь на шоссе у деревни Кекенеизъ, гдѣ почтмейстеръ разрѣшаетъ мнѣ ночевать на станціи.

XLI.

Если мнѣ не удалось полюбоваться восходомъ солнца на морѣ, зато на Кикенеизской почтовой станціи я видѣлъ восходящую луну. Румяная, подымалась она изъ самаго моря и медленно плыла по небу.

Южный берегъ начинаетъ становиться положительно сказочнымъ. Такому богатству растительности, такому разнообразію видовъ можетъ позавидовать любой прославленный уголокъ Европы.

Остается лишь удивляться тому, что здѣсь не создалось второй Ривьеры.

Пока часто встрѣчаются имѣнія и дачи, но большинство построекъ или ветхи, или весьма заурядны.

Въ общемъ, я прошелъ до Алупки, и въ этомъ районѣ южный берегъ мало заселенъ; мало заселенъ и туземнымъ населеніемъ, и пріѣзжими, хотя, въ этомъ году, удешевленный тарифъ привлекъ въ Крымъ значительно больше туристовъ и больныхъ, нежели въ предшествующіе годы.

Каждыя десять верстъ, которыя я прохожу по южному берегу, даютъ мнѣ больше матеріала, нежели сотни километровъ по Франціи, или столько-же миль по Австріи, Германіи, или Англіи. Тамъ населеніе стереотипно, природа выхолена, затянута, такъ сказать, въ корсетъ; здѣсь-же, по пословицѣ: „что городъ—то норовъ“, природа больше примитивная, нежели культивированная.

Напримѣръ, мой переходъ изъ Кикенеиза въ Алупку. Сколько разнообразнѣйшихъ видовъ.

Сначала держусь дороги, но, завидя внизу постройки Мальцевскаго имѣнія „Симеизъ“, беру первую попавшуюся мнѣ

тропу, спускающуюся по направленію къ этимъ постройкамъ, и иду къ морю.

Ну и досталось же и моей обуви и моимъ ногамъ отъ этого спуска. Одни скалы и кусты хвоинъ.

Спустился я какъ разъ на деревню Симеизъ, гдѣ въ рѣдкой татарской саклѣ не живутъ дачники. Многіе довольствуются татарской обстановкой, и, по весьма понятной мнѣ любознательности, стараются сблизиться со своими хозяевами. Да и славные люди эти татары; напримѣръ, о нихъ всѣ, кто ихъ ближе знаетъ, отзываются какъ о людяхъ честныхъ. Масса красивыхъ типовъ, преимущественно среди мужчинъ. Эти красавцы—у всѣхъ на языкахъ; мнѣ разсказывали, какъ одна генеральша до того втюрилась въ ялтинскаго татарина, что сама шаровары надѣла и сидитъ себѣ съ нимъ на коврахъ, поджавши ноги. Другая аристократка татарину домъ построила.

„Мода на крымски татаринъ", хвастаются татаре.

Я до извѣстной степени понимаю, что послѣ геморроидальныхъ мужей и дохленькихъ любовниковъ русская барынька, обыкновенно много кушающая и мало чѣмъ занятая, особенно умственно, видитъ въ подобномъ субъектѣ мужчину такимъ, какимъ она его желала и не нашла въ своемъ кругу. Одна обзаводится секретаремъ изъ иностранцевъ, мѣщанъ, или евреевъ, другая ѣдетъ на южный берегъ.

Eine alte Geschichte...

Симеизъ — очаровательный уголокъ! Здѣсь имѣются два пансіона, изъ коихъ одинъ, стоящій надъ самымъ моремъ, въ чудномъ тѣнистомъ саду, является центромъ Симеизскаго вида. Растительность богатѣйшая. Достаточно сказать, что мнѣ сплошь да рядомъ попадался лавръ въ видѣ живой изгороди.

Вотъ гдѣ варить малороссійскіе борщи, или подносить вѣнки знаменитостямъ!

Мнѣ такъ расхвалили прогулку въ Лимену, имѣніе Филибера, что, хоть я и не люблю идти назадъ, а иду таки. Могу

похвастать извѣстной настойчивостью: я никогда не покидаю мѣстности, не осмотрѣвъ ея возможно детально.

Въ Лимену иду тропинкой, мѣстностью, которую здѣсь зовутъ Хаосомъ. Это тѣ-же камни, тѣ-же скалы, коими я спускался въ Симеизъ. Тропа лавируетъ между горами, „Дива“, „Монахъ“ и „Кошка“, изъ коихъ „Дива“ лежитъ въ самомъ морѣ, „Монахъ“ повыше и „Кошка“, имѣющая форму безголоваго верблюда, является кульминаціонной точкой этой горной группы и отдѣляетъ Симеизъ отъ Лимены. Кромѣ этой грандіозной картины скалъ, прогулка въ Лимену не представляетъ ничего особенно интереснаго. Въ Лименѣ фруктовый садъ, виноградники, дача...

Обратный путь держу Лименскимъ шоссе, тоже весьма богатымъ видами, и попадаю опять къ той-же турецкой кофейнѣ деревни Симеизъ, гдѣ пилъ чай, спускаясь въ имѣніе наслѣдниковъ Мальцева.

Мнѣ чрезвычайно симпатичны турки. Бѣдный народъ! Мы какъ-то систематически ихъ бьемъ. Сами татары сознаютъ, что турки еще здоровѣй, еще красивѣй ихъ. Татарскій языкъ— это родъ турецкаго жаргона; турокъ и крымскій татаринъ свободно объясняются между собой.

Хозяинъ кофейни, молодой константинополецъ, спѣлъ мнѣ нѣсколько турецкихъ пѣсенъ и проплясалъ турецкую пляску, подобную коей я видѣлъ въ Алжирѣ подъ названіемъ: „туниссскаго танца“. Танецъ этотъ исполняется вдвоемъ, у каждаго изъ танцующихъ въ рукѣ по ножу, которыми они фехтуются, принимая позы то угрожающія, то вызывающія, при этомъ танцующіе издаютъ дикіе звуки и продѣлываютъ рядъ сладострастныхъ тѣлодвиженій. Мнѣ танецъ этотъ очень понравился: въ немъ такъ много удали, такъ много граціи.

Обхожу деревню, заглядывая кой-куда въ сакли; вездѣ чисто, обстановка одна и таже—половики, ковры, подушки. При домахъ огороды, гдѣ, на первомъ мѣстѣ, виноградъ, табакъ и кукуруза, затѣмъ—разныя овощи, перецъ, плодовыя деревья.

Но не правда-ли, какъ интересно прогуляться по Крыму? Если меня, уже знакомаго съ теплыми, даже тропическими краями, эта флора южнаго берега такъ занимаетъ, то какое-же впечатлѣніе должна производить она на сѣверянина, не бывавшаго на югѣ. Опять этотъ татарскій элементъ много способствуетъ тому интересу, который возбуждаетъ Крымъ. Иная религія, иные нравы, иной костюмъ, иные типы, все иное. Словомъ, вы на Востокѣ, и, въ этомъ отношеніи, поѣздка въ Крымъ не менѣе интересна нежели, напримѣръ, мое путешествіе по сѣверному Алжиру. Южный — опять въ другомъ родѣ; тамъ иная зона: однѣ пальмы.

Въ Алупку прихожу въ сумеркахъ. Изъ Симеиза сюда три версты. Прохожу мимо дачи гр. Милютина, бывшаго военнаго министра. Графъ живетъ послѣднее время, и зиму, и лѣто, на своей дачѣ, при которой имѣются прекрасные виноградники.

Подъ Алупкой цѣлыя рощи оливъ. Вообще, въ Крыму, флора юга Европы и сѣверныхъ побережій Африки, хотя кой что изъ того, что ростетъ въ Марроко, Алжирѣ, или Тунисѣ, даже въ Андалузіи,—въ Крыму не растетъ. Напримѣръ, апельсины.

Алупка производитъ нѣкоторое впечатлѣніе заграничныхъ курортовъ. Между тѣмъ вечеромъ здѣсь можно себѣ глаза выколоть, или наступить на собаку, которыхъ здѣсь, какъ вообще во всѣхъ татарскихъ деревняхъ, масса. Въ Алупкѣ улицы не освѣщаются.

Вотъ одна изъ причинъ, почему, имѣя Крымъ и Кавказъ, мы ѣздимъ въ Швейцарію, Пиренеи, или въ Шварцвальдъ.

Дорого и никакихъ удобствъ.

Но что красиво—это фактъ. Красиво, интересно и оригинально. Того, что вы здѣсь увидите, вамъ не увидать на Западѣ.

XLII.

Кто жалуется на недостатокъ сюжетовъ, а я такъ еле поспѣваю описывать ту бездну интересныхъ зрѣлищъ, встрѣчъ, разговоровъ, коими меня такъ балуетъ судьба. Темы являются не днями, а часами, минутами и, право, требуется масса энергіи, чтобы бѣгать цѣлый день, какъ угорѣлый, и потомъ до разсвѣта писать.

Удача нужна во всемъ и я, въ моихъ путешествіяхъ, не могу пожаловаться на отсутствіе этой удачи. Точно какой-то добрый геній руководитъ мной, устраняя всѣ препятствія и, такъ сказать, устилая мой путь розами.

Алупкинскій дворецъ мнѣ немного напоминаетъ лѣтнюю резиденцію королевы Викторіи—Виндзорскій Кастель, по мрачности окраски, по стилю задняго фасада и примыкающихъ къ нему стѣнъ и башень. Читаю въ Головкинскомъ гидѣ: „Алупкинскій дворецъ, постройка коего закончена въ 1837 году, сдѣланъ изъ мѣстнаго камня (порфировиднаго трахита), трудно поддающагося обработкѣ. Вся наружная часть его обложена большими массивами, скрѣпленными желѣзомъ и свинцомъ. Изъ этого же камня сдѣланы трубы и легкая, ажурная баллюстрада, на главномъ фронтонѣ. Проэктъ и рисунки дворца составлены англійскимъ архитекторомъ Блоромъ, а самая постройка производилась архитекторомъ Гонтомъ, подъ наблюденіемъ самого князя Воронцова, обладавшаго тонкимъ вкусомъ“.

Всѣ гиды, а съ ихъ словъ и публика, считаютъ алупкинскій дворецъ, построеннымъ въ мавританскомъ стилѣ, когда это старый англійскій стиль. Основными элементами маври-

танскаго стиля, насколько я имѣлъ случай это видѣть и въ гренадской Альгамбрѣ, и въ севильскомъ Альказарѣ, шедеврахъ этого стиля является, во-первыхъ, внутренній квадратный дворъ (patio), обыкновенно съ фонтаномъ по-серединѣ, куполообразные потолки и, непремѣнно, характерная ломанная арка, чего въ алупкинскомъ дворцѣ нѣтъ. Правда, въ выходящемъ въ садъ фасадѣ, имѣется родъ мавританской ниши, такъ и называемой въ лѣтописяхъ дворца Альгамброй, но между настоящей Альгамброй и этой, самозванной — мало общаго. Что-же до остальныхъ покоевъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, каковъ они теперь, отъ нихъ гораздо больше вѣетъ западомъ, нежели востокомъ.

Изъ обширнаго вестибюля, гдѣ виситъ цѣлая коллекція семейныхъ портретовъ графовъ Браницкихъ, я попадаю въ кабинетъ, спальную и туалетную княгини Воронцовой: здѣсь чувствуется Италія, съ ея скульптурой и мозаиками... Въ гардеробной—16 громадныхъ шкаповъ для платья. Библіотека уцѣлѣла отъ того погрома, который учинила здѣсь княгиня Воронцова, вывезшая все лучшее во Флоренцію. Княгиня недавно умерла, и я попалъ, такъ сказать, въ моментъ междуцарствія. Татаринъ, показывавшій мнѣ дворецъ, жаловался:

— Пять мѣсяцевъ жалованье не получаю. Шуваловскій канторъ не хочетъ платыть, воронцовскій канторъ не хочетъ платыть. Ни знаю, кто будетъ платыть...

Уцѣлѣли также двѣ персидскія вышивки (ручная работа); портреты шаха персидскаго, присланные шахомъ въ подарокъ князю Воронцову, въ его бытность намѣстникомъ Кавказа.

Зимнимъ садомъ прохожу въ столовую, въ стилѣ средневѣковаго рыцарскаго замка, съ прелестнымъ, выложеннымъ голубыми кафелями, фонтаномъ; самый водоемъ, въ формѣ раковины, сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора. Какъ фонтанъ, такъ и два смежные съ нимъ камина,—окаймлены сѣрыми мраморными рамками. Четыре панно итальянской живописи вдѣланы въ стѣны, которыя, равно какъ и потолокъ, точенаго дерева. Гербы S. W. (Семенъ Воронцовъ) и M. T. (Марія Трубецкая)

разбросаны по карнизу. Залъ этотъ—лучшая комната дворца, какъ по стилю, такъ и по богатству отдѣлки. Въ билліардной—чудные портреты: князя Михаила Семеновича Воронцова, его отца, Семена Романовича и княгини, урожденной Браницкой.

Недурна гостинная: по голубому фону бѣлая лѣпная работа.

Въ общемъ, снаружи дворецъ много интереснѣе, нежели внутри. Внутри это разоренныя хоромы, которымъ слѣдовало-бы остаться въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при покойномъ князѣ. Я смотрю на алупкинскій дворецъ, какъ на своего рода національный музей; жаль, что его не пощадили.

Прекрасные цвѣтники и чудный паркъ примыкаютъ ко дворцу. Паркъ этотъ изобилуетъ кипарисами (цѣлыя рощи), лаврами, магноліями... все это успѣло разростись и даетъ массу тѣни.

Чтобы разбить этотъ паркъ, пришлось расчистить цѣлый каменный хаосъ; нѣкоторые камни остались и примѣнены къ украшенію парка. Артистическая лѣстница, уставленная бѣлыми мраморными львами, спускается къ морю. Вообще, это одинъ изъ лучшихъ парковъ на южномъ берегу.

Видъ издали на алупкинскій дворецъ нѣсколько проигрываетъ вслѣдствіе того, что дворецъ мрачнаго зеленоватаго цвѣта. Къ крымской природѣ больше всего идутъ бѣлыя зданія, выдѣляющіяся на фонѣ темной зелени.

Побывалъ и въ мечети, при которой имѣется красивый фонтанъ и обширный водоемъ для омовеній, и въ православномъ храмѣ древне-греческаго стиля, лазилъ на минаретъ, чтобы полюбоваться Алупкой сверху. Прелестное дачное мѣсто, особенно для грудныхъ больныхъ — климатъ теплый, нѣтъ большихъ колебаній въ температурѣ. Масса больныхъ проводятъ здѣсь зиму.

Алупка, начавшая развиваться лишь по почину Воронцова, едва полъ-вѣка тому назадъ, быстро растетъ и обѣщаетъ стать второй Ялтой. Мѣстность дивная.

Вотъ какъ описываетъ это мѣсто Богдановичъ, заслуженный генералъ и почтенный литераторъ:

„Отъ Байдарскихъ воротъ до Ялты путь болѣе похожъ на декорацію роскошнаго балета, чѣмъ на возможную, особенно для насъ, русскихъ природу. Влѣво горы, скалы, вправо—грозди виноградныхъ лозъ, растеній, деревьевъ, о которыхъ на сѣверѣ не слыхано. Виллы перемѣшаны съ дворцами, швейцарскія хижины съ татарскими минаретами. Вотъ Симеисъ; вотъ Алупка, гдѣ все дышетъ памятью фельдмаршала князя Воронцова. Вотъ Кореисъ, вотъ Оріанда, вотъ царская Ливадія и, наконецъ, Ялта, наша русская Ницца“.

Совершенно раздѣляю восторги генерала Богдановича, и цитирую его слова какъ буквальное отраженіе моихъ мыслей, моихъ восторговъ.

И при всемъ этотъ южный берегъ сравнительно мало населенъ. Почему? Потому, во-первыхъ, что чувствуется здѣсь недостатокъ въ водѣ, во-вторыхъ, потому, что весьма поэтичныя скалы—плохія культурныя земли,—камнемъ сытъ не будешь; наконецъ, что касается туристовъ и богачей, владѣльцевъ здѣшнихъ дачъ и помѣстій, почти не живущихъ здѣсь, то первые находятъ выгоднѣй и интереснѣй ѣздить заграницу—поѣздка эта обойдется имъ и дешевле, и дастъ имъ больше удобствъ, разнообразія и удовольствій, которыя отсутствуютъ въ Крыму, вторые-же привыкли ѣздить заграницу, гдѣ они чувствуютъ себя и свободнѣй, да и денежки тамъ можно спустить куда пріятнѣй.

Южный берегъ, какимъ я его вижу сейчасъ, довольно „мове-тоненъ“, и въ той-же Одессѣ, на Фонтанахъ, вы встрѣтите гораздо больше изящныхъ и лицъ, и туалетовъ, нежели среди этой богатѣйшей природы, среди этихъ дворцовъ и дачъ. Простенькія личики, простенькіе костюмы и простенькая рѣчь—вотъ, что, пока, чаще всего попадается мнѣ. Можетъ быть, виноградный сезонъ элегантнѣе, но сейчасъ, право, мнѣ кажется, что я въ какомъ-нибудь петербургскомъ Парголовѣ, или на подмосковной дачѣ. Грѣшный человѣкъ, люблю все изящное,

и эти крымскія купальщицы, наѣздницы и туристки совсѣмъ не по мнѣ. Стриженныя, курносыя, въ допотопныхъ шляпкахъ. Глазъ слишкомъ приглядѣлся въ Трувилѣ, Біаррицѣ, Интерлакенѣ, Остенде къ другому жанру и лицъ, и костюмовъ, и манеръ.

XLIII.

За Алупкой слѣдуетъ имѣніе графини Шуваловой — Мисхоръ, затѣмъ цѣлая серія дачъ, болѣе или менѣе красивыхъ, и, наконецъ, Оріанда, имѣніе Государя Императора, пріобрѣтенное удѣльнымъ вѣдомствомъ у Великаго Князя Дмитрія Константиновича за 1.300,000 рублей.

Я шелъ нижней дорогой и, изъ промежуточныхъ между Алупкой и Оріандой дачъ, обратилъ вниманіе лишь на дачу Полежаева „Али-Сарай" да на „Ласточкино гнѣздо" Тобиной (на мысѣ Ай-Тодоръ), построенную надъ обрывомъ, на самомъ краю пропасти и тѣмъ только и замѣчательную, ибо ни въ архитектурномъ отношеніи, ни въ смыслѣ обилія зелени, ни въ смыслѣ уютности дача эта ничего не представляетъ: близъ дачи ни кусточка, и едва-ли здѣсь пріятно жить. Вообще, архитектура южнаго берега сильно хромаетъ; чувствуется недостатокъ въ талантливыхъ архитекторахъ. По этому поводу я имѣлъ продолжительную бесѣду съ генераломъ Плецомъ, управляющимъ Оріандой. Рѣдко я встрѣчалъ человѣка болѣе симпатичнаго, привѣтливаго, милаго, умнаго и просвѣщеннаго.

Гощу у генерала Плеца четвертый день; живу въ самой Оріандѣ, чудной виллѣ, откуда видъ на Ялту, на море, на окрестныя горы—восхитительный.

„Вы рѣдко гдѣ найдете на южномъ берегу такой видъ", говоритъ мнѣ генералъ.

И дѣйствительно — восторгъ. Особенно изъ моего окна (я помѣщаюсь въ свѣтелкѣ)—Ялта утромъ, Ялта на закатѣ, Ялта ночью, когда зажгутъ огни...

Мое пребываніе въ Оріандѣ тѣмъ очаровательнѣе, что оно совершенно случайно и неожиданно. Я сбился съ дороги, очутился у виллы управляющаго—со мной разговорились, нашлось нѣсколько общихъ знакомыхъ, и я сталъ гостемъ.

Я чувствую здѣсь полный душевный миръ: чисто русскіе люди, баре, не выскочки какіе-нибудь, нажившіеся холопы, корчащіе изъ себя аристократовъ.

Мы бесѣдуемъ цѣлый день, бесѣдуемъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о литературѣ, о живописи (генералъ — художникъ), о музыкѣ,читаемъ. Генералъ большой поклонникъ русской литературы и мало симпатизируетъ французской.

„По мнѣ, настольными книгами каждаго должны быть сочиненія Пушкина, Лермонтова, Алексѣя Толстого, Гоголя, Грибоѣдова, пожалуй „Война и миръ" Льва Толстого"...

Остальныхъ авторовъ генералъ любитъ меньше, придерживаясь того мнѣнія, что въ искусствѣ не должно быть тенденціи. Въ живописи онъ покланяется Ванъ-Дейку, въ музыкѣ—Чайковскому.

Викторъ Александровичъ Плецъ—большой знатокъ архитектуры, и его мнѣніями дорожилъ самъ покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ; Викторъ Александровичъ, будучи управляющимъ Ливадіей, ежедневно бывалъ у Великаго Князя, составляя ему партію въ карты.

„Великій Князь," говоритъ генералъ Плецъ, „былъ глубоко образованный человѣкъ и существо безконечно доброе. Что-же касается образованія, то это была ходячая энциклопедія. Великій Князь, бывало, не возьметъ въ руки ни одной вещи безъ того, чтобы не добиться, какъ она устроена. Онъ, напримѣръ, въ мельчайшихъ деталяхъ зналъ часовой механизмъ. Разъ онъ мнѣ прочелъ цѣлую лекцію объ орденѣ „Honni soit qui mal y pense" (орденъ подвязки), со словъ, какъ онъ говорилъ, короля Альберта, супруга англійской королевы Викторіи.

Оріандская церковь была любимымъ дѣтищемъ Великаго Князя. Онъ былъ ею всецѣло поглощенъ послѣдніе годы своей жизни—самъ рисовалъ надписи, снималъ церковь въ различные моменты ея постройки, не любилъ, чтобы кто-либо изъ служащихъ вмѣшивался; онъ желалъ быть, такъ сказать, и создателемъ, и строителемъ этой церкви".

Генералъ показываетъ мнѣ эту церковь, построенную въ стилѣ грузино-византійскомъ. Внутри — прекрасныя мозаики.

Осматриваю также развалины оріандскаго дворца, сгорѣвшаго въ 1882 году. Генералъ находитъ эти руины мало-художественными; „по мнѣ", говоритъ онъ, „это какъ былъ, такъ и остался, остовъ сгорѣвшаго зданія".

Мнѣ эти руины представляются иначе: мнѣ нѣтъ дѣла до того, остатки-ли это пожара, время-ли разрушило ихъ, искусственныя-ли это руины—онѣ ласкаютъ глазъ и производятъ впечатлѣніе какихъ-то греческихъ руинъ, тѣмъ болѣе и стиль дворца былъ греческій, развалины заросли травой, кустами, деревьями. Торчатъ колонки, какъ провалившіеся глаза череповъ, смотрятъ окна. Красиво. Только не сверху. Сверху слишкомъ правильно очерченъ планъ зданія, дѣйствительно видно, что оно горѣло, сгорѣла крыша и часть корпуса...

Взбираемся къ ротондѣ, артистической полукруглой колоннадѣ, откуда открывается восхитительный видъ. Видъ этотъ еще обширнѣй съ Крестовой горы, куда ведетъ тропинка, откуда мы спускаемся къ бурному водопаду, обходимъ паркъ съ его вѣковыми деревьями, фруктовымъ садомъ, пасѣкой, цвѣтниками и идемъ въ погреба.

Мнѣ Оріанда очень нравится—здѣсь больше природы, нежели искусства и природы самой разнообразной. Рѣдко гдѣ, на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ земли, встрѣтишь такое разнообразіе: горы, поляны, тѣнистыя аллеи, море, лучшее украшеніе Крыма.

Въ Оріандѣ собираются строить дворецъ. Временно объ этихъ мѣстахъ стараются не говорить при Дворѣ, въ виду

соединеннаго съ ними грустнаго воспоминанія о смерти Александра III.

„Что за тоскливое время мы переживали здѣсь, когда умиралъ покойный Государь. Сама природа, казалось, сочувствовала этому горю. Все померкло... Я помню, какъ сейчасъ, мы сидимъ и видимъ, какъ, на стоявшей у Ливадіи царской яхтѣ „Память Меркурія“, начинаютъ (въ знакъ траура) скрещивать реи и слышимъ пальбу, но съ большими интервалами; салютовка, въ торжественныхъ случаяхъ, идетъ быстро, одинъ выстрѣлъ за другимъ, по покойникѣ-же выстрѣлятъ и ждутъ, какъ похоронный звонъ. Тяжелыя минуты! Бѣдную Государыню особенно было жаль! Государь пожилъ-бы еще, но Онъ не любилъ лѣчиться, и когда ему говорили о докторахъ, или о лѣкарствѣ, Онъ обыкновенно отвѣчалъ: „пустяки!“

Государь былъ примѣрнымъ семьяниномъ; Онъ даже мало съ кѣмъ, кромѣ Императрицы и своихъ Дѣтей, разговаривалъ. Напримѣръ, генералъ Ванновскій, столь близко стоявшій къ Государю, и тотъ, всякій разъ, являясь съ докладомъ во дворецъ, испытывалъ какой то тайный страхъ. Александръ III, держа своихъ министровъ въ почтительномъ отдаленіи, тѣмъ самымъ пользовался еще большимъ авторитетомъ. Словомъ, это былъ примѣрный Царь, и Ему слѣдовало бы жить да жить“.

Викторъ Александровичъ показываетъ мнѣ оріандскіе погреба. Вотъ главнѣйшіе сорта хранящихся здѣсь винъ, собранныхъ съ 18 десятинъ виноградника: Каберне красное, Семиліонъ, Верделіо, Пино Гри, Франъ Пино, Мускатъ бѣлый, Мускатъ розовый, Изабелла, Мальбекъ и др.

„Сейчасъ здѣсь около 8 тысячъ ведеръ. При В. К. Константинѣ Николаевичѣ вина продавались Рихтеру (петербургскому виноторговцу) по 12 р. за ведро однолѣтняго вина, теперь, съ пріобрѣтеніемъ имѣнія удѣлами, оно пойдетъ въ общую продажу удѣловъ“.

Я пробую разныхъ сортовъ вино, но въ этой области я профанъ и говорить о достоинствѣ винъ не могу.

Детальнѣй осмотрѣть Оріанду, нежели я ее осмотрѣлъ, невозможно. Пожалуй, чтобы перечислить всѣ ея достопримѣчательности, слѣдуетъ еще упомянуть объ адмиральскомъ домикѣ, прудѣ, гдѣ плаваютъ лебеди, о памятникѣ Моськѣ...

Я часто буду вспоминать мое пребываніе въ Оріандѣ и ради тѣхъ нѣсколькихъ дней мира, полнаго душевнаго удовлетворенія, что я пережилъ здѣсь, можно было-бы прійдти пѣшкомъ не только что изъ Одессы, а изъ самаго Петербурга.

XLIV.

Въ Оріандѣ получается масса газетъ и журналовъ: русскихъ, французскихъ, англійскихъ. Это даетъ мнѣ возможность нѣсколько слѣдить за тѣмъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Жизнь здѣсь идетъ съ той корректностью, съ которой живутъ люди извѣстнаго положенія. Забавные контрасты: сегодня я въ избѣ, завтра во дворцѣ...

Генералъ Плецъ показываетъ мнѣ нѣкоторые очаровательнѣйшіе уголки, куда обыкновенно ѣздятъ изъ Ялты. Напримѣръ: дорогу изъ Ялты въ Бахчисарай, съ приваломъ у водопада Учанъ-Су (летучая вода) и вторымъ—на вершинѣ Пендикюля. Водопадъ лѣтомъ не особенно интересенъ, но интересна мѣстность, какъ у водопада, такъ и вся вообще. Все время лѣсъ—гигантскій сосновый лѣсъ. На горѣ, съ игрой солнечныхъ лучей, онъ дивно хорошъ и, не будь южнаго освѣщенія, можно было-бы вообразить себя въ грандіозныхъ лѣсахъ Финляндіи, или сѣверной Россіи. Чѣмъ-то роднымъ вѣетъ отъ этого лѣса, и самый безчувственный матеріалистъ, навѣрное, пришелъ-бы въ восторгъ, попавъ сюда.

А что за виды! На Ялту, на море... Боюсь надоѣсть читателю и потому воздерживаюсь отъ длинныхъ описаній.

Какъ жаль мнѣ тѣхъ, кто лишенъ возможности видѣть этотъ лѣсъ, подышать этимъ воздухомъ, особенно на Пендикюлѣ, гдѣ предполагаютъ выстроить санитарную станцію!

Въ такому лѣсу какъ-то и говорится восторженнѣй. Мы съ генераломъ вспоминаемъ Суворовскіе походы, и разговоръ преимущественно касается военныхъ темъ.

„Вы прекрасно сдѣлали, что прошли военную школу. Военный человѣкъ всегда лучше и выдержанъ, и воспитанъ. Военный долженъ быть вѣчно на чеку. Вы молодой офицеръ, вы знать не знаете, вѣдать не вѣдаете, что такое слѣдствіе— вы вдругъ получаете предписаніе произвести слѣдствіе по такому-то дѣлу. Или флигель-адъютантъ—командируютъ его разобрать дѣло о такихъ-то злоупотребленіяхъ. Въ военной службѣ нельзя отказываться неумѣньемъ—тамъ надо все умѣть. Я воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ—насъ учили наукамъ, военному дѣлу, воспитывать же насъ—почти не воспитывали, въ этомъ отношеніи мы были предоставлены самимъ себѣ, мы шли по старшему курсу. Не отдашь, бывало, чести—безъ отпуска, и никакихъ оправданій: не допускалось мысли, чтобы мы могли не видѣть—мы должны были все видѣть; я по сейчасъ все вижу, все замѣчаю, и такое вѣчное пребываніе на чеку мнѣ сослужило не разъ службу“.

Генералъ симпатизируетъ туркамъ, но онъ находитъ, что турки слишкомъ патріархальны, чтобы жить съ юркими, пронырливыми европейцами.

„Волей самихъ судебъ“, говоритъ онъ, „мы ихъ оттѣсняемъ все дальше и дальше въ Азію“.

Къ Оріандѣ примыкаетъ Ливадія, гдѣ въ Бозѣ почилъ Александръ III. Тамъ больше искусства, нежели въ Оріандѣ: газоны выхолены, дорожки расчищены, масса рѣдкихъ деревъ, напримѣръ, колоссальныхъ размѣровъ магноліи, изобиліе банановъ, чудный пирамидальный дубъ.

Генералъ Евреиновъ, управляющій Ливадіей, не смотря на то, что я явился въ неположенное время, далъ мнѣ проводника и приказалъ показать мнѣ царскій маіоратъ во всѣхъ его подробностяхъ.

Меня сначала повели садами, гдѣ я обращаю вниманіе на интересный фонтанъ, подъ названіимъ фонтана „Нимфъ“, вывезенный изъ Помпеи гр. Потоцкимъ, прежнимъ владѣльцемъ Ливадіи.

Дворцовъ въ Ливадіи два — малый и большой. Оба они не блещутъ Царской роскошью, особенно малый, гдѣ жилъ Императоръ Александръ III, любившій маленькія, низенькія комнаты.

Меня вводятъ въ небольшую переднюю, откуда направо три пріемныхъ; въ первой — простенькая бамбуковая мебель, вторая въ мавританскомъ стилѣ, съ красивымъ, бѣлаго мрамора каминомъ, въ третьей, кромѣ интересныхъ гравюръ — ничего. Изъ прихожей налѣво—кабинетъ и спальня теперешняго Государя Императора и кабинетъ и спальня Великаго Князя Георгія Александровича.

Поднимаюсь во второй этажъ. Уборная Александра III, гдѣ виситъ прекрасная картина В. Маковскаго: „Крестный ходъ въ Малороссіи"; рядомъ съ уборной, кабинетъ покойнаго Государя—цѣлая коллекція фотографій, на коихъ собственной рукой Государь написалъ: „Нашъ пріѣздъ въ Ялту 23 октября 1891 г., Ливадія 1 мая 1886 г., Поповка „Вице-адмиралъ Поповъ", крейсеръ: „Память Меркурія. Ялта апрѣля 1886 г." и т. д. Рядомъ кабинетъ Государыни въ мавританскомъ стилѣ. Пріемная.

Но вотъ комната, гдѣ невольно сердце бьется учащеннѣй, и грустныя воспоминанія тѣснятся въ сердцѣ: здѣсь умеръ Александръ III. Небольшая комнатка въ одно окно, съ дверью, ведущею на балконъ. Между ними диванъ, надъ диваномъ зеркало. Два кресла, столъ, два комода. Каминъ, надъ каминомъ картина „поросята", подписанная Priz Piggies. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояло кресло, въ которомъ почилъ Александръ III стоитъ скамеечка. Кресло отправлено въ Петербургъ.

Комната оклеена простенькими обоями. Такая же драпировка и перегородка, за которой стоитъ двухъ-спальная постель. Все это до нельзя просто—чисто, кокетливо, но совершенное отсутствіе роскоши. Таковъ вообще весь маленькій дворецъ. Только снаружи онъ артистическаго мавританскаго стиля. Рядомъ со спальней—уборная Государыни.

Большой дворецъ и больше, и роскошнѣе малаго. Тамъ жилъ Александръ II съ Императрицей Маріей Александровной. Внизу бѣлая столовая съ примыкающей къ ней террасой съ фонтаномъ и бюстомъ Александра II. Въ гостинной всѣ стѣны увѣшаны прекрасными акварелями итальянскихъ художниковъ. Кабинетъ Императрицы въ японскомъ стилѣ—рѣдкой красоты. На этажеркѣ стоятъ портреты членовъ Царскаго Дома. Въ спальной Императрицы нѣсколько прекрасныхъ копій съ картинъ Рафаэля: Мадонна „de la sedia“, портретъ Рафаэля, скопированный Верещагинымъ и др. Въ кабинетѣ Государя Императора всѣ стѣны увѣшаны гравюрами Горшельда на сюжеты покоренія Кавказа.

Въ верхнемъ этажѣ—аппартаменты Великихъ Князей. При дворцѣ имѣется домовая церковь, гдѣ я прикладываюсь къ древней армянской иконѣ дивной художественной работы. Вокругъ иконы 18 эмалированныхъ выпуклыхъ медаліоновъ и 7 маленькихъ ковчеговъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Подъ этими медаліонами и въ этихъ ковчегахъ хранятся мощи святыхъ и частица древа св. Креста.

XLV.

Изъ Ливадіи, ливадійскими виноградниками, я иду въ Ялту. Издали Ялта—восторгъ! Лучше всего любоваться ею съ моря, напримѣръ, съ молла. Очаровательная панорама! Вблизи она проигрываетъ, потому порядка мало. Здѣсь грязно, тамъ пусто—издали не видно, а какъ начнешь приглядываться, всѣ эти недочеты замѣтны.

Ялтинская дорога подъ Ялтой, очень оживлена: экипажи, верховые, амазонки. Иная галопируетъ чуть не въ капотѣ. Иная solo съ татариномъ.

На такую амазонку всѣ обращаютъ вниманіе, зло острятъ, двусмысленно подмигиваютъ. Ну, будь еще татаринъ писанный красавецъ, чистенькій, нарядный, а то большинство—уроды и одѣты грязно.

Думается мнѣ, во всѣхъ этихъ татарскихъ романахъ больше выдумки провинціальныхъ язычковъ и хвастовства со стороны татаръ. А впрочемъ... Называютъ фамиліи, показываютъ любительницъ: матери семействъ, у другой взрослыя дочери, сыновья—студенты, мужья занимаютъ высшія должности.

Сама по себѣ Ялта мало интересна; интересны ея окрестности. Ялтинскій городской садъ—это какой-то полисадникъ. Хорошъ Мордвиновскій садъ—громадный, тѣнистый, напоминаетъ помѣщичьи сады. Публика больше гуляетъ по набережной—безъ перилъ и безъ малѣйшей тѣни. Тутъ-же купальни—волей неволей приходится лицезрѣть купальщиковъ и купальщицъ. Кому это зрѣлище пріятно, а кому и нѣтъ. Что бы сказали чопорныя англичанки при видѣ голыхъ мужскихъ тушъ? Полагаю, и среди русскихъ дѣвицъ найдутся такія, которымъ пріятнѣй было-бы не видѣть подобныхъ зрѣлищъ.

Мнѣ теперь все понятнѣе и понятнѣе, почему у насъ больше ѣздятъ заграницу, нежели въ Крымъ, или на Кавказъ.

Гостинница Россія комфортабельна и напоминаетъ благоустроенные заграничные отели.

Въ Ялтѣ не мало хорошенькихъ дачъ; иныя прямо роскошны, особенно хороша возлѣ нихъ растительность, къ которой русскій глазъ не привыкъ—полу-тропическая. Почти на всѣхъ дачахъ отдаются квартиры, или отдѣльныя комнаты и почти вездѣ отпускаютъ обѣды. Все это очень дорого. Жизнь въ Ялтѣ будетъ раза въ полтора дороже петербургской, одесской, или московской. Разумѣется въ сезонъ.

„Ялта это—разсадникъ туберкулозы", говоритъ мнѣ одинъ ялтинскій докторъ, „и здоровому человѣку жить здѣсь безусловно опасно. Туберкулозный ядъ ужаснѣе любой заразы: тифа, холеры. Между тѣмъ рѣдкая ялтинская квартира не заражена имъ: больные плюютъ, куда попало, выплевываютъ мокроту и, вдыхаемая здоровымъ человѣкомъ зараза сообщается ему".

Докторъ громитъ ялтинскую публику.

„Ялта это самая глубокая провинція; въ сезонъ сюда съѣзжаются тѣ-же провинціалы; имъ дѣлать нечего, они только ходятъ по набережной и сплетничаютъ. Зимой-же Ялта—совершенное захолустье".

Я, вообще, не поклонникъ разныхъ курортовъ: въ одномъ руки никому не смѣешь подать—изъ боязни заразиться, воздухъ насыщенъ сѣрой, дышать трудно; въ другомъ—только и слышно, что кхэ, кхэ... Конечно, жаль ихъ, бѣдныхъ, но помочь—не поможешь, между тѣмъ, не говоря уже о прилипчивости болѣзни, какъ весело слушать, что докторъ сказалъ, да что онъ прописалъ.

Иной всю жизнь обреченъ на сидѣнье въ Ялтѣ. Со сколькими ни приходилось мнѣ знакомиться—тотъ самъ боленъ, другой жену привезъ, третій сына, или дочь. Масса больныхъ и все больше чахоточные.

Почти все ялтинское кладбище въ могилахъ пріѣзжаго люда.

Въ самой Ялтѣ прогулокъ разъ, двѣ, да и обчелся. Ходилъ въ татарскую деревню Дерикой, которая въ диковинку пріѣзжающимъ въ Ялту туристамъ, я-жъ вдоволь насмотрѣлся на татарскія деревни. Въ Дерикоѣ находится соборная мечеть, хорошенькое зданіе; близъ мечети кладбище. На нѣкоторыхъ могилахъ—красивые памятники въ татарскомъ вкусѣ. Жители Дерикоя, ялтинскіе татаре, изъ коихъ многіе—люди весьма зажиточные, выстроили себѣ прекрасное волостное правленіе и волостной судъ. Ялта—доходная статья, и заработки ялтинскихъ татаръ позволяютъ имъ хорошо строиться.

Въ Ауткѣ, предмѣстьи Ялты, живутъ греки. Масса дачъ.

Моллъ кому нравится, а кому и нѣтъ. Одни говорятъ удобство, другіе—обезобразилъ ялтинскую бухту.

Въ общемъ, Ялта—живописный городокъ. Стоитъ только пойдти на моллъ и водить глазами отъ Ай-Петри до Аюдага. Горы—гдѣ голыя, гдѣ лѣсистыя, гдѣ въ виноградникахъ. Чрезвычайно оживляются горы постройками, какъ-бы эти постройки не были скромны. Издали важенъ ансамбль, а не детали. Ялта раскинулась широкой панорамой по заливу,.... А тутъ еще морская даль. Небо въ причудливыхъ лоскутьяхъ.

Нѣтъ, хороша Ялта, не-смотря на грязь, пустоши и туберкулозу! Вѣдь и на солнцѣ есть пятна...

Ночевать возвращаюсь въ Оріанду.

Не имѣй я характера, я-бы, кажется, на вѣкъ застрялъ въ Оріандѣ. Достаточно сказать Царское имѣніе: лучшаго желать нельзя, въ смыслѣ роскоши, удобствъ и проч.

Но каковъ-бы я былъ путешественникъ, если-бы я застрялъ гдѣ нибудь дорогой? Какъ мнѣ ни грустно покидать Оріанду. я дѣлаю таки надъ собой усиліе и ухожу.

На прощанье генералъ Плецъ вноситъ мнѣ въ мой путевой дневникъ: „Михаилъ Александровичъ Берновъ посѣтилъ насъ въ Оріандѣ, 2 августа 1895 г. Съ удовольствіемъ провелъ съ нимъ время, гуляя по Оріандѣ и бесѣдуя о разныхъ интересующихъ его и меня предметахъ. В. Плецъ“.

XLVI.

Алупка, Оріанда, Ливадія, Массандра, Никитскій садъ, Гурзуфъ... все это какіе то сады Эдена, гдѣ только жить въ награду за особыя добродѣтели. Чудныя мѣста! И не будь я, какъ говорится, немножко „blasé" по части живописныхъ мѣстностей, я бы еще не такія восторженныя письма писалъ съ южнаго берега.

Поднявшись тропинкой къ кладбищу, послѣдній разъ любуюсь видомъ Ялты, которая отсюда, боковымъ своимъ фасадомъ глядитъ, кажется, еще кокетливѣе, нежели съ моря. Вообще, Ялта кокетка—откуда на нее ни посмотри, она отовсюду старается тебѣ понравиться. И издали она не можетъ не нравиться. Вблизи—дѣло вкуса и требованій.

Въ 4-хъ верстахъ отъ Ялты лежитъ Массандра, имѣніе Государя Императора. Оріанда, Ливадія, Массандра—каждая въ своемъ родѣ; въ Оріандѣ больше природы, дикой, запущенной природы, и въ этомъ вся прелесть Оріанды, въ Ливадіи — искусство, въ Массандрѣ и то, и другое; нижняя Массандра—чудный паркъ, съ питомниками экзотическихъ растеній, съ аллеями ползучихъ розъ, съ семи-саженными магноліями, съ чудными экземплярами чилійскихъ сосенъ и другихъ рѣдкихъ растеній. Въ средней Массандрѣ—погреба, при нихъ бондарныя и другія хозяйственныя постройки. Верхняя Массандра лежитъ почти на самой Яйлѣ и чаруетъ своей дикостью скалъ, грандіозностью лѣсовъ. Чудные хвойные лѣса, скалы съ гротами и террасами, откуда открываются фееричные виды на окрестность. У подножія скалъ достраивается дворецъ, начатый еще при князѣ Воронцовѣ,

а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца сохранилась старинная церковь съ бьющей изъ подъ алтаря струей студеной воды. Воздухъ въ Массандрѣ дивный; вообще, для грудныхъ больныхъ, южный берегъ это—истинное спасеніе: близость моря и смолянистый духъ хвоинъ способны оздоровить самую больную грудь.

Но здоровые, служащіе, напримѣръ, здѣсь въ удѣлахъ, очень жалуются на скуку. Въ Массандрѣ, куда сосланы нѣсколько петербуржцевъ, жалобы эти мнѣ понятны: послѣ шумной столицы, вдругъ, очутиться въ глуши, особенно зимой... это ужасно!

„Природа пріѣдается; что же до климата, то, представьте себѣ, я чувствовалъ себя куда лучше въ Петербургѣ. Прямо тоскуешь безъ зимы. Здѣсь хорошо доживать вѣкъ, когда ничего ужъ больше не интересуетъ, но молодому, любящему пожить, повеселиться—здѣсь... это настоящая ссылка. Такъ, петербургскія газеты приходятъ на пятый день, удовольствій никакихъ. Люди живутъ особнякомъ, не знакомятся другъ съ другомъ, не ѣздятъ другъ къ другу. Прислуга....“

На южномъ берегу какъ только заходитъ рѣчь о прислугѣ, прямо зубами скрежещутъ. Такъ она всѣмъ насолила.

Справляюсь на счетъ винодѣлія — Массандра славится своими винами. Вино здѣсь прессуется. Мнѣ объясняютъ, что выжиманье винограднаго сока ногами, какъ это еще дѣлается напримѣръ, въ Астраханской губерніи, или, какъ я это видалъ въ Малагѣ, гдѣ малагское вино тоже выжимается еще примитивнымъ способомъ, имѣетъ то преимущество, что зернышки остаются нераздавленными, и вину не сообщается вкусъ этихъ зернышекъ.

Благодаря любезности управляющаго Массандрой г. Качалова, я въ деталяхъ осматриваю Царское имѣніе и, забравшись, на верхнюю террасу, что лежитъ 1680 футовъ надъ уровнемъ моря, спускаюсь тропинками напрямикъ къ Никитскому саду.

Императорскій Никитскій садъ находится въ вѣдѣніи министерства земледѣлія. Это—громадныхъ размѣровъ ботаническій садъ, гдѣ преимущественно культивируются декоративныя растенія, коихъ здѣсь имѣются самые рѣдкіе экземпляры. Въ Никитскомъ саду есть училище, готовящее садовниковъ и винодѣловъ; при училищѣ читаются высшіе курсы по винодѣлію.

Директоръ училища, г. Анциферовъ оказываетъ мнѣ самый любезный пріемъ, я обѣдаю у него и послѣ обѣда осматриваю садъ.

Меня ведутъ въ пробковую рощу, показываютъ мнѣ богатѣйшій розаріумъ, гдѣ мнѣ попадаются слѣдующія оригинальныя названія розъ: „La Pudeur“, „La comtesse d'Oxford“, „M-me de Stella“ и др.

Дальше—пальмы, бамбуки, тѣнистая лавровая бесѣдка, лавровишни, лагестреміи и пр. и пр. Всѣ эти растенія дивно сгруппированы и, если взглянуть издали на отдѣльныя группы, получается очаровательное впечатлѣніе. Какой то разнохарактерный костюмированный вечеръ, гдѣ, надъ чилійской сосной, или сахарійской пальмой, любовно развѣсилась чинара, или шумитъ сѣверянка—липа.

Я начинаю ходить, какъ въ чаду—такъ я очарованъ всѣмъ тѣмъ, что приходится видѣть ежедневно. Непрерывной лентой тянется передо мной панорама южнаго берега: далѣе все болѣе и болѣе прелестные виды.

Напримѣръ, Гурзуфъ... что за прелесть! особенно вечеромъ. Губонинъ обратилъ свое имѣніе въ какой то увеселительный садъ: понастроилъ кокетливыхъ дачъ, разбилъ въ саду цвѣтники, разбросалъ фонтаны, бесѣдки, цѣлыя веранды, все это освѣтилъ электричествомъ, и получилось нѣчто вродѣ московскаго Петровскаго парка, или петербургскихъ Аркадій, Крестовскаго. Нѣкоторымъ такая эксплоатація крымской природы не нравится, но я люблю разнообразіе, и послѣ царскихъ Ореандъ, Ливадій, или безалаберной Ялты, пріятно очутиться въ Гурзуфѣ, гдѣ подъ звуки опереточныхъ мотивовъ, при

звонѣ стакановъ и ресторанномъ шумѣ, въ освѣщенномъ электричествомъ саду, шмыгаютъ купеческія дочки, выступаютъ павами аристократки и, рисуясь, гуляютъ чахоточные франты.

Этотъ видъ благоустроеннаго курорта меня необыкновенно веселитъ.

Природа—дѣло прекрасное, но когда влѣзешь въ нее по уши, хочется и отдохнуть; тянетъ въ городъ, въ театръ, въ душную залу...

Du nouveau, toujours du nouveau—таковъ мой девизъ.

XLVII.

Въ 1820 году въ Гурзуфѣ, въ семьѣ генерала Раевскаго, гостилъ Пушкинъ; здѣсь были имъ написаны нѣкоторыя изъ извѣстнѣйшихъ его стихотвореній. Въ одномъ изъ нихъ онъ рисуетъ Гурзуфъ слѣдующими поэтическими красками:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ—холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувства путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага.

Въ Гурзуфѣ сохранились: чинара, подъ которой Пушкинъ сиживалъ, воспѣтый имъ кипарисъ, а въ помѣщичьемъ домѣ показываютъ помѣщеніе, которое занималъ Александръ Сергѣевичъ.

Слѣдуетъ также упомянуть о построенной тайнымъ совѣтникомъ Губонинымъ церкви, въ которой онъ и похороненъ. Церковь—красивой византійской архитектуры, вродѣ Ливадійской.

Гурзуфскія гостинницы дѣлаютъ прекрасныя дѣла; мнѣ говорилъ директоръ Никитскаго сада, которому случайно попался отчетъ за первую недѣлю (сезонъ начался 1-го августа),—

приходъ за недѣлю равнялся 22 тысячамъ. Правда и расходы громадные....

За неимѣніемъ свободныхъ номеровъ въ гостинницѣ я попадаю на ночлегъ къ грекамъ изъ Карса. Это нѣчто среднее между христіанами и магометанами: религію исповѣдываютъ они православную, народъ въ высшей степени набожный, всѣ посты соблюдаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сидятъ въ комнатахъ въ шапкахъ, поджавши ноги, переняли у турокъ, подъ властью коихъ долгое время находились, цѣлый рядъ обычаевъ. Турокъ ненавидятъ.

Разсказываютъ: „Турецки солдатъ, когда деревня идетъ, курица его боится, бѣжитъ прочь; русски солдатъ никто не боится, вѣра одна, за нитка копѣйку даетъ“, т. е. отъ турецкаго солдата даже курица бѣжитъ, русскій-же солдатъ нитки даромъ не возьметъ.

„Турокъ не милосердны, русски милосердны“.

Я не знаю, но турки, которыхъ видишь на южномъ берегу, держатъ себя въ высшей степени почтительно, скромно. Положимъ, въ чужихъ людяхъ, кто-же будетъ „форсить“....

Изъ Гурзуфа, кордонной тропой, иду въ Алушту. Имѣнія, дачи... Начинаютъ онѣ мнѣ надоѣдать. Да и послѣ царскихъ имѣній трудно увидать что-либо лучшее. Хотя имѣніе Раевскаго — Карасанъ, даже послѣ Ливадіи и Оріанды, не грѣхъ посмотрѣть: большой, мавританскаго стиля домъ, тѣнистая сосновая роща, цвѣтники, оранжереи. Прекрасное барское имѣніе. Чтобы добраться до него, приходится перелѣзать Медвѣдь-гору (Аю-Дагъ); красивой, мохнатой шапкой высится она надъ самымъ моремъ. Она видна съ разныхъ концовъ южнаго берега.

Изъ Карасана попадаю въ имѣніе принцессы Мюратъ — Кучукъ-Ламбатъ. Не смотря на нѣкоторые недочеты въ моемъ костюмѣ въ Кучукъ-Ламбатѣ меня принимаютъ весьма мило, показываютъ мнѣ домъ, сады. Кучукъ-Ламбатовскіе „Айвазовскіе“ уѣхали въ Ялту лакироваться, зато я любуюсь художественными миніатюрами Наполеона и Жозефины и чуд-

ною группою миніатюръ семьи Іоахима Мюрата, неаполитанскаго короля (1811 г.), beau frère'а Наполеона I, портретами его самого, Achille Murat, Ioachim Murat, Caroline Murat, (Reine de Naples), Princesse de Napies (Comtesce Pepoli) и Princesse de Napies (Comtesse Basponi). Масса художественныхъ библо, прекрасный портретъ принцессы Мюратъ, урожденной Сомовой, карточки Люи Наполеона, служащаго на Кавказѣ въ нижегородскихъ драгунахъ. На одномъ изъ столовъ лежатъ только что полученныя парижскія газеты: „Figaro“, „Gaulois“, настольный органъ монархистовъ. Мнѣ кажется, будто я во Франціи, въ какомъ-нибудь chateau.

Изъ Кучукъ-Ламбата, все той-же кордонной тропой, прохожу къ профессорскому уголку, гдѣ пріютился цѣлый сонмъ профессоровъ: Голубевъ, Кирпичниковъ, Головкинскій и др. и добираюсь до Алушты, которой пока кончается моя прогулка по южному берегу.

Къ Алуштѣ мѣстность бѣднѣй: и горы не такъ хороши и не такъ высоки, и растительность не столь экзотична; здѣсь селится людъ съ болѣе ограниченными средствами.

Алушта—татарская деревня, гдѣ настроили каменныхъ зданій и тѣмъ только испортили ея мѣстный колоритъ. Здѣсь, очевидно, создается да и создастся вторая Алупка; скромнымъ дачникамъ придется перебраться подальше по южному берегу. Пока они благодушествуютъ въ Алуштинской бухтѣ, гдѣ мужчины и дамы, на виду у всѣхъ, купаются au naturel. Въ Алуштѣ ростутъ лучшіе сорта лѣчебнаго винограда, среди коего, какъ мнѣ разсказывали здѣшніе татары, первую роль играетъ полированная шашла. Шашла—водянистѣй другихъ сортовъ винограда и потому его можно больше съѣсть, въ чемъ его главное преимущество для лѣчащихся виноградомъ.

Въ итогѣ я чрезвычайно доволенъ моей прогулкой по южному берегу: было всего—и для глазъ, и для здоровья, и для ума, и для сердца. Покупался, вкусно поѣлъ, насмотрѣлся видовъ, садовъ, горъ, дворцовъ, дачъ, что называется, до сыта, принимали радушно...

Чудный край, съ которымъ жаль разстаться, но другіе чудные края ждутъ меня, да, наконецъ, всегда можно вернуться въ Крымъ.

Тому, кто въ Крыму еще не бывалъ, совѣтую побывать, благо теперь такъ дешева стала желѣзная дорога. Проэктировали желѣзную дорогу по южному берегу, но, какъ и надо было ожидать, проэктъ этотъ провалился: на южномъ берегу имѣнія принадлежатъ сановнымъ лицамъ, и имъ эта дорога не по нутру.

Да и крымская природа пострадала-бы...

Пускай лучше остается примитивный способъ сообщенія!

XLVIII.

Мое путешествіе по Крыму я завершаю двумя интересными экскурсіями: первая—въ Косьмо-Демьянскій монастырь, вторая—на Чатырдагъ.

Изъ Алушты въ Косьмо-Демьяновскій скитъ верстъ около 20. Большая часть дороги идетъ лиственнымъ лѣсомъ, все время въ гору, ибо монастырь стоитъ на значительной высотѣ.

Грустно разставаться съ моремъ; теряя его изъ глазъ, я нѣсколько разъ оборачиваюсь и шлю ему прощальные поцѣлуи.

Мнѣ суждено на послѣдокъ моего пребыванія въ Крыму вкусить цѣлый рядъ приключеній, которыя чуть не кончаются для меня фатально. Но „чуть" не считается... все хорошо, что хорошо кончается, я вышелъ изъ этого ряда приключеній почти цѣлъ; потерялъ только въ монастырѣ свой бумажникъ, ужасно усталъ и поцарапалъ себѣ все тѣло о камни и колючки Чатырдага.

Я никогда не забуду этихъ двухъ экскурсій!

По пути къ Косьмо-Демьяну, взявъ, вмѣсто прямой дороги, соблазнившую меня тропинку, я блуждалъ-блуждалъ, точно лѣшій меня водилъ, пока наконецъ не выбрался на ту же дорогу, сдѣлавъ лишнихъ добрыхъ верстъ пять вмѣсто того, чтобы урѣзать версту другую, какъ я это разсчитывалъ, когда сворачивалъ съ дороги.

Въ монастырь пришелъ часамъ къ 9. Отошла послѣдняя служба. Монахи ложились спать. Подъ навѣсомъ, на столѣ, стояли два огромныхъ остывшихъ самовара. Это общіе самовары, для богомольцевъ, которые должны имѣть чай, сахаръ

свои. Мнѣ, не запасшемуся имъ, гостинникъ принесъ маленькую жестянку изъ подъ какихъ-то консервовъ, гдѣ я нашелъ щепотку чаю и нѣсколько кусочковъ сахару.

Разумѣется, за это онъ получилъ соотвѣтствующую мзду.

Самъ по себѣ монастырь интересенъ—стоитъ въ горахъ, двѣ церкви, часовенька съ ключемъ родниковой воды, который проведенъ въ особо-устроенную купальню, куда погружаются больные. Вода очень холодная, $7^1/_2{}^0$ по Цельсію. Относительно цѣлебности этой воды существуетъ цѣлая масса преданій, изъ коихъ одно гласитъ, что какой-то злой мужъ выкололъ глаза женѣ и бросилъ ее въ лѣсу; ей явились Косьма и Демьянъ и, приведя ее къ источнику, заставили умыться. Она прозрѣла.

При монастырѣ имѣется царскій охотничій павильонъ. Государь Императоръ Александръ III дважды посѣщалъ монастырь—въ 1873 и въ 1880 гг.

Я провелъ крайне безпокойную ночь—пришлось спать на голомъ диванѣ, ночь была холодная, я прозябъ, и лишь обнаруженная поутру пропажа бумажника нѣсколько разогрѣла меня.

Изъ монастыря рѣшаю идти на Чатырдагъ, хотя было-бы болѣе впору отказаться отъ этой экскурсіи: и усталъ, и не выспался, и денегъ въ обрѣзъ, только мелочь, оставшаяся въ кошелькѣ. Но, чертъ возьми, какъ быть въ Крыму и не побывать на Чатырдагѣ, не посмотрѣть сталактитовыхъ пещеръ! Такое индифферентное отношеніе къ красотамъ Крыма я оставляю жителямъ этой страны; я-же туристъ, я долженъ все видѣть, все посѣтить, долженъ знать Крымъ лучше здѣшнихъ уроженцевъ. Такъ это обыкновенно и бываетъ. Я самъ родомъ изъ подъ Москвы, былъ почти во всѣхъ крымскихъ монастыряхъ, а въ Троицко-Сергіевской лаврѣ до сихъ поръ не былъ и, воспитываясь въ Москвѣ, живя тамъ годами, понятія не имѣю о Воробьевыхъ горахъ.

Если-бы меня кто-либо попросилъ провести его той дорогой, которой я добрался до Чатырдага, я-бы очень затруд-

нился. Отъ Косьмы-Демьяна и пошелъ напрямикъ: чащамй, ручьями, кучами сухихъ листьевъ, словомъ брелъ какъ тотъ волкъ, что не знаетъ дорогъ и бѣжитъ прямо передъ собой.

Чрезвычайно интересна такая бѣготня, и надо быть вытренированнымъ для такой скачки съ препятствіями. Бацъ тебя вѣткой по лицу, какая-нибудь колючка держитъ тебя за фалду пиджака, между тѣмъ какъ сукъ не пускаетъ ранца. Ногамъ—то больно отъ острыхъ каменьевъ, то мокро отъ разлившихся горныхъ ручей, то скользко по усыпанному сухими хвоинами откосу. Къ такой скачкѣ нельзя примѣнить никакой спеціальной ковки, лучше всего было-бы умѣть летать.

Домъ лѣсничаго. Крынка молока, ломоть хлѣба, пятокъ яицъ и—силы подкрѣплены.

„Анютка, покажъ барину тропинку на Чардакъ“, зоветъ дѣвченку хозяйка.

Дѣвченка показываетъ очень неопредѣленно, да и какъ опредѣленно показать: тропинокъ масса.

— Держитесь правѣй.

„Ладно! Спасибо!“.

И я полѣзъ.

Скучно пересказывать всѣ фазисы моей скачки. Лѣзъ, уставалъ—ложился, вставалъ, опять лѣзъ и опять отдыхалъ. Съ тропинки сбился и руководился только тѣмъ, что лѣзу и лѣзу—значитъ въ гору, а не съ горы.

Вотъ кончился лѣсъ, и передо мной выросла, на значительной еще высотѣ, каменистая верхушка Чатырдага.

Тутъ уже лазанье смѣнилось ползаньемъ. Буквально ползъ на четвереңькахъ. Подо мной осыпались камни, меня увлекало внизъ.

Силы оставляли меня. А впереди еще цѣлая гора, стоящая передо мной почти отвѣсной стѣной.

И каждый прочный камушекъ, за который можно было зацѣпиться, былъ для меня спасительной соломенкой утопающаго.

Я нисколько не преувеличу, если скажу, что жизнь моя была въ опасности.

Но я доползъ...

И когда, очутившись на верхушкѣ горы, я увидѣлъ передъ собой дивную панораму Крыма, я не сталъ даже любоваться ею, а бросился на землю и, всецѣло упивался тѣмъ, чего жаждалъ... отдыхомъ.

Отдохнувъ я, конечно, принялся любоваться видомъ, который былъ, не смотря на чудную погоду, туманенъ, такъ что я отчетливо могъ различить лишь одну Алушту. Хотѣлъ было на воздвигнутой на вершинѣ Чатырдага вѣхѣ написать: „Здѣсь чуть было не погибъ Берновъ“ но подумалъ „кому это интересно?“ и ничего не написалъ.

Къ Симферополю Чатырдагъ спускается террасами. Я рѣшилъ ночевать въ баракѣ Крымскаго горнаго клуба и пошелъ, было, по значкамъ, воздвигнутымъ этимъ клубомъ, но и тутъ сбился съ пути.

Долго-ли, коротко-ли я блуждалъ, не знаю. Солнце сѣло. Меня мучила жажда. Обувь пришла въ полную негодность, такъ что я ступалъ почти голой погой на камни и не одинъ изъ нихъ врѣзывался мнѣ въ ступню до крови.

Но бодрость духа сильнѣе всѣхъ порѣзовъ. Я этой бодрости не терялъ. Жажду я нѣсколько утолилъ горстями собранной на полянахъ костеники. Она кисленькая, хорошо утоляетъ жажду.

Какъ бы не заночивать среди степи! Я началъ звать.

Послѣ получасоваго ауканья я, наконецъ, услышалъ отвѣтное „ау“ и увидалъ далеко на скалѣ человѣческую фигуру. Фигура эта махала мнѣ рукой. Я пошелъ на это маханье.

„Куды идешь?“ спросилъ меня махавшій, коренастый татаринъ, поглядывавшій на меня съ той непривѣтливостью взгляда, которая, признаюсь, напугала меня.

А тутъ еще изъ кустовъ вышелъ другой татаринъ, да самъ идетъ, а самъ что то за спиной держитъ.

— Ты что за спиной держишь? вырвалось у меня подавленнымъ голосомъ.

Татаринъ улыбнулся, сказалъ „ты боишся"—и показалъ мнѣ прутикъ, который онъ вертѣлъ въ рукахъ.

„Я сторожъ горнаго клуба, а это прійдетъ помогать".

Я нескончаемо обрадовался и пошелъ за татарами въ баракъ, гдѣ велѣлъ себѣ поставить самоваръ, отдохнулъ, утолилъ жажду и голодъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пошли осматривать пещеры. Ихъ двѣ: Бинъ-Башъ-Хоба и Суукъ-Хоба. Подробно описывать я ихъ не стану. Скажу лишь, что много видѣлъ горъ, пещеръ, гротовъ, но ничего подобнаго еще не видалъ. Это настолько грандіозно, настолько причудливы формы сталактитовъ, такъ велики эти пещеры и такая ихъ непрерывная анфилада, что я, идя ими, только повторялъ: „что за восторгъ! что за прелесть!"

Тутъ же валялись кости...

Бинъ-Башъ-Хоба меньше Суукъ-Хоба, но кокетливѣе ея и, какъ говорится въ докладѣ д-ра Дмитріева, „если тамъ (въ Бинъ-Башъ-Хоба) было жилье и работа карликовъ-гномовъ, то здѣсь (въ Суукъ-Хоба) строили себѣ дворецъ великаны. Но первые, сдѣлавъ себѣ узкій, трудный въ началѣ, путь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше расширяли и увеличивали его и окончили свою работу грандіознымъ храмомъ; а здѣсь наоборотъ, начавъ съ гигантскаго вестибюля, великаны продолжали вести проходъ все уже и уже, ниже и ниже, не жалѣя только работы на украшеніе стѣнъ и потолка".

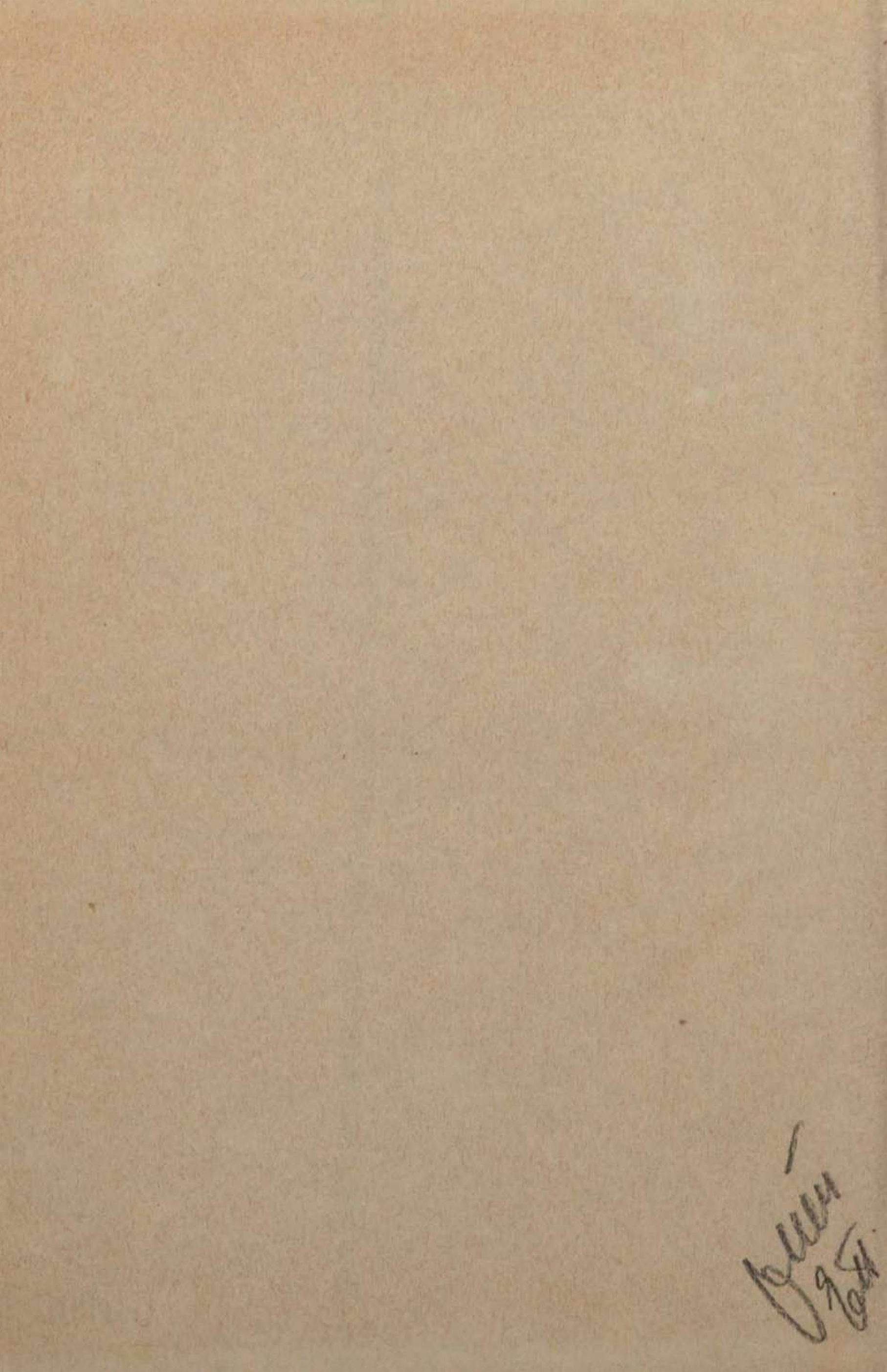
У татарина не оказалось магнія, пришлось довольствоваться свѣчами. Между прочимъ, по его словамъ, пещеры лучше смотрѣть вечеромъ.

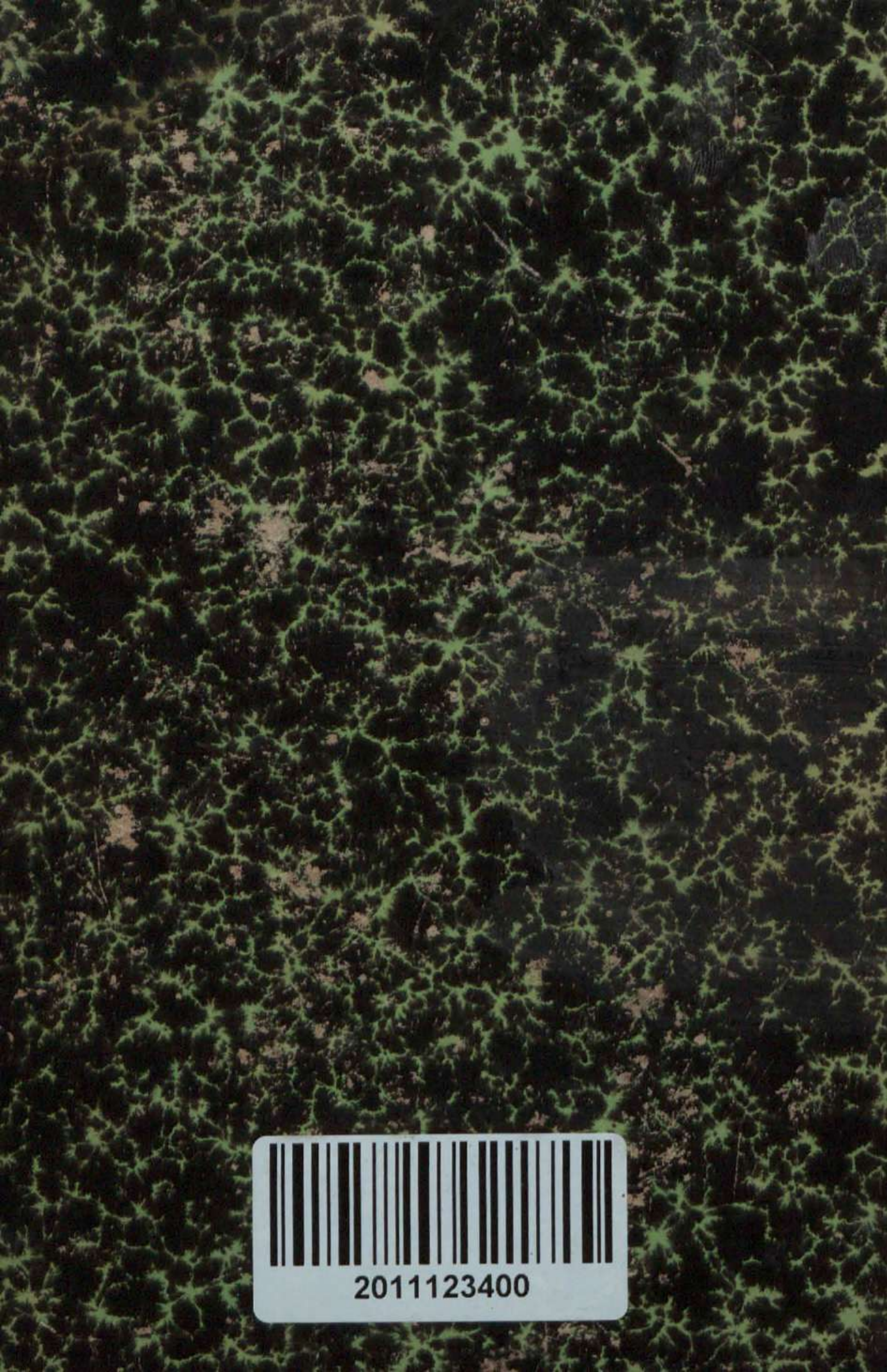
Что за дивная работа! Что за феерическое зрѣлище!

Ночевалъ въ баракѣ, въ привѣшенной къ потолку люлькѣ. Пришлось и здѣсь зябнуть.

За то утромъ, отдохнувъ, какъ пошелъ шагать—какъ разъ добрался до Симферополя: деревней Джанкой, Перовскимъ и Ялтинскимъ шоссе.

Изъ Симферополя поѣздомъ въ Севастополь, оттуда пароходомъ въ Одессу.




2011123400